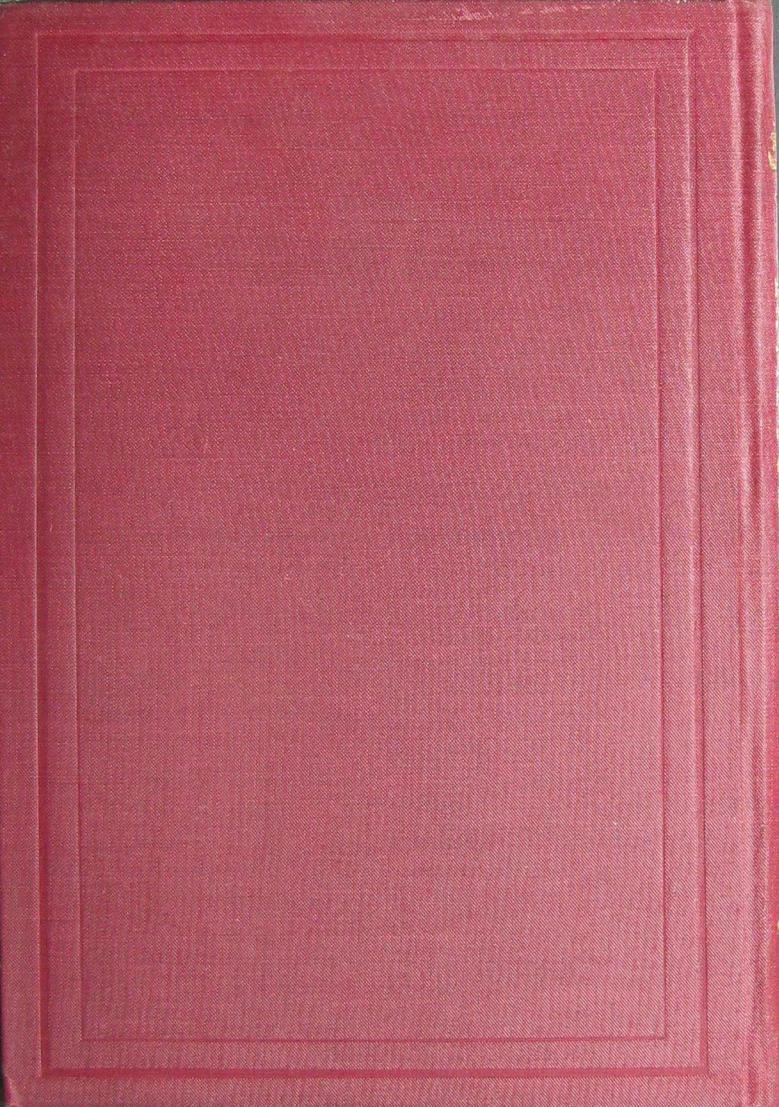

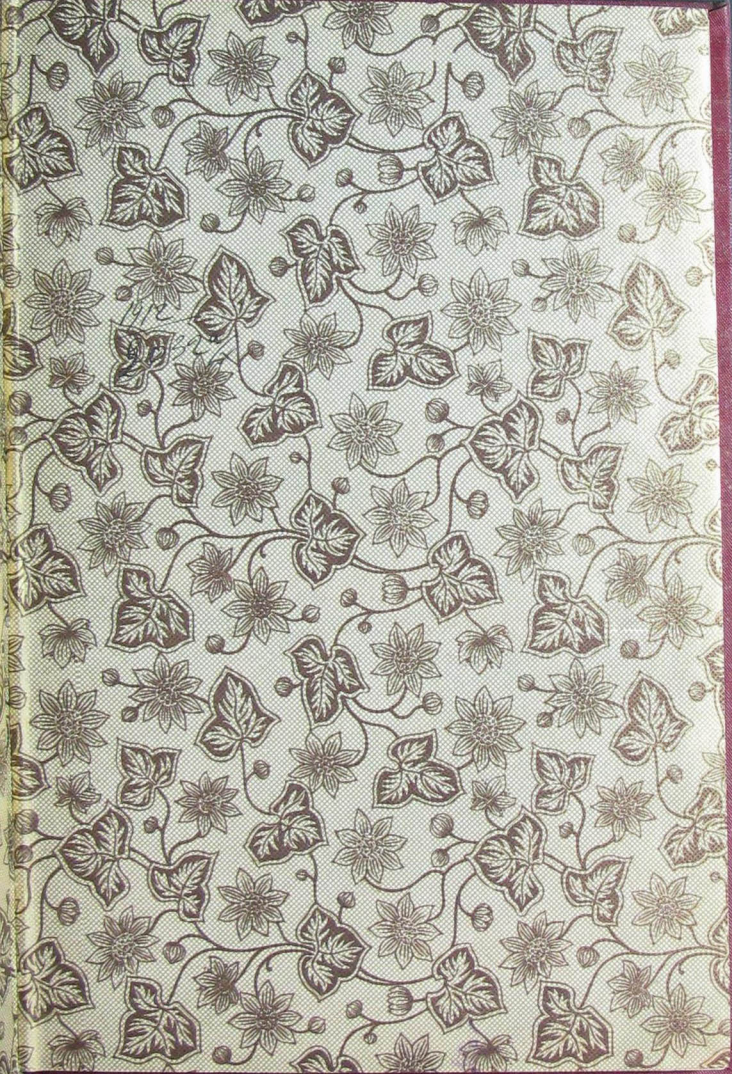
3 III

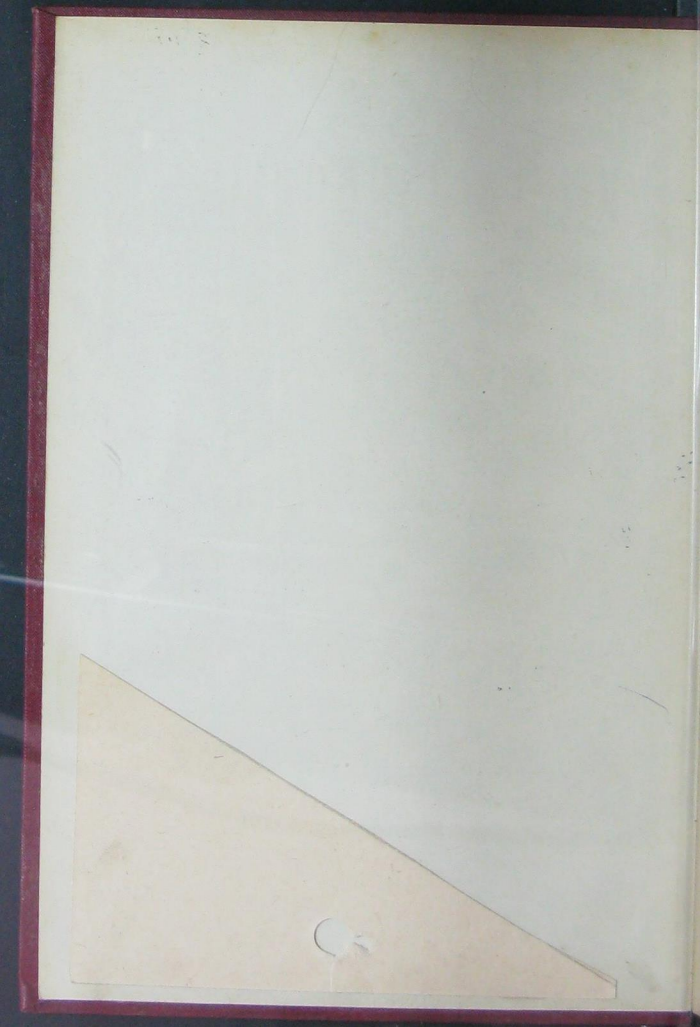
617

Книга Взрослыхъ

1934

~~2. III~~
~~214.~~

КНИГА ВЗРОСЛЫХЪ.

155

ПЕРВЫЙ ГОДЪ ОБУЧЕНІЯ.

84211
1912
2042^a/1

Составлена учительницами воскресныхъ школъ

при ближайшемъ участіи

Х. Д. Алчевской.

7

Проверено
ЦБ 1939

Центральна Наукова
БІБЛІОТЕКА при ХДУ
Инв. № _____

Типографія Товарищества И. Д. Сытина, Валовая ул., свой д.
МОСКВА.—1899.

58

Дозволено цензурою. Москва, 19 мая 1899 года.

ЦНБ ХНУ ім. В. Н. Каразіна
2010 р.

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
Москва, 19 іюня 1899 года.

Цензоръ священникъ Александръ Гиларевскій.

I

РОЖДЕСТВО ПРЕСВИТОЙ ДѢВЫ МАРІИ.

Рождество Пресвятой Дѣвы Маріи.

Въ небольшомъ іудейскомъ городѣ Назаретѣ жили праведные люди Іоакимъ и Анна. Они происходили изъ рода царя Давида, были благочестивы и милосерды къ бѣднымъ. Іоакимъ и Анна дожили до старости, но не имѣли дѣтей. Они очень горевали объ этомъ и усердно молились Богу, прося Его дать имъ дитя. Молясь, они обѣщали, если у нихъ будетъ ребенокъ, посвятить его на служеніе Богу. Господь услышалъ молитву праведныхъ Іоакима и Анны: у нихъ родилась дочь, которую они назвали Марією и которой суждено было стать матерью Господа нашего Іисуса Христа.

Введеніе во храмъ Пресвятой Дѣвы Маріи.

Недолго оставалась Пресвятая Дѣва въ родительскомъ домѣ. Когда Ей минуло три года, праведные родители Ея поспѣшили исполнить свой обѣтъ — отдать дитя на служеніе Богу. Ничто не удержало ихъ: ни горячая любовь къ дочери, ни боязнь остаться одинокими, ни ранній возрастъ ребенка. Любовь къ Богу и желаніе угодить Ему своей жертвой помогли имъ побѣдить горе при разлукѣ съ дочерью.

Пригласивъ своихъ родныхъ и подругъ Дѣвы Маріи, Іоакимъ и Анна торжественно повели Ее во храмъ Іерусалимскій. Здѣсь Ее встрѣтилъ первосвященникъ; по внушенію Божію, онъ ввелъ Ее въ самую главную часть храма — Святое Святыхъ, куда самъ могъ входить только одинъ разъ въ годъ.

Пресвятая Дѣва осталась жить при храмѣ вмѣстѣ съ другими дѣвицами. Она проводила время въ молитвѣ, чтеніи священныхъ книгъ и въ занятіяхъ рукодѣліемъ.

ВВЕДЕНИЕ ВО ХРАМЪ ПРЕСВЯТОЙ ДѢВЫ МАРІИ.

БЛАГОВѢЩЕНІЕ ПРЕСВЯТОЙ ДѢВѢ МАРІИ.

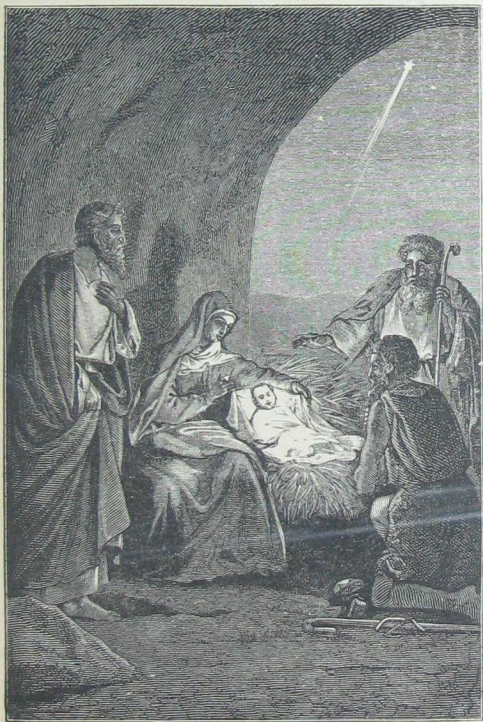
Благовѣщеніе Пресвятой Дѣвы Маріи.

Когда Дѣвъ Маріи исполнилось 14 лѣтъ, срокъ Ея воспитанія окончился. Она не могла долѣе жить при храмѣ. Родители Ея уже скончались, и священники хотѣли выдать Марію замужъ. Но Она сказала имъ, что дала обѣтъ Богу остаться дѣвою. Тогда священники обручили Дѣву Марію Ея родственнику праведному старцу Іосифу. Іосифъ былъ бѣдный человѣкъ — плотникъ. Живя у него въ домѣ, Марія помогала ему въ хозяйствѣ, а въ свободное время читала священные книги.

Однажды, во время чтеній, передъ Ней явился ангель и сказалъ: „Радуйся, Благодатная! Господь съ Тобою; благословенна Ты между женами!“ Марія смутилась отъ этихъ словъ; но ангель продолжалъ: „Не бойся, Марія: Ты обрѣла благодать у Бога. Ты родишь сына и наречешь ему имя Іисусъ. Онъ будетъ великъ и наречется Сыномъ Всевышняго“. Марія сказала: „Какъ будетъ это, когда я мужа не знаю?“ Ангель сказалъ ей въ отвѣтъ: „Духъ Святой найдетъ на Тебя, и сила Всевышняго осѣнитъ Тебя, и потому Младенецъ, рожденный Тобою, наречется Сыномъ Божіимъ“. Тогда Марія отвѣтила со смиреніемъ: „Я раба Господня, пусть будетъ со Мною по слову твоему“.

Рождество Господа Іисуса Христа.

Приближалось время, когда отъ Пресвятой Дѣвы Маріи долженъ былъ родиться Сынъ Божій. Въ это время производилась народная перепись. Іосифъ и Марія были изъ рода царя Давида и пошли записаться въ городъ Давидовъ Вифлеемъ. Когда они пришли въ городъ, былъ уже поздній вечеръ. Всѣ мѣста въ гостиницѣ были заняты народомъ, и Іосифъ съ Марією не нашли себѣ пріюта. Тогда они рѣшились остаться отдохнуть и переночевать вблизи города въ пещерѣ, куда пастухи загоняли въ дурную погоду свои стада.

РОЖДЕСТВО ГОСПОДА ИИСУСА ХРИСТА.

Въ этой пещерѣ ночью родился Спаситель міра. Марія спеленала Своего Божественнаго Сына и положила Его въ ясли.

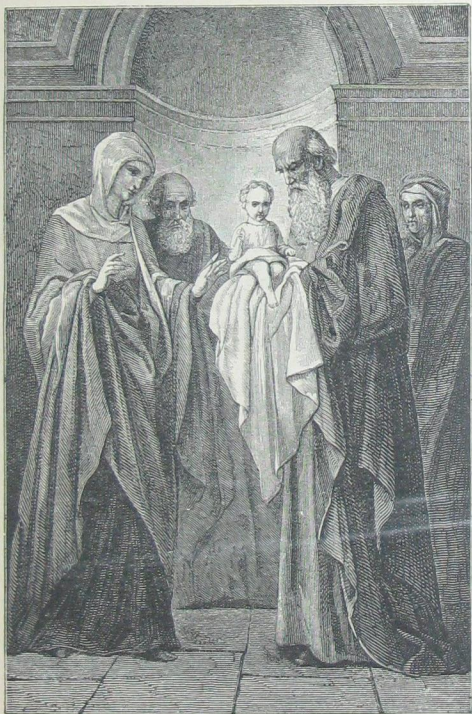
Въ ту ночь, какъ родился Спаситель, пастухи изъ Виолеема пасли свои стада недалеко отъ пещеры, гдѣ было Святое семейство. Вдругъ они увидѣли сильный свѣтъ, и передъ ними явился ангелъ. „Не бойтесь,—сказалъ онъ пастухамъ,—я возвѣщаю вамъ великую радость: въ эту ночь родился Спаситель міра. Вотъ вамъ знакъ: вы найдете младенца, лежащаго въ ясляхъ“. Пастухи съ удивленіемъ и радостью слушали эту вѣсть. Вокругъ ангела внезапно явилось много другихъ ангеловъ; они пѣли и славили Бога: „Слава въ вышнихъ Богу, на землѣ миръ, въ людяхъ благоволеніе“. Небесное пѣніе стихло; ангелы сдѣлались невидимыми; вокругъ пастуховъ стало опять темно. Тогда пастухи пошли къ пещерѣ и тамъ нашли Младенца, лежащаго въ ясляхъ. Около Него сидѣли старецъ Іосифъ и Дѣва Марія. Пастухи поклонились Младенцу и возвратились, славя Бога.

Срѣтеніе Господа Іисуса Христа.

У евреевъ былъ законъ, чтобы родители въ сороковой день послѣ рожденія своего перваго сына приносили его въ храмъ. Въ благодарность Богу они приносили при этомъ жертву: богатые — агнца, а бѣдные — голубей.

Пресвятая Дѣва Марія также пришла въ храмъ съ младенцемъ Іисусомъ и принесла въ жертву Богу двухъ голубей.

Въ это время жилъ въ Іерусалимѣ праведный чело-вѣкъ, Симеонъ. Господь обѣщалъ ему, что онъ не умретъ, пока не увидитъ Спасителя міра. Когда Дѣва Марія принесла младенца во храмъ, Господь открылъ это Симеону. Онъ пришелъ туда, взявъ младенца Іисуса на руки и радостно благодарилъ Бога, говоря: „Нынѣ Ты, Владыко, отпускаешь меня изъ этой жизни съ миромъ, потому что очи мои видѣли спасеніе, которое Ты приготовилъ для всѣхъ народовъ, Свѣтъ для просвѣщенія язычниковъ,

СРЪТЕНІЕ ГОСПОДА ІІСУСА ХРИСТА.

не знавшихъ Тебя, и для славы Твоего народа израильскаго“.

Въ это время въ храмъ была также пророчица Анна. Она вмѣстѣ съ праведнымъ Симеономъ славилъ Бога и говорила о младенцѣ, что Онъ есть ожидаемый всѣми Спаситель міра.

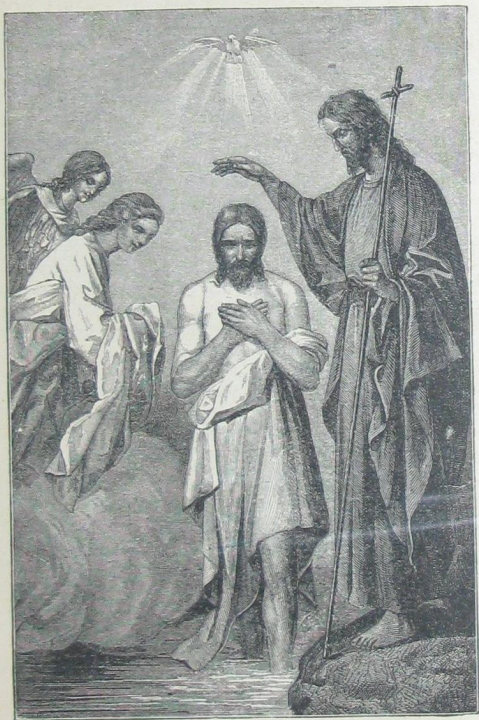
Крещеніе Господа Іисуса Христа.

Немного раньше того времени, какъ родился Господь Іисусъ Христосъ, у благочестиваго священника Захаріи родился сынъ Іоаннъ. Еще до рожденія его ангелъ возвѣстилъ Захаріи, что сынъ его будетъ великъ предъ Богомъ и приготовитъ людей къ принятію Спасителя.

Іоаннъ съ раннихъ лѣтъ удалился въ пустыню и тамъ проводилъ время въ постѣ и молитвѣ. Когда ему минуло 30 лѣтъ, онъ, по волѣ Божіей, пошелъ къ рѣкѣ Іордану проповѣдывать о пришествіи Спасителя міра. Народъ толпами приходилъ къ Іоанну, который говорилъ: „Покайтесь, потому что близко царствіе Божіе“. Тѣхъ, которые каялись въ грѣхахъ своихъ, Іоаннъ крестилъ въ Іорданѣ.

Вмѣстѣ съ другими пришелъ къ Іоанну Господь Іисусъ Христосъ, чтобы креститься отъ него. Іоаннъ сказалъ Господу: „Мнѣ надо креститься отъ Тебя, и Ты ли приходишь ко мнѣ?“ Но Господь отвѣтилъ ему: „Не удерживай Меня, ибо мы должны исполнить всякую правду“ (то-есть Божественную волю). Тогда Іоаннъ крестилъ Его. Когда Господь выходилъ изъ воды, небеса отверзлись надъ Нимъ, и Духъ Святый сошелъ на Него въ видѣ голубя, а съ неба былъ слышенъ голосъ Бога Отца: „Ты Сынъ Мой возлюбленный, въ Тебѣ все Мое благоволеніе“.

Іисусу Христу было въ это время около 30 лѣтъ.

КРЕЩЕНИЕ ГОСПОДА ИИСУСА ХРИСТА.

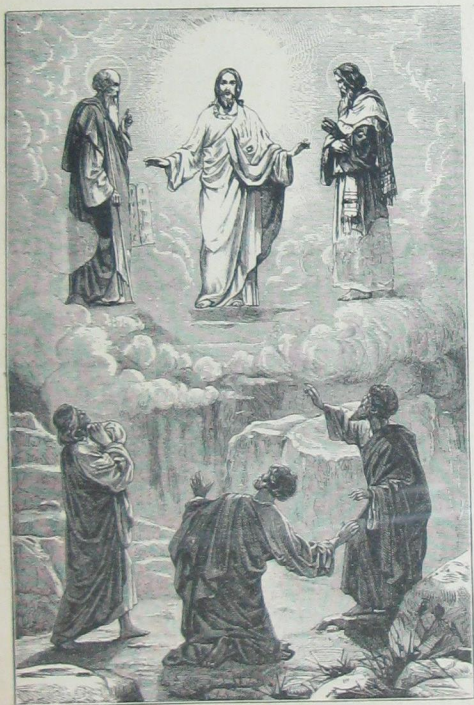
Преображеніе Господа Іисуса Христа.

Послѣ принятія крещенія Господь Іисусъ Христосъ избралъ Себѣ 12 учениковъ—апостоловъ. Вмѣстѣ съ ними Онъ сталъ ходить по всей землѣ іудейской. Онъ училъ людей, какъ жить по волѣ Божіей, и оказывалъ благотную помощь и утѣшеніе всѣмъ скорбящимъ и обремененнымъ, приходившимъ къ Нему съ вѣрою.

Все ученіе Господа Іисуса Христа было исполнено любви и милосердія. Онъ говорилъ людямъ о томъ, что нужно любить другъ друга, любить даже враговъ своихъ, прощать обиды. Онъ повелѣвалъ помогать неимущимъ, молиться и уповать на Бога. Всѣхъ, приходившихъ къ Нему, Онъ принималъ съ любовью; грѣшниковъ кротко увѣщевалъ исправиться и обѣщалъ прощеніе грѣховъ всѣмъ, кто искренно кается въ нихъ.

Многіе увѣровали въ Господа; но были у Него и враги, которые Ему завидовали и хотѣли лишить Его жизни. Іисусъ Христосъ зналъ это и не разъ говорилъ Своимъ ученикамъ объ ожидающихъ Его страданіяхъ и смерти. Чтобы будущія страданія Господа не поколебали въ ученикахъ вѣры въ Него, какъ Сына Божія, Іисусъ Христосъ заранѣе показалъ имъ Свою Божественную славу. Для этого Онъ взялъ трехъ любимыхъ учениковъ: Петра, Іакова и Іоанна и пошелъ съ ними на гору Ѡavorъ. Тамъ Онъ началъ молиться, а ученики Его сѣли отдохнуть и отъ утомленія заснули. Пробудились они и видятъ: Учитель ихъ окруженъ необычайнымъ свѣтомъ; лицо Его сіяетъ, какъ солнце; одежды бѣлы, какъ снѣгъ. Рядомъ съ Нимъ стоятъ пророки Моисей и Ілія. Господь говоритъ съ ними о предстоящихъ Ему страданіяхъ за грѣхи людей.

Необычайная радость наполнила сердца учениковъ. Когда они увидѣли, что Моисей и Ілія удаляются отъ Христа, Петръ сказалъ: „Учитель, хорошо намъ здѣсь! Если Ты прикажешь, мы сдѣлаемъ три палатки: одну Тебѣ, одну Моисею и одну Ілію“.

ПРЕОБРАЖЕНІЕ ГОСПОДА ІІСУСА ХРИСТА.

Въ это время на гору спустилось свѣтлое облако и покрыло собою учениковъ. Съ неба слышенъ былъ голосъ Бога Отца: „Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, въ Которомъ все Мое благоволеніе. Его слушайте!“ Ученики въ страхѣ упали на землю. Господь подошелъ къ нимъ и сказалъ: „Не бойтесь, встаньте!“ Когда они встали, то увидѣли одного Иисуса Христа въ Его обыкновенномъ видѣ.

Входъ Господа Иисуса Христа въ Іерусалимъ.

За шесть дней до праздника Пасхи Господь Иисусъ Христосъ пошелъ съ учениками Своими въ Іерусалимъ. Придя къ горѣ Елеонской, Господь сказалъ двумъ ученикамъ: „Пойдите въ селеніе, которое передъ вами; тамъ вы увидите привязаннаго молодого осленка. Отвяжите его и приведите сюда; а если кто спроситъ, скажите, что онъ нуженъ Господу“.

Ученики исполнили приказаніе Господа. Они привели осленка, покрыли его своими одеждами и Господь возсѣлъ на него.

Изъ Іерусалима навстрѣчу Иисусу Христу вышло множество народа. Народъ зналъ, что это тотъ самый Иисусъ, Который училъ ихъ, утѣшалъ, исцѣлялъ больныхъ, воскрешалъ мертвыхъ. И потому всѣ громко восклицали: „Осанна *) Сыну Давидову! Благословенъ грядущій во имя Господне!“

Многіе снимали съ себя верхнія одежды и устилали ими дорогу; другіе срывали пальмовыя вѣтки и бросали ихъ на дорогу, по которой шествовалъ Господь Иисусъ Христосъ.

Тайная вечеря.

Враги Господа Иисуса Христа не любили Его за то, что Онъ обличалъ ихъ дурную жизнь. Они завидовали, что народъ любилъ Его и слушалъ Его ученіе. Давно

*) Спасеніе, помощь отъ Бога.

842H

ВХОДЪ ГОСПОДА ІІСУСА ХРИСТА ВЪ ІЕРУСАЛИМЪ.

уже искали они случая, чтобы убить Господа, но боялись взять Его при народѣ.

Въ этомъ замыслѣ помогъ врагамъ Господа одинъ изъ Его учениковъ, Иуда Искаріотскій. За тридцать сребрениковъ онъ обѣщалъ указать имъ мѣсто, гдѣ Учитель его будетъ одинъ безъ народа.

За два дня до праздника Пасхи, утромъ въ четвергъ, Господь послалъ двухъ Своихъ учениковъ въ Іерусалимъ, чтобы они приготовили тамъ для Него и для учениковъ пасхальную вечерю.

Ученики сдѣлали все, какъ сказали имъ Іисусъ Христосъ, а вечеромъ Онъ Самъ пришелъ туда съ учениками Своими.

На вечера Господь снялъ съ Себя верхнюю одежду, препоясавъ полотенцемъ и Самъ омылъ ноги Своимъ ученикамъ.

Этимъ Онъ показалъ высокій примѣръ смиренія, примѣръ того, какъ нужно служить ближнему.

Послѣ омовенія ногъ, во время вечера, Іисусъ Христосъ говорилъ съ учениками о Своихъ будущихъ страданіяхъ и со скорбью сказалъ: „Одинъ изъ васъ предастъ Меня“. Ученики очень опечалились, услыша это, и стали спрашивать: „Не я ли, Господи?“ Іуда также спросилъ: „Не я ли?“ — „Ты“, тихо отвѣтилъ ему Господь.

Іуда недолго оставался съ Іисусомъ Христомъ на вечера. Онъ поспѣшилъ уйти къ Его врагамъ.

Послѣ этого Господь взялъ хлѣбъ, благословилъ его, преломилъ и, раздавая его ученикамъ, сказалъ: „Примите, ядите: сіе есть тѣло Мое, еже за вы ломимое во оставленіе грѣховъ“. Потомъ взялъ чашу съ виномъ и, подавая ее ученикамъ, сказалъ: „Пійте отъ нея вси: сія есть кровь Моя Новаго Завѣта, яже за вы и за многія изливаемая во оставленіе грѣховъ“. И сказалъ Господь: „Сіе творите въ мое воспоминаніе“. Такъ Господь установилъ Таинство причащенія Своего Пречистаго Тѣла и Святѣйшей Крови.

ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ.

Предательство Іуды.

Послѣ Тайной Вечери Господь Іисусъ Христосъ пошелъ съ учениками Своими въ садъ Геосиманскій. Здѣсь начались страданія Господа за грѣхи людей. Когда пришли въ садъ, Іисусъ Христосъ сказалъ ученикамъ: „Душа моя скорбитъ смертельно; побудьте тутъ, а Я пойду помолюсь“. И, отойдя отъ нихъ, преклонилъ колѣна и началъ молиться, чтобы Отецъ Небесный подкрѣпилъ Его въ страданіяхъ за людей.

„Отче Мой, — молился Господь, — если возможно, да минуешь Меня чаша сія; впрочемъ, не какъ Я хочу, но какъ Ты“.

Когда Іисусъ Христосъ окончилъ молитву, явилась толпа служителей архіерейскихъ и нѣсколько воиновъ съ оружіемъ. Ихъ велъ Іуда. Онъ сказалъ воинамъ: „Кого я поцѣлую, тотъ и есть Іисусъ; берите Его“. И, подойдя къ Господу, онъ обнялъ и поцѣловалъ Его.

Господь Іисусъ Христосъ на судѣ у первосвященника и у Пилата.

У первосвященника собрались старѣйшины и книжники — члены синадріона (высшее судилище у іудеевъ), чтобы осудить на смерть нашего Господа. Явились лжесвидѣтели. Много они наговаривали на Христа, но не могли сказать ничего, за что можно было бы осудить Его на смерть. Тогда первосвященникъ спросилъ Его: „Заклинаю Тебя Богомъ живымъ, скажи намъ, Ты ли Христосъ, Сынъ Божій?“ Іисусъ отвѣчалъ ему: „Ты сказалъ — Я“. При этихъ словахъ первосвященникъ разорвалъ свои одежды и воскликнулъ: „На что намъ еще свидѣтелей? Вы слышали Его богохульство“. — „Повиненъ смерти!“ отвѣтили члены синадріона.

Но этотъ приговоръ не могъ быть приведенъ въ исполненіе безъ утвержденія римскаго правителя Іудеи.

Этимъ правителемъ былъ тогда Пилать. Къ нему члены синедріона и отвели Іисуса на окончательный судъ. Пилать спросилъ ихъ: „Въ чемъ вы обвиняете этого человѣка?“ — „Мы нашли, что Онъ развращаетъ народъ и запрещаетъ давать подать кесарю, называя Себя Христомъ-Царемъ“, отвѣтили они. „Ты царь Іудейскій?“ спросилъ Пилать у Іисуса. Христосъ отвѣчалъ: „Да, Я царь; но царство Мое не отъ міра сего. Я на то родился и на то пришелъ въ міръ, чтобы свидѣтельствовать объ истинѣ“.

Изъ этихъ словъ Пилать увидѣлъ, что передъ нимъ стоитъ проповѣдникъ истины, учитель народа, а не возмутитель противъ власти царской, и потому вышелъ къ народу, ожидавшему рѣшенія участи Іисуса, и объявилъ: „Я никакой вины не вижу въ этомъ человѣкѣ“. Но враги Іисуса продолжали свои обвиненія и неистово требовали Его казни. Уступая имъ, Пилать отдалъ Іисуса воинамъ для бичеванія. Воины жестоко избили Его бичами и затѣмъ, насмѣхаясь надъ Нимъ, надѣли на Него багряницу *) и возложили Ему на голову терновый вѣнецъ; въ руки дали Ему, вмѣсто скипетра, тростниковую палку и, становясь передъ Нимъ на колѣни, ругались надъ Нимъ, говоря: „Радуйся, царь Іудейскій“. При этомъ плевали Ему въ лицо и ударили Его тростью по головѣ.

Въ такомъ видѣ, измученнаго, поруганнаго, Пилать вывелъ Іисуса къ народу и сказалъ: „Вотъ человѣкъ!“ Пилать хотѣлъ этимъ возбудить въ народѣ жалость къ Іисусу, чтобы народъ не препятствовалъ отпустить Его. Но враги Господа еще съ большимъ ожесточеніемъ кричали: „Распни Его!“ и, въ подкрѣпленіе своего требованія, говорили: „Если отпустишь Іисуса, ты — недругъ кесарю. Всякій, дѣлающій себя царемъ, противенъ кесарю“, то-есть пригрозили Пилату обвинить его въ измѣнѣ римскому императору.

Тогда Пилать, видя, что ничто не помогаетъ, а смятеніе усиливается, взялъ воды, умылъ руки передъ

*) Одежда ярко-краснаго цвѣта; такую одежду носили тогда цари.

народомъ и сказалъ: „Не виновать я въ крови этого Праведника“. На это народъ закричалъ: „Кровь Его на насъ и на дѣтяхъ нашихъ!“ И Пилать рѣшилъ предать Иисуса Христа на распятіе.

Распятіе и крестныя страданія Господа Иисуса Христа.

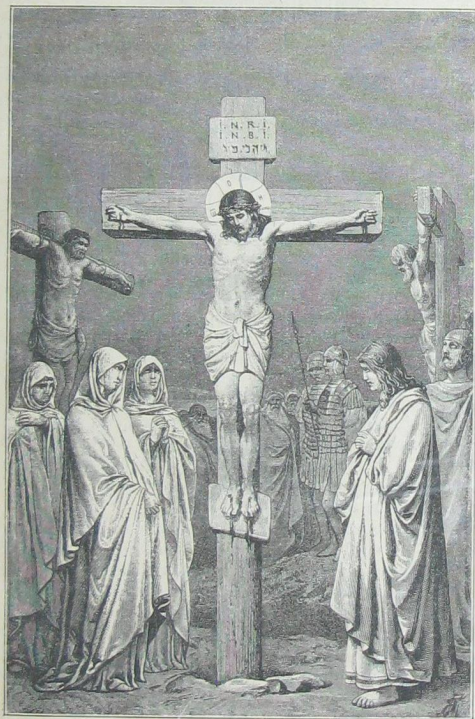
Послѣ произнесенія надъ Иисусомъ Христомъ смертнаго приговора, Онъ былъ переданъ воинамъ на распятіе. Возложивъ на плечи Его крестъ, воины повели Его на лобное мѣсто, по-еврейски Голгоѳу. Съ Иисусомъ Христомъ вели на казнь двухъ разбойниковъ, которые также несли кресты свои. Но Христосъ, измученный побоями, истомленный душевными страданіями, едва шель, нѣсколько разъ падая подъ тяжестью креста. Тогда воины дали нести Его крестъ попавшемуся на пути челоѳку, по имени Симону.

Придя на мѣсто, воины начали ставить и укрѣплять кресты, и когда все было приготовлено, распяли Иисуса Христа, а по сторонамъ Его двухъ разбойниковъ. Распинаемый Господь молился за Своихъ мучителей: „Отче! прости имъ: они не вѣдаютъ, что творять“.

А враги не оставили Его въ покоѣ и на крестѣ. Глумясь надъ Божественнымъ Страдальцемъ, многіе съ насмѣшкою говорили: „Другихъ спасалъ, а Себя не можетъ спасти! Пусть Христосъ, Царь Израилевъ, сойдетъ теперь со креста, чтобы мы видѣли и увѣровали въ Него“. Даже одинъ изъ распятыхъ разбойниковъ злословилъ Его, говоря: „Если Ты Христосъ, спаси Себя и насъ“. Но другой говорилъ: „Или ты не боишься Бога? Мы осуждены справедливо, а Онъ ничего худого не сдѣлалъ“. И сказалъ Иисусу Христу: „Помяни меня, Господи, когда придешь во царствіе Твое“. Иисусъ Христосъ отвѣчалъ ему: „Истинно говорю тебѣ: нынѣ же будешь со Мною въ раю“.

Вскорѣ по распятіи Господа сдѣлалась тьма по всей землѣ и продолжалась отъ шестого часа до девятого (по нашему отъ 12 до 3 часовъ пополудни).

Когда распинали Христа, люди, преданные Ему, стояли вдали и съ горестію смотрѣли на это. Но когда тьма

РАСПЯТИЕ ГОСПОДА ИИСУСА ХРИСТА.

покрыла землю, и народъ, толпившійся при крестѣ, отъ страха сталъ расходиться, тогда любившіе Господа подошли ко кресту. Увидѣвъ Мать Свою и любимаго ученика Своего Іоанна, Іисусъ Христосъ сказалъ Матери: „Вотъ сынъ Твой“, а ученику: „Вотъ мать твоя“. Съ этого времени Іоаннъ взялъ Пречистую Дѣву Марію къ себѣ въ домъ и заботился о Ней, какъ сынъ, до самаго Ея блаженнаго успенія.

Смерть и погребеніе Іисуса Христа.

Страданія Господа Іисуса Христа, распятаго на крестѣ, становились все сильнѣе и сильнѣе. Передъ смертью—это было въ девятомъ часу (по-нашему, въ третьемъ полудни)—Онъ громко воскликнулъ: „Боже Мой, Боже Мой! зачѣмъ Ты Меня оставилъ?“ Черезъ нѣсколько минутъ сказалъ: „Жажду!“ Одинъ изъ воиновъ помочилъ губку въ уксусъ и далъ Ему пить. Господь сказалъ: „Совершилось!“ Затѣмъ тихо прибавилъ: „Отче, въ руки Твои предаю духъ Мой!“ — наклонилъ голову и умеръ.

Въ это самое время земля потряслась; камни распались; многіе мертвые воскресли. Сотникъ, стоявшій при крестѣ, сказалъ, видя это: „Это было, дѣйствительно, Сынъ Божій!“ То же говорили и воины. И многіе изъ народа поняли теперь свое заблужденіе и увѣровали, что Іисусъ Христосъ былъ Сынъ Божій.

Между людьми, которые любили Господа, былъ добрый человекъ, Іосифъ Аримаѣйскій. Когда онъ узналъ, что Господь умеръ, то выпросилъ у Пилата позволеніе взять и похоронить тѣло Его у себя въ саду, въ пещерѣ.

Іосифъ, вмѣстѣ съ тайнымъ ученикомъ Христа Никодимомъ, снялъ съ креста тѣло Господа, обвилъ его тонкимъ полотномъ и перенесъ въ пещеру. Здѣсь положили въ гробъ пречистое тѣло и завалили входъ въ пещеру большимъ камнемъ. Это было въ пятницу вечеромъ.

Враги Господа боялись, чтобы ученики не украли тѣла Его; они запечатали входъ въ пещеру и приставили стражей.

Воскресеніе Господа Ісуса Христа.

На третій день послѣ смерти Господа Ісуса Христа, въ первый (по субботѣ) день недѣли, рано утромъ, вдругъ сильно потряслась земля. Ангелъ Господень сошелъ ко гробу Ісуса Христа и отвалилъ камень. Лицо ангела сіяло, какъ солнце; одежды его были бѣлы, какъ снѣгъ. Испуганные стражи упали на землю, а потомъ разбѣжались. Господь Іисусъ Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ.

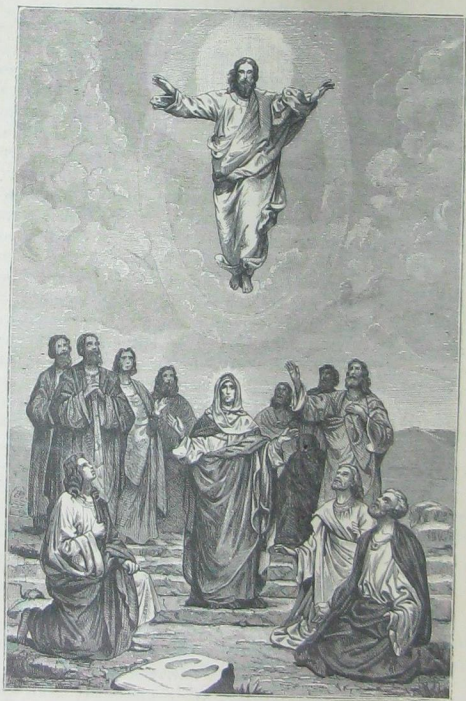
Въ это утро нѣкоторыя благочестивыя женщины пришли къ пещерѣ, гдѣ положили Господа; онѣ хотѣли помазать благовонными мастьями тѣло Его. Дорогой женщины эти говорили между собой: „Какъ войдемъ мы въ пещеру? Кто отвалить намъ камень?“ Но когда онѣ подошли, то съ удивленіемъ увидѣли, что камень отваленъ, и входъ въ пещеру открытъ. Онѣ вошли туда, но здѣсь уже не было тѣла Господа. Тутъ онѣ увидѣли двухъ свѣтлыхъ ангеловъ, которые сказали имъ: „Что вы ищете живого между мертвыми? Его нѣтъ здѣсь. Онъ воскресъ. Онъ говорилъ вамъ, что будетъ преданъ въ руки грѣшниковъ, будетъ распятъ и въ третій день воскреснетъ. Поспѣшите возвѣститъ ученикамъ объ Его воскресеніи“.

Женщины поспѣшили передать эту радостную вѣсть ученикамъ Господа. Онѣ первыя сказали имъ: „Христосъ воскресъ!“

Вознесеніе Господа Ісуса Христа.

Послѣ Своего воскресенія Господь Іисусъ Христосъ многократно являлся Своимъ ученикамъ и повелѣлъ имъ ити проповѣдывать Его ученіе по всей землѣ.

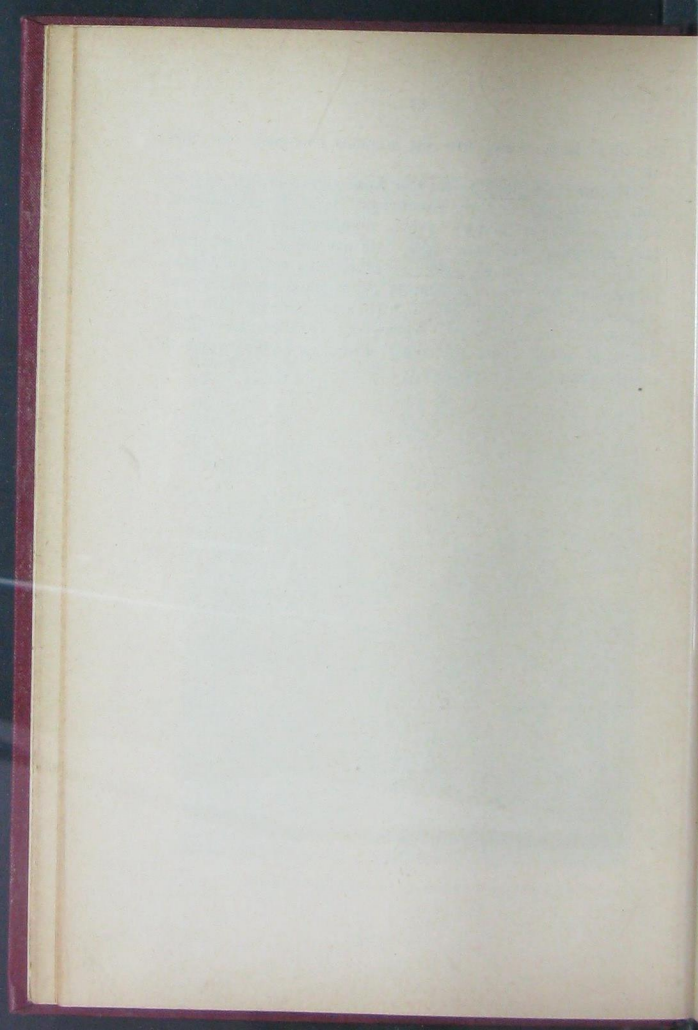
Въ сороковой день по воскресеніи Господь въ послѣдній разъ явился ученикамъ и повторилъ имъ Свое повелѣніе ити проповѣдывать. „Не отлучайтесь изъ Іерусалима, — сказалъ Онъ имъ, — до тѣхъ поръ, пока не сойдетъ на васъ Духъ Святой. Онъ дастъ вамъ силы и

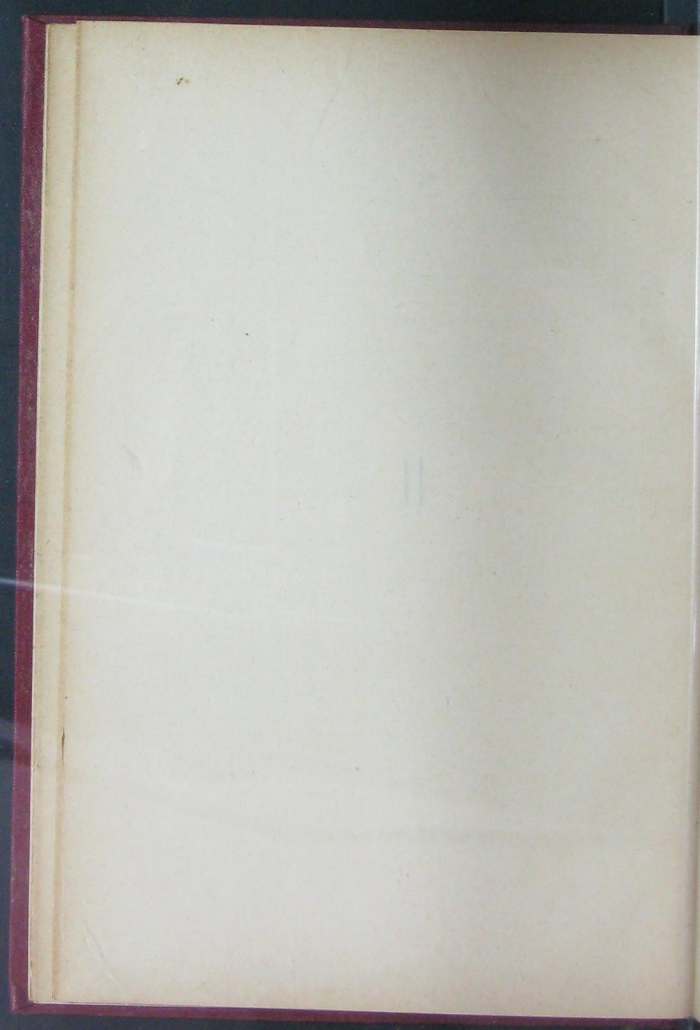
ВОЗНЕСЕНІЕ ГОСПОДА ІІСУСА ХРИСТА.

научить васъ тому, что вы должны говорить обо Мнѣ людямъ“.

Послѣ этой бесѣды Иисусъ Христосъ пошелъ съ учениками Своими на гору Елеонскую. Здѣсь Господь благословилъ ихъ и затѣмъ сталъ подниматься отъ земли. Всѣ смотрѣли на Господа съ благоговѣніемъ и страхомъ, а Онъ поднимался все выше и выше, пока свѣтлое облако не скрыло Его отъ учениковъ. Долго еще смотрѣли они и молились на томъ мѣстѣ, гдѣ вознесся на небо ихъ Учитель, Господь Иисусъ Христосъ. Потомъ, поклонившись до земли вознесшемуся Господу, съ радостію возвратилились во Іерусалимъ.

II

Камень.

Одинъ бѣдный пришелъ къ богатому и сталъ просить милостыню. Богатый не далъ ничего и сказалъ: „Поди вонъ!“ Но бѣдный не уходилъ. Тогда богатый разсердился, поднялъ камень и бросилъ имъ въ бѣднаго. Бѣдный поднялъ камень, положилъ за пазуху и сказалъ: „До тѣхъ поръ буду носить этотъ камень, пока не придется и мнѣ бросить въ него“. И пришло это время. Богатый сдѣлалъ дурное дѣло; у него отняли все, что у него было, и повезли въ тюрьму. Когда его везли въ тюрьму, бѣдный подошелъ къ нему, вынулъ изъ-за пазухи камень и замахнулся; потомъ пораздумался, бросить камень наземъ и сказалъ: „Напрасно я такъ долго носилъ этотъ камень: когда онъ былъ богатъ и силенъ, я боялся его, а теперь мнѣ жалко его“.

Вѣтеръ и солнце.

Заспорили разъ солнце и холодный вѣтеръ, кто изъ нихъ сильнѣе. Долго спорили и переспорить другъ друга не могли. Только смотреть, ѣдетъ человѣкъ верхомъ въ полѣ, и рѣшили на немъ свою силу показать.

— Посмотри, — сказалъ вѣтеръ, — какъ налечу на него, мигомъ сорву съ него платье.

И началъ дуть, что было мочи. Чѣмъ больше старался вѣтеръ, тѣмъ лучше запахивалъ всадникъ полы кафтана, жаловался на вѣтеръ, а самъ ѣхалъ все дальше и дальше. Вѣтеръ сердился, осыпалъ человѣка дождемъ и снѣгомъ, а онъ только взялъ поясъ да подпоясалъ кафтанъ потуже. Тутъ ужъ увидѣлъ вѣтеръ, что ему кафтана не сдернуть.

А солнце улыбнулось, выглянуло изъ-за тучи, обсу-

пило, обогрѣло землю и бѣднаго всадника. Обрадовался онъ теплу, порадовался солнцу, снялъ кафтанъ и положилъ подъ себя.

— Видишь, — сказало тогда солнце сердитому вѣтру, — добромъ-то больше сдѣлаешь, чѣмъ зломъ.

Дѣвочка и грибы

(БЫЛЬ).

Двѣ дѣвочки шли домой съ грибами.

Имъ надо было переходить черезъ желѣзную дорогу.

Онѣ думали, что машина далеко, взлѣзли на насыпь и пошли черезъ рельсы.

Вдругъ зашумѣла машина. Старшая дѣвочка побѣжала назадъ, а меньшая перебѣжала черезъ дорогу.

Старшая дѣвочка закричала сестрѣ: „Не ходи назадъ“.

Но машина была такъ близко и такъ громко шумѣла, что меньшая дѣвочка не разслышала; она подумала, что ей велятъ бѣжать назадъ. Она побѣжала назадъ черезъ рельсы, споткнулась, выронила грибы и стала подбирать ихъ.

Машина уже была близко, и машинистъ свистѣлъ, что было силы.

Старшая дѣвочка кричала: „Брось грибы!“ — а маленькая дѣвочка думала, что ей велятъ собирать грибы, и ползала по дорогѣ.

Машинистъ не могъ удержать машины. Она свистала изо всѣхъ силъ и наѣхала на дѣвочку.

Старшая дѣвочка кричала и плакала. Всѣ проѣзжающіе смотрѣли изъ оконъ вагоновъ, а кондукторъ побѣжалъ на конецъ поѣзда, чтобы видѣть, что сдѣлалось съ дѣвочкой.

Когда поѣздъ прошелъ, всѣ увидѣли, что дѣвочка лежитъ между рельсами головой внизъ и не шевелится.

Потомъ дѣвочка подняла голову, вскочила на колѣни, собрала грибы и побѣжала къ сестрѣ.

Худой волкъ.

Худой волкъ ходилъ подлѣ деревни и встрѣтилъ жирную собаку. Волкъ спросилъ у собаки:

— Скажи, собака, откуда вы кормъ берете?

Собака сказала:

— Люди намъ даютъ.

— Вѣрно вы трудную людямъ службу служите?

Собака сказала:

— Нѣтъ, наша служба не трудная. Дѣло наше — по ночамъ дворъ стеречь.

— Такъ только за это васъ такъ кормятъ? — сказали волкъ. — Это я бы сейчасъ въ вашу службу пошелъ, а то намъ, волкамъ, трудно корма достать.

— Что жъ, иди, — сказала собака. — Хозяинъ и тебя такъ же кормить станетъ.

Волкъ былъ радъ и пошелъ съ собакой къ людямъ служить. Сталъ уже волкъ въ ворота входить, видѣть онъ, что у собаки на шеѣ шерсть стерта; онъ сказалъ:

— А это у тебя, собака, отчего?

— Да такъ, — сказала собака.

— Да что такъ?

— Да такъ, отъ цѣпи. Днемъ вѣдь я на цѣпи сижу, такъ вотъ цѣпью и стерло немного шерсть на шеѣ.

— Ну, такъ прощай, собака! — сказалъ волкъ. — Не пойду къ людямъ жить. Пускай не такъ жиренъ буду, да на волѣ.

*
* * *

Капля дождевая

Говорить другимъ:

„Что мы здѣсь въ окошко

Громко такъ стучимъ?“

Отвѣчаютъ капли:

„Здѣсь бѣднякъ живетъ;

Мы ему приносимъ

Вѣсть, что хлѣбъ растеть“.

Плещеевъ.

Ровное наслѣдство.

(БАСНЯ).

У одного купца было два сына. Старшій былъ любимецъ отца, и отецъ все свое наслѣдство хотѣлъ отдать ему. Мать жалѣла меньшаго сына и просила мужа не объявлять до времени сыновьямъ, какъ ихъ раздѣлять: она хотѣла какъ-нибудь сравнять двухъ сыновей. Купецъ ее послушалъ и не объявилъ своего рѣшенія.

Одинъ разъ мать сидѣла у окна и плакала: къ окну подошелъ странникъ и спросилъ, о чемъ она плачетъ.

Она сказала:

— Какъ мнѣ не плакать; оба сына мнѣ равны, а отецъ хочетъ одному сыну все отдать, а другому ничего. Я просила мужа не объявлять своего рѣшенія сыновьямъ, пока я не придумаю, какъ помочь меньшему. Но денегъ у меня своихъ нѣтъ, и я не знаю, какъ помочь горю.

Странникъ сказалъ:

— Твоему горю легко помочь; поди, объяви сыновьямъ, что старшему достанется все богатство, а меньшему ничего; и у нихъ будетъ поровну.

Меньшій сынъ, какъ узналъ, что у него ничего не будетъ, ушелъ въ чужія страны и выучился мастерствамъ и наукамъ, а старшій жилъ при отцѣ и ничему не учился, потому что зналъ, что будетъ богатъ.

Когда отецъ умеръ, старшій ничего не умѣлъ дѣлать, прожить все свое имѣнiе, а младшій выучился наживать на чужой сторонѣ и сталъ богатъ.

Дѣдушка и внучекъ.

Жилъ-былъ на свѣтѣ дряхлый старичокъ. Глаза его помутились отъ старости, колѣна тряслись, и слышалъ онъ, бѣдный, плохо. Когда онъ сидѣлъ за столомъ, то едва могъ держать въ рукѣ ложку, проносилъ ее мимо рта и проливалъ супъ на скатерть. Сынъ его и невѣстка смотрѣли на него съ отвращеніемъ и, наконецъ, помѣ-

стили его въ уголкѣ за печкой, куда приносили ему скудную пищу въ старой глиняной мискѣ.

У старика часто навертывались слезы на глаза, и онъ грустно посматривалъ въ ту сторону, гдѣ накрытъ былъ столъ. Однажды миска, которую слабо держали его руки, упала и разбилась вдребезги. Молодая невѣстка разразилась упреками несчастному старику. Онъ не смѣлъ отвѣтить и только, вздохнувши, поникъ головой. Ему купили деревянную миску, изъ которой онъ съ той поры и ѣлъ постоянно.

Нѣсколько дней спустя, сынъ его и невѣстка увидѣли, что ребенокъ ихъ, которому было четыре года, сидя на землѣ, складываетъ дощечки.

— Что ты дѣлаешь? — спросилъ его отецъ.

— Коробочку, — отвѣчалъ онъ, — чтобы кормить изъ нея папашу съ мамашей, когда они состарятся.

Мужъ и жена молча переглянулись, потомъ заплакали; и съ тѣхъ поръ стали опять сажать старика за свой столъ и никогда больше не обращались съ нимъ грубо.

Колыбельная пѣсня.

Спи, дитя мое, усни!

Сладкій сонъ къ себѣ мани:

Въ няньки я тебѣ взяла

Вѣтеръ, солнце и орла.

Улетѣлъ орелъ домой;

Солнце скрылось за горой;

Вѣтеръ, послѣ трехъ но-

чей,

Мчится къ матери своей.

Вѣтра спрашиваетъ мать:

„Гдѣ изволишь пропадать?

Али звѣзды воевали?

Али волны все гонялъ?“

— Не гонялъ я волнъ мор-
скихъ,

Звѣздъ не трогалъ золотыхъ;

Я дитя оберегалъ,

Колыбелечку качалъ!“

Майковъ.

С а м о ѣ д ы .

Въ холодныхъ странахъ не бываетъ весны и осени, а только длинная зима и короткое лѣто. Земля тамъ болотистая; она круглый годъ не оттаиваетъ. Эти про-

мерзшія болота называются тундрами. На тундрахъ растеть только мохъ да самый мелкій кустарникъ. Тамъ живеть народъ самоѣды. Все богатство самоѣдовъ — стада сѣверныхъ оленей. Эти животныя ѣдятъ мохъ; зимою они откапываютъ его подъ снѣгомъ. Когда олени сѣли поблизости весь мохъ, хозяева ихъ перебираются на другое мѣсто. Поэтому самоѣды строятъ жилища такъ, чтобы ихъ легко было разбирать: воткнуть въ землю нѣсколько кольевъ; наверху свяжутъ ихъ вмѣстѣ, оставивъ отверстіе для дыма. Кругомъ обвѣшиваютъ ихъ оленьими шкурами.

САНИ САМОѢДА, ЗАПРЯЖЕННЫЯ ОЛЕНЯМИ.

рами. Одна изъ нихъ поднимается; это дверь. Вотъ и готово жильѣ. Посрединѣ разводятъ костеръ; отъ него жилище полно дымомъ. На кострѣ готовятъ пищу: пекутъ рыбу, варятъ оленьѣ мясо. Самоѣды любятъ ѣсть все жирное. Въ пищу употребляютъ также оленьѣ молоко. Постелью имъ служатъ оленьи шкуры. Одежду шьютъ тоже изъ оленьихъ шкуръ; вмѣсто нитокъ употребляютъ сухія оленьи жилы. Когда нужно переѣзжать, собираютъ пожитки, сворачиваютъ шкуры, вытаскиваютъ колья. Все это укладываютъ на сани, запрягаютъ тѣхъ же оленей и трогаются въ путь. Безъ оленей самоѣдамъ было бы

плохо. Ради оленей имъ приходится переѣзжать, кочевать. Поэтому про самоѣдовъ говорятъ, что это народъ кочевой. На одномъ мѣстѣ они остаются всего нѣсколько дней. Многіе самоѣды не знаютъ истиннаго Бога и дѣлаютъ себѣ деревянныхъ божковъ. Если у самоѣда удача, онъ мажетъ божку губы кускомъ сала. Если же неудача, онъ бранитъ божка и колотитъ объ землю. Христіанскіе проповѣдники отправляются въ страну самоѣдовъ, чтобы учить ихъ и обращать къ истинному Богу.

Справедливый царь.

Одинъ царь строилъ себѣ дворецъ и передъ дворцомъ сдѣлалъ садъ. Но въ самомъ вѣздѣ въ садъ стояла избушка, и жилъ бѣдный мужикъ. Царь хотѣлъ эту избушку снести, чтобы она сада не портила, и послалъ своего министра къ бѣдному мужику, чтобы купилъ избушку. Министръ пошелъ къ мужику и сказалъ:

— Ты счастливъ: царь хочетъ твою избушку купить. Она десяти рублей не стоитъ, а царь тебѣ сто даетъ.

Мужикъ сказалъ:

— Нѣтъ, я избушки за сто рублей не продамъ.

Министръ сказалъ:

— Ну, такъ царь двѣсти даетъ.

Мужикъ сказалъ:

— Ни за двѣсти, ни за тысячу не отдамъ. Мой дѣдъ и отецъ въ избушкѣ этой жили и померли, и я въ ней старъ сталъ и умру, Богъ дастъ.

Министръ пошелъ къ царю и сказалъ:

— Мужикъ упрямъ, ничего не беретъ. Не давай же, царь, мужику ничего, а вели снести избушку даромъ. Вотъ и все.

Царь сказалъ:

— Нѣтъ, я этого не хочу.

Тогда министръ сказалъ:

— Какъ же быть? Развѣ можно противъ дворца гнилой избушкѣ стоять! Всякій взглянетъ на дворецъ, скажетъ: хорошъ бы дворецъ, да избушка портитъ. Видно, скажетъ, у царя денегъ не было избушку купить.

А царь сказалъ:

— Нѣтъ, кто взглянетъ на дворецъ, тотъ скажетъ: видно, у царя денегъ много было, что такой дворецъ сдѣлалъ; а взглянетъ на избушку — скажетъ: видно, въ царѣ этомъ и правда была. Оставь избушку.

М у х а.

Быкъ съ плугомъ на покой тащился по трудахъ,
А муха у него сидѣла на рогахъ,
И муху же они дорогой повстрѣчали.

„Откуда ты, сестра?“ отъ этой былъ вопросъ.

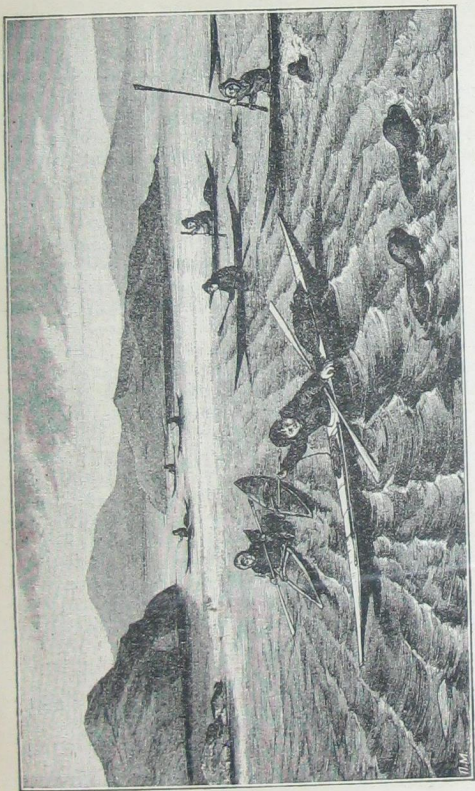
А та, поднявши носъ,

Въ отвѣтъ ей говорить: „Откуда? — Мы пахали!“

Дмитріевъ.

Э с к и м о с ы.

Эскимосы живутъ еще въ болѣе холодныхъ странахъ, чѣмъ самоѣды. Зима длится тамъ девять мѣсяцевъ, остальные три мѣсяца бываетъ лѣто. Зимой дни очень короткіе: солнце едва успѣетъ взойти, какъ уже садится. Три мѣсяца въ серединѣ зимы солнце совсѣмъ не восходитъ, и всѣ три мѣсяца бываетъ темно. Зато лѣтомъ солнце вовсе не садится, и ночей не бываетъ. Вся страна покрыта снѣгомъ и льдомъ. Даже лѣтомъ снѣгъ и ледъ не успѣваютъ растаять. Въ этой-то странѣ живутъ эскимосы. Эскимосы небольшого роста; тѣло у нихъ не бѣлое, а бурое; волосы черные и жесткіе. Они живутъ около моря. Въ морѣ водится рыба и морскіе звѣри: тюлени, моржи, киты. Эскимосы ловятъ рыбу крючками на палкахъ и сѣтями. Они ѣдятъ рыбу и мясо морскихъ звѣрей. Эти звѣри очень жирны, а эскимосы больше всего любятъ жиръ. Жиръ въ каменной тарелкѣ вмѣсто лампы горитъ въ ихъ жилищахъ. Одежду они шьютъ изъ звѣриныхъ шкуръ. Шкуры протыкаютъ костями и сшиваютъ звѣриными жилами. Мужчины и женщины одѣваются одинаково въ мѣховыя рубашки, шаровары, длинные сапоги

ОХОТА ЭСКИМОСОВЪ НА ТЮЛЕНЕЙ.

и шапки. Маленькихъ дѣтей женщины носятъ за спиной въ мѣшкѣ. Чтобы достать ѣду и одежду, эскимосамъ нужно охотиться на звѣрей. Кромѣ морскихъ звѣрей, въ ихъ землѣ водятся бѣлые медвѣди, лисицы. На нихъ охотятся ради пушистаго мѣха. Эскимосы убиваютъ звѣрей стрѣлами изъ лука или копьями. Копья и стрѣлы они дѣлаютъ изъ звѣриныхъ костей. Нѣкоторые эскимосы вымѣниваютъ у другихъ народовъ ружья. Жилище они строятъ себѣ такъ: въ землѣ выкапываютъ большую яму; изъ снѣговыхъ кирпичей надъ ямой выводятъ куполь. вмѣсто стеколъ вставляютъ въ стѣны льдины. вмѣсто дверей—длинная снѣговая труба. Она ведетъ во второй такой же домъ. Изъ второго другая снѣговая труба ведетъ на воздухъ. Ее закрываютъ глыбой снѣга. По трубѣ приходится ползти. Жилье такъ строятъ для того, чтобы холодный воздухъ не такъ легко туда проходилъ. Въ ближайшемъ изъ домовъ складываютъ утварь и держатъ собакъ. Въ другомъ живутъ сами хозяева. Эскимосы ѣздятъ на собакахъ, запрягая ихъ въ низенькія санки. По морю они ѣздятъ въ маленькихъ узенькихъ лодкахъ. Остовъ лодки сдѣланъ изъ костей; снаружи онъ обтянутъ тюленьими шкурами. Сверху лодка также затянута шкурами, какъ будто закрыта крышкой. Только въ срединѣ оставлено отверстіе. Туда эскимосъ просовываетъ ноги, садится на дно лодки и обвязываетъ края шкуры вокругъ пояса. Въ такой лодкѣ можетъ сидѣть только одинъ человѣкъ. Съ виду она кажется очень валкой, но эскимосы съ дѣтства научаются ловко грести однимъ длиннымъ весломъ и ѣздятъ очень быстро. Эскимосы—язычники, но есть между ними и христіане.

Разсказъ мужика о томъ, за что онъ старшаго брата своего любитъ.

Я и такъ брата люблю, а больше за то, что онъ за меня въ солдаты пошелъ. Вотъ какъ было дѣло: стали бросать жеребій. Жеребій палъ на меня; мнѣ надо

итти въ солдаты, а я тогда недѣлю какъ женился. Не хотѣлось мнѣ отъ молодой жены уходить.

Матушка стала выть и говорить: „Какъ Петрушкѣ итти, онъ молодъ“. Дѣлать было нечего, стали меня собирать. Сшила мнѣ жена рубахи, собрала мнѣ денегъ, и на завтра надо было итти на ставку въ городъ. Матушка убивалась — плакала, а я какъ подумаю, что итти надо, такъ сердце сожмется, точно на смерть иду.

Собрались мы ввечеру всѣ ужинать. Никому и ѣсть не хотѣлось. Старшій братъ Николай лежалъ на печи и все молчалъ. Молодайка моя выла. Отецъ сидѣлъ сердитый. Какъ матушка поставила на столъ кашу, такъ никто ея и не тронулъ. Матушка стала звать Николая съ печи ужинать. Онъ сошелъ, перекрестился, сѣлъ у стола да и говоритъ: „Не убивайся, матушка. Я пойду за Петрушку въ солдаты, я старше его. Авось не пропаду. Отслужу, да и приду домой. А ты, Петръ, безъ меня покой батюшку съ матушкой и жену свою не обижай“. Я обрадовался, матушка тоже перестала убиваться. Стали собирать Николая.

Поутру, когда я проснулся, какъ пораздумалъ, что за меня братъ идетъ, стало мнѣ тошно. Я и говорю: „Не ходи, Николай, мой чередъ, я и пойду“. А онъ молчитъ и собирается. И я собираюсь. Пошли мы оба въ городъ на ставку. Онъ становится, и я становлюсь. Оба мы ребята хорошіе, стоимъ ждемъ, не бракують насъ. Старшій братъ посмотрѣлъ на меня — усмѣхнулся и говоритъ: „Будетъ, Петръ, ступай домой. Да не скучайте по мнѣ. Я своей охотой иду“. Заплакалъ я и пошелъ домой. А теперь, какъ вспомню про брата, кажется бы жизнь за него отдалъ.

Сѣверное сіяніе.

Въ холодныхъ странахъ бываетъ видно на небѣ замѣчательное сіяніе. Ночью на полуночной сторонѣ неба вдругъ показывается слабый свѣтъ. Онъ похожъ на на-

чало разсвѣта. Появляется онъ выше облаковъ; облака темнѣютъ подъ нимъ.

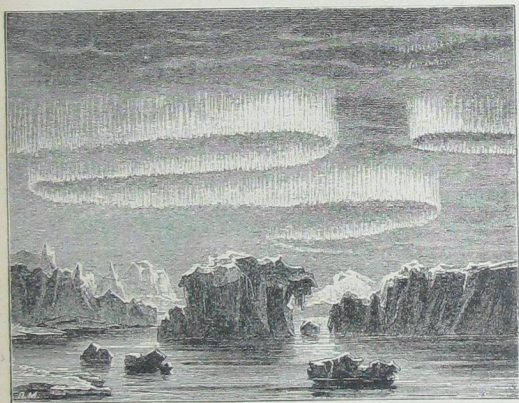
Понемногу свѣтъ на небѣ становится все ярче и ярче. Онъ

СѢВЕРНОЕ СІЯНІЕ ДУГОВОЕ.

изогнуть огромною дугою. Дуга эта словно перекинута съ одного конца земли до другого. Она блеститъ и горитъ, а свѣтъ ея дѣлается все сильнѣе и сильнѣе, хотя

и не затемняетъ звѣздъ. Звѣзды мерцаютъ сквозь сіяющую дугу. Свѣтъ на небѣ сверкаетъ, переливается и колышется, какъ пламя, задуваемое вѣтромъ. Иногда лучи, составляющіе дугу, выстраиваются столбами въ рядъ, свертываются и развертываются лентой. Часто надъ первою дугою появляется вторая, надъ нею третья и такъ далѣе.

СѢВЕРНОЕ СІЯНІЕ ЛЕНТОЧНОЕ.

Бываетъ, что такое сіяніе захватываетъ настолько большую часть неба, что его видно не только въ холодныхъ странахъ, но и въ Петербургѣ, Москвѣ, Воронежѣ, даже въ Парижѣ.

Блестящія дуги видны бываютъ на небѣ нѣкоторое время. Затѣмъ изъ нихъ начинаютъ вдругъ выходить красные, синіе, зеленые, желтые лучи. Лучи эти выходятъ пучками и сходятся на небѣ какъ разъ надъ головой зрителя. Сіяніе сверкаетъ разными цвѣтами и ка-

ждуя минуту мѣняетъ свой видъ: блестящія дуги на небѣ волнуются и извиваются; концы дугъ, которые сначала какъ бы упираются въ землю, потомъ поднимаются вверхъ; снопы цвѣтныхъ лучей золотятъ верхи неба. Сіяніе, то меркнетъ, то вспыхиваетъ съ новою силою. Лучи то становятся короче, то длиннѣе. Наконецъ, они ярко вспыхиваютъ и начинаютъ гаснуть. Они блѣднѣютъ все больше и больше. Небо темнѣетъ; блестящія дуги съ небеснаго свода исчезаютъ.

Черезъ нѣкоторое время сіянія какъ бы и не бывало на небѣ. Иногда сѣверныя сіянія продолжаются цѣлыми часами.

Въ Архангельской губерніи, на берегу Сѣвернаго Ледовитаго океана, къ такимъ сіяніямъ всѣ привыкли. Когда они бывають на небѣ, крестьяне говорятъ: „Сполохъ играетъ“.

Визирь Абдулъ.

Былъ у персидскаго царя правдивый визирь Абдулъ. Поѣхалъ онъ разъ къ царю черезъ городъ. А въ городѣ собрался народъ бунтовать. Какъ только увидали визиря, обступили его, остановили лошадь и стали грозить ему, что они его убьютъ, если онъ по ихнему не сдѣлаетъ. Одинъ человѣкъ такъ осмѣлился, что взялъ его за бороду и подергалъ ему бороду.

Когда они отпустили визиря, онъ пріѣхалъ къ царю и упросилъ его помочь народу и не наказывать за то, что они его такъ обидѣли.

На другое утро пришелъ къ визирю лавочникъ. Визирь спросилъ, что ему надо. Лавочникъ говоритъ:

— Я пришелъ выдать тебѣ того самаго человѣка, который тебя обидѣлъ вчера. Я его знаю — это мой сосѣдъ, его звать Нагимъ; пошли за нимъ и накажи его!

Визирь отпустилъ лавочника и послалъ за Нагимомъ. Нагимъ догадался, что его выдали, пришелъ, ни живъ ни мертвъ, къ визирю и упалъ въ ноги.

Визирь поднялъ его и сказалъ:

— Я не за тѣмъ призвалъ тебя, чтобы наказывать, а только за тѣмъ, чтобы сказать тебѣ, что у тебя сосѣдь не хорошъ. Онъ тебя выдалъ, берегись его. Ступай съ Богомъ!

У т р о.

Румяной зарею	Сѣдые туманы
Покрылся востокъ;	Плывутъ къ облакамъ;
Въ селѣ за рѣкою	Гусей караваны
Потухъ огонекъ;	Несутся къ лугамъ;
Росой окропились	Проснулись люди,
Цвѣты на поляхъ;	Спѣшать на поля;
Стада пробудились	Явилось солнце —
На мягкихъ лугахъ.	Ликуетъ земля!

Пушкинъ.

Холодные страны.

Въ холодныхъ странахъ весны и осени, какъ у насъ, не бываетъ: долго тянется суровая зима съ сильными морозами, снѣжными метелями и вьюгами. Солнце нѣсколько мѣсяцевъ совсѣмъ не показывается на небѣ. Только луна да сѣверное сіяніе освѣщаютъ снѣжную пустыню. Животныя и нѣкоторыя птицы — рябчики и куропатки, забиваются въ снѣгъ. Волки, лисицы, зайцы холодныхъ странъ линяютъ къ зимѣ. Шерсть ихъ становится бѣлаго цвѣта, такъ что ихъ трудно отличить отъ снѣжнаго поля. Бѣлая медвѣдица вырываетъ себѣ въ снѣгу берлогу и ложится туда со своими медвѣжатами. Только бѣлый медвѣдь одиноко бродитъ по берегу моря, по льдинамъ: высматриваетъ себѣ добычу, подстерегаетъ моржей, тюленей. Иногда волны выбрасываютъ на берегъ мертвого кита. Тогда бѣлому медвѣдю достается богатая пожива.

Но вотъ зима приходитъ къ концу. На небѣ показывается яркое солнце. Оно освѣщаетъ и согрѣваетъ промерзшую землю. Снѣгъ таетъ. Все оживаетъ. Быстро наступаетъ жаркое лѣто. Въ воздухѣ носятся цѣлыя тучи комаровъ и мошекъ. Тундра покрывается травой,

цвѣтами, ягодами. Рѣки полны рыбой; она заходитъ въ нихъ метать икру. Изъ теплыхъ странъ прилетаетъ множество дикихъ гусей, утокъ и лебедей. Они съ шумомъ и гамомъ носятся въ воздухѣ, вьютъ себѣ гнѣзда, кладутъ яйца, спѣшать вывести птенцовъ.

Но короткое лѣто быстро проходить. Наступаютъ снова трескучіе морозы, заковываютъ льдомъ рѣки, болота. Огромныя ледяныя горы загромождаютъ моря. Все покрывается снѣжною бѣлою пеленою. Начинается опять длинная холодная зима.

Пожаръ.

(БЫЛЬ).

Въ жнитво мужики и бабы ушли на работу. Въ деревнѣ остались только старые да малые. Въ одной избѣ оставались бабушка и трое внучатъ. Бабушка истопила печку и легла отдохнуть. На нее сажались мухи и кусали ее. Она закрыла голову полотенцемъ и заснула. Одна изъ внучекъ, Маша (ей было три года), открыла печку, нагребла угольевъ въ черепокъ и пошла въ сѣни. А въ сѣняхъ лежали снопы. Бабы приготовили эти снопы на связла *). Маша принесла уголья, положила подъ снопы и стала дуть. Когда солома стала загораться, она обрадовалась, пошла въ избу и привела за руку брата, Кирюшку (ему было полтора года, онъ только что выучился ходить), и сказала:

— Глянь, Кирюшка, какую я печку вздула.

Снопы уже горѣли и трещали. Когда застлало сѣни дымомъ, Маша испугалась и побѣжала назадъ въ избу. Кирюшка упалъ на порогъ, расшибъ носъ и заплакалъ. Маша втащила его въ избу, и они оба спрятались подъ лавку. Бабушка ничего не слыхала и спала. Старшій мальчикъ, Ваня (ему было восемь лѣтъ), былъ на улицѣ. Когда онъ увидалъ, что изъ сѣней валитъ дымъ, онъ вбѣжалъ въ дверь, сквозь дымъ перескочилъ въ избу и сталъ будить бабушку; но бабушка спросонковъ ошатѣла и забыла про дѣтей, выскочила и побѣжала по дворамъ

*) Соломенные жгуты, чтобы вязать снопы.

за народомъ. Маша тѣмъ временемъ сидѣла подъ лавкой и молчала; только маленькій мальчикъ кричалъ, потому что больно разбилъ себѣ носъ. Ваня услыхалъ его крикъ, поглядѣлъ подъ лавку и закричалъ Машѣ:

— Бѣги, сторишь!

Маша побѣжала въ сѣни, но отъ дыма и отъ огня нельзя было пройти. Она вернулась назадъ. Тогда Ваня поднялъ окно и велѣлъ ей лѣзть. Когда она пролѣзла, Ваня схватилъ брата и потащилъ его. Но мальчикъ былъ тяжелъ и не давался брату. Онъ плакалъ и толкалъ Ваню. Ваня два раза упалъ, пока дотащилъ его къ окну: дверь въ избѣ уже загорѣлась. Ваня просунулъ мальчикову голову въ окно и хотѣлъ протолкнуть его; но мальчикъ (онъ очень испугался) ухватился ручонками и не пускалъ ихъ. Тогда Ваня закричалъ Машѣ:

— Тащи его за голову!—а самъ толкалъ сзади.

И такъ они вытащили его въ окно на улицу и сами выскочили.

Дѣдушка.

Лысый, съ бѣлой бородою,
Дѣдушка сидить,

Чашка съ хлѣбомъ и во-
дою

Передъ нимъ стоитъ:

Бѣлъ какъ лунь, на лбу
морщины,

Съ испытимъ лицомъ;

Много видѣлъ онъ кру-
чины

На вѣку своемъ.

Все прошло; пропала сила,

Притупился взглядъ;

Смерть въ могилу уло-
жила

Дѣтокъ и внучатъ.

Съ нимъ въ избушкѣ за-
копѣлой

Котъ одинъ живетъ;

Старъ и онъ, и спитъ день
цѣлый —

Съ печи не спрыгнетъ.

Старику немного надо:

Лапти сплестъ, да сбыть —

Вотъ и сытъ. Его отра-
да —

Въ Божій храмъ ходить.

Къ стѣнкѣ около порога,

Станетъ тамъ, кряхтя,

И за скорби славить Бога,
Божіе дитя.

Радъ онъ жить, не прочь
въ могилу,

Въ темный уголокъ...

Гдѣ ты черпалъ эту силу,
Бѣдный мужичокъ?

Никитинъ.

Индѣйцы жаркой страны.

Далеко за морями есть жаркая страна южная Америка. Тамъ растутъ огромнѣйшіе лѣса. Деревья въ этихъ лѣсахъ совсѣмъ особенныя, не такія, какъ въ нашихъ странахъ. Одни изъ нихъ очень раскидистыя: подъ тѣнью

индѣецъ южной Америки.

каждаго можетъ свободно укрыться сотня людей. У другихъ громадные листья; изъ ихъ волоконъ дѣлаютъ пряжу. На нѣкоторыхъ растутъ орѣхи величиною съ дѣтскую голову. Ползучія растенія обвиваютъ деревья. Отъ этого по чащѣ лѣса пробираться очень трудно. Надо топоромъ прорубать дорогу. Въ этихъ лѣсахъ и животныя водятся необычныя: пестрыя яркія птицы и большія, и такія маленькія, какъ жуки; огромныя ядовитыя змѣи; различныя обезьяны лазятъ по деревьямъ; водятся и разные большіе звѣри. Но людей тамъ живетъ мало, потому что трудно пробираться имъ по лѣсу; да, кромѣ того, приходится бороться съ дикими звѣрями. Люди, живущіе тамъ, называются

индѣйцами. Кожа у нихъ такого цвѣта, какъ красная мѣдь. Волосы длинные, черные и прямые. Въмѣсто одежды они опоясываются кускомъ пряжи. Они любятъ разныя пестрыя украшенія, яркія перья, цвѣтныя камешки, бусы. Всѣ, и мужчины, и женщины, носятъ ожерелья и браслеты на рукахъ и ногахъ. Даже на тѣлѣ яркими красками дѣлаютъ рисунки. Такъ какъ тамъ круглый годъ жарко, то индѣйцы строятъ себѣ легкіе шалаши изъ тростника. Они ловятъ рыбу, охотятся на звѣрей, собираютъ плоды и этимъ питаются.

Большинство индѣйцевъ ведетъ бродячій образъ жизни. Индѣйцы — язычники.

Индѣецъ и англичанинъ.

Индѣйцы взяли на войнѣ въ плѣнъ молодого англичанина, привязали его къ дереву и хотѣли убить.

Старый индѣецъ подошелъ и сказалъ:

— Не убивайте его, а отдайте мнѣ.

Его отдали.

Старый индѣецъ отвязалъ англичанина, свелъ въ свой шалашъ, накормилъ и положилъ ночевать.

На другое утро индѣецъ велѣлъ англичанину итти за собою.

Они шли долго, и, когда подошли близко къ англійскому лагерю, индѣецъ сказалъ:

— Ваши убили моего сына, — я спасъ тебѣ жизнь; иди къ своимъ и убивай насъ.

Англичанинъ удивился и сказалъ:

— Зачѣмъ ты смѣешься надо мною? Я знаю, что наши убили твоего сына; убивай же меня скорѣе.

Тогда индѣецъ сказалъ:

— Когда тебя стали убивать, я вспомнилъ о своемъ сынѣ, и мнѣ стало жаль тебя. Я не смѣюсь: иди къ своимъ и убивай насъ, если хочешь.

И индѣецъ отпустилъ англичанина.

Семья на работѣ.

Рабочее время стояло.

Возили снопы мужики,

А Дарья картофель копала

Съ сосѣднихъ полосъ у

рѣки.

Свекровь ея тутъ же, ста-

рушка,

Трудилась; на полномъ

мѣшкѣ

Красивая Маша, рѣзвуха,

Сидѣла съ морковкой въ
рукѣ.

Телѣга скрипя подѣзжаетъ,

Савраска глядитъ на своихъ,

И Проклушка крупно ша-

гаетъ

За возомъ сноповъ золо-

тыхъ.

„Богъ помочь! А гдѣ же

Гришуха?“

Отец мимоходомъ сказалъ.
 — Въ горохахъ, — сказала
 старуха.
 „Гришуха!“ отецъ закри-
 чаль;
 На небо взглянулъ. „Чай,
 не рано?
 Испить бы!“... Хозяйка
 встаетъ
 И Проклу изъ бѣлаго жбана
 Напиться кваску подаетъ.
 Гришуха межъ тѣмъ ото-
 звался:
 Горохомъ опутанъ кругомъ,
 Проворный мальчуга казался
 Бѣгущимъ зеленымъ ку-
 стомъ.

Крича подбѣгаетъ въ при-
 садку
 (На шеѣ горохъ хомутомъ),
 Попотчевалъ бабушку, мат-
 ку,
 Сестренку, — вертится व्यо-
 номъ!
 Отъ матери молодцу ласка,
 Отецъ мальчугана щипнулъ.
 Межъ тѣмъ не дремалъ и
 Савраска:
 Онъ шею тянулъ да тя-
 нулъ;
 Добрался: оскаливши зубы,
 Горохъ аппетитно жуетъ
 И въ мягкія, добрыя губы
 Гришухино ухо беретъ.

Некрасовъ.

Хинное дерево.

ВѢТКА ХИННАГО ДЕРЕВА ВЪ ЦВѢТУ.

ЮТЬ НѢСКОЛЬКИХЪ СОРТОВЪ: ОДНИ СВОИМИ ЛИСТЬЯМИ НАПО-

Всякій слыхалъ о болѣзни
 лихорадкѣ. Много людей хво-
 раетъ ею. Въ жаркихъ боло-
 тистыхъ мѣстностяхъ даже
 умираютъ отъ лихорадки.
 Лучшимъ лѣкарствомъ про-
 тивъ этой болѣзни служить
 хина. Добываютъ ее изъ коры
 хиннаго дерева. Хинныя де-
 ревья растутъ въ жаркихъ
 странахъ Америки, на высо-
 кихъ горахъ. Тамъ прохладно
 и сыро; по ночамъ лежитъ
 густой туманъ; но никогда
 не бываетъ снѣга. Вѣчно зе-
 леныя хинныя деревья быва-
 ютъ одними своими листьями напо-

минають ольху, другія вербу или иву. Цвѣты хиннаго дерева расположены пучками; они розоваго цвѣта. Стройное хинное дерево высоко поднимаетъ свою красивую вершину. Опытный глазъ туземца издали отличаетъ розовую вершину хиннаго дерева. Но не всегда можно добраться до него: быстрый потокъ, глубокая пропасть, крутая скала часто загораживаютъ путь. Поэтому добывать хину тяжело и опасно. Добытчики

СОБИРАНИЕ ХИННАГО ДЕРЕВА.

захватываютъ запасы на долгое время; они расходятся поодинокѣ или вдвоемъ въ разныя стороны. Часто имъ приходится прокладывать себѣ дорогу ножомъ или топоромъ.

Разыскавъ хинное дерево, его срубаютъ и снимаютъ кору. Снятая кора высушивается на солнцѣ. Доставка хинныхъ корокъ изъ лѣсу — самая трудная работа. Доставленные хинныя корки сортируютъ, подсушиваютъ, складываютъ въ связки и отправляютъ въ городъ. Тамъ

связки корокъ зашиваютъ въ сырую кожу. Засыхая кожа плотно стягивается. Въ такомъ видѣ хину отправляютъ на корабляхъ во всѣ части свѣта.

Много хинныхъ деревьевъ истребили такимъ способомъ. И все же хина была очень дорога и доступна только богатымъ людямъ. Но голландцы добыли сѣмена хиннаго дерева и стали разводить его. Теперь на высокихъ горахъ жаркихъ странъ разводятъ цѣлые хинные лѣса. Съ дерева снимаютъ не всю кору, а только съ одной стороны. Когда большое мѣсто затянется, кору снимаютъ съ другой стороны. Послѣ двухъ разъ дерево растетъ плохо, болѣетъ; его срубаютъ и снимаютъ всю кору. Хинныхъ лѣсовъ разводятъ все больше и больше. Потому съ каждымъ годомъ хина становится все дешевле.

Добрыѣ обычаѣ.

Въ деревнѣ Медвѣжьемъ Углу къ концу жнитво подходитъ. Бабы на перегонку другъ передъ другомъ торопятся кончить работу.

Одна помоложе и попроворнѣе другихъ дожала свою полосу всѣхъ раньше, перекрестилась и пошла помогать сосѣдкѣ, которая отъ нея немного поотстала. Вдвоемъ онѣ скорехонько дожали, и обѣ переходятъ къ третьей, потомъ, уже втроемъ, — къ четвертой, къ пятой. У послѣдней хворой бабы, которая всѣхъ больше отстала, собирается ужъ цѣлая „помочь“.

Этотъ добрый обычай ведется въ Медвѣжьемъ Углу по завѣту прадѣдовъ и дѣдовъ и ненарушимо всѣмъ хранится.

Пословицы.

Худо тому, кто добра не дѣлаетъ никому.
Одной рукой собирай, а другой раздавай.
Не строй семь церквей, пристрой семь дѣтей.
Съ міру по ниткѣ — голому рубаха.
Доброму человѣку и чужая болѣзнь къ сердцу.

Д В Ъ Б О Ч К И.

Двѣ бочки ѣхали: одна съ виномъ,
Другая
Пустая.
Вотъ первая себѣ безъ шуму и шажкомъ
Плетется,
Другая вскачь несется;
Отъ ней по мостовой и стукотня, и громъ,
И пыль столбомъ;
Прохожій къ сторонѣ скорѣй отъ страху жметса,
Ее заслышавши издалека;
Но какъ та бочка ни громка,
А польза въ ней не такъ, какъ въ первой, велика.

Кто про свои дѣла кричить всѣмъ безъ-умолку,
Въ томъ, вѣрно, мало толку;
Кто дѣлокъ истинно — тихъ часто на словахъ.
Великій человѣкъ лишь громокъ на дѣлахъ,
И думаетъ свою онъ крѣпку думу
Безъ шуму.

Крыловъ.

Н е г р ы.

Далеко отъ насъ есть большая земля Африка. Тамъ живутъ негры. У негровъ тѣло совсѣмъ темное, черное. У нихъ выдающіяся скулы, приплюснутый носъ, толстыя губы и очень бѣлые зубы. Волосы у негровъ короткіе и курчавые, какъ барашекъ. Въ ихъ землѣ очень жарко. Поэтому они почти не носятъ одежды. Больше для красоты перекидываютъ они черезъ плечо кусокъ мѣха или надѣваютъ поясъ. Носятъ также плащи. Женщины плащемъ привязываютъ къ спинѣ маленькихъ дѣтей.

Жилища негры строятъ изъ тростника или соломы, такъ какъ у нихъ холодовъ не бываетъ.

Негры занимаются земледѣліемъ. Полей они не пахутъ, а взрываютъ лопатами. На поляхъ они разводятъ

больше всего бананы и особый видъ проса въ человѣческой ростъ. Бананы это высокія травянистыя растенія, съ длинными широкими листьями. Плоды ихъ сладковатаго вкуса; они замѣняютъ для жителей тѣхъ мѣстъ хлѣбъ. Поля обрабатываютъ обыкновенно женщины, а

НЕГРЫ.

мужчины занимаютъ охотой или ничего не дѣлаютъ. Женъ негры покупаютъ. Богатые покупаютъ нѣсколькихъ женъ. Но, несмотря на это, у негровъ женщины пользуются уваженіемъ.

У негровъ много племенъ. Каждое племя имѣетъ своего князя. Князь богаче другихъ жителей. Большая часть негровъ язычники. Они дѣлаютъ себѣ деревянныхъ или каменныхъ идоловъ, очень безобразныхъ, и придаютъ имъ видъ людей или животныхъ. Кромѣ того, негры поклоняются животнымъ и большимъ деревьямъ, которыя считаютъ

священными. Изъ животныхъ негры особенно почитаютъ змѣй. Они думаютъ, что въ змѣяхъ живутъ души ихъ умершихъ родичей. Но среди негровъ есть христіане и магометане.

Негры очень сильны и выносливы. Было время, когда их продавали въ другія страны въ рабство, такъ какъ они хорошіе работники. Теперь рабство уничтожено, а вмѣстѣ съ нимъ и торговля неграми.

Филиппокъ.

(быль).

Быль мальчикъ, звали его Филиппъ. Пошли разъ всѣ ребята въ школу. Филиппъ взялъ шапку и хотѣлъ тоже итти. Но мать сказала ему:

— Куда ты, Филиппокъ, собрался?

— Въ школу.

— Ты еще малъ, не ходи. — И мать оставила его дома.

Ребята ушли въ школу. Отецъ еще съ утра уѣхалъ въ лѣсъ, мать ушла на поденную работу. Остались въ избѣ Филиппокъ да бабушка на печкѣ. Стало Филиппку скучно одному, бабушка заснула, и онъ сталъ искать шапку. Своей не нашелъ, взялъ старую отцовскую и пошелъ въ школу.

Школа была за селомъ у церкви. Когда Филиппокъ шелъ по своей слободѣ, собаки не трогали его — онѣ его знали. Но когда онъ вышелъ къ чужимъ дворамъ, выскочила Жучка, залаяла, а за Жучкой большая собака Волчокъ. Филиппокъ бросился бѣжать, собаки за нимъ. Филиппокъ сталъ кричать, споткнулся и упалъ. Вышелъ мужикъ, отогналъ собакъ и сказалъ:

— Куда ты, пострѣленокъ, одинъ бѣжишь?

Филиппокъ ничего не сказалъ, подобралъ полы и пустился бѣжать во весь духъ. Прибѣжалъ онъ къ школѣ. На крыльцѣ никого нѣтъ, а въ школѣ, слышно, гудятъ голоса ребятъ. На Филиппка нашелъ страхъ: „Что, какъ учитель меня прогонитъ?“ И сталъ думать, что ему дѣлать. Назадъ итти — опять собака заѣстъ, въ школу итти — учителя боится. Шла мимо школы баба съ ведромъ и говоритъ:

— Всѣ учатся, а ты что тутъ стоишь?

Филиппокъ и пошелъ въ школу. Въ сѣнцахъ снялъ шапку и отворилъ дверь. Школа вся была полна ребятъ.

Всѣ кричали свое; учитель въ красномъ шарфѣ ходилъ по серединѣ.

— Ты что? — закричалъ онъ на Филиппка.

Филиппокъ ухватился за шапку и ничего не говорилъ.

— Да кто ты?

Филиппокъ молчалъ.

— Или ты нѣмой?

Филиппокъ такъ напугался, что говорить не могъ.

— Ну, такъ иди домой, коли говорить не хочешь.

А Филиппокъ и радъ бы что сказать, да въ горлѣ у него отъ страха пересохло. Онъ посмотрѣлъ на учителя и заплакалъ. Тогда учителю жалко его стало. Онъ погладилъ его по головкѣ и спросилъ у ребятъ, кто этотъ мальчикъ.

— Это Филиппокъ, Костюшкинъ братъ, онъ давно просится въ школу, да мать не пускаетъ его, и онъ украдкой пришелъ въ школу.

— Ну, садись на лавку возлѣ брата, а я твою мать попрошу, чтобъ пускала тебя въ школу.

Учитель сталъ показывать Филиппку буквы, а Филиппокъ ихъ ужъ зналъ и немножко читать умѣлъ.

— Ну-ка, сложи свое имя.

Филиппокъ сказалъ:

— Хве-и-хви, ле-и-ли, пе-окъ-покъ.

Всѣ засмѣялись.

— Молодецъ, — сказалъ учитель. — Кто же тебя училъ читать?

Филиппокъ осмѣлился и сказалъ:

— Костюшка. Я бѣдовый, я сразу все понялъ. Я страсть какой ловкій!

Учитель засмѣялся и сказалъ:

— А молитвы ты знаешь?

Филиппокъ сказалъ:

— Знаю, — и началъ говорить Богородицу; но всякое слово говорилъ не такъ.

Учитель остановилъ его и сказалъ:

— Ты погоди хвалиться, а поучись.

Съ тѣхъ поръ Филиппокъ сталъ ходить съ ребятами въ школу.

Сахарный тростникъ.

У насъ сахаръ добываютъ изъ свеклы или бурака. Но люди научились этому очень недавно. Прежде весь сахаръ добывался изъ особаго сахарнаго тростника. И до сихъ поръ еще много сахара добывается изъ него.

Сахарный тростникъ похожъ на нашъ тростникъ или камышъ, но стебли его толще и грубѣе. Они очень сочны; если выжимать ихъ, то получается пріятный сахаристый сокъ. Этотъ сокъ выжимаютъ изъ тростниковыхъ стеблей особыми машинами. Затѣмъ его сгущаютъ, подогрѣвая въ котлахъ. Когда же получается, наконецъ, густая патока, ей даютъ остынуть. Тогда на дно котловъ осѣ-

Сахарный тростникъ.

СБОРЪ САХАРНАГО ТРОСТНИКА.

даетъ сахарный песокъ. Его очищаютъ и пускаютъ въ продажу.

Сахарный тростникъ требуетъ много тепла и влаги. Поэтому онъ можетъ расти только въ жаркихъ странахъ, на хорошей, жирной почвѣ. Его разводятъ на поляхъ, зарывая въ землю разрубленные камышины. Когда сахарный тростникъ вырастетъ, стебли его срѣзываются. Эта работа очень тяжела; ее обыкновенно поручаютъ неграмъ.

Въ нежаркихъ странахъ сахарный тростникъ расти не можетъ; онъ погибаетъ отъ морозовъ. Поэтому въ этихъ странахъ весь тростниковый сахаръ привозной. Онъ дороже свекловичнаго и не такой бѣлый и твердый. У насъ, въ Россіи, весь сахаръ свекловичный, такъ какъ въ нашихъ черноземныхъ губерніяхъ разводится много свеклы.

Великодушный незнакомецъ.

Однажды была чрезвычайно холодная зима.

Снѣгу навалило болѣе двухъ аршинъ.

Но передъ самой весной вдругъ наступила оттепель. Снѣгъ началъ быстро таять, и сдѣлалось сильное наводненіе.

Нѣсколько стоявшихъ при рѣкѣ домовъ были въ большой опасности. Люди, жившіе по берегу рѣки, покинули свои дома.

Но одно семейство не могло спастись. Вода внезапно разлилась и окружила ихъ домъ. Ледяныя глыбы одна за другой неслись на окруженную водою избу и грозили ее разрушить. Бѣдное семейство жалостно просило о помощи черезъ окошко.

На берегу рѣки стояло множество народа. Всѣ сожалѣли, многіе плакали, но никто не рѣшался итти на помощь погибавшему семейству.

Въ это время изъ толпы вышелъ на берегъ какой-то незнакомый человѣкъ. Онъ сѣлъ въ ближайшую

рыбачью лодку и счастливо доѣхалъ до избы. Но такъ какъ лодка была очень мала, то онъ могъ посадить въ нее только двухъ человѣкъ. Поэтому ему пришлось три раза возвращаться къ избѣ. Но ему это удалось, и онъ спасъ все семейство.

Едва успѣлъ онъ высадить на берегъ послѣднихъ двухъ человѣкъ, какъ огромная льдина ударилась объ избу, и изба съ трескомъ обрушилась. Въ то время, какъ глаза всего народа были обращены на разрушавшуюся избу, незнакомецъ скрылся въ толпѣ. Никто не успѣлъ спросить объ его имени.

Его стали искать по всему городу, но нигдѣ не нашли.

И з б а.

Небо въ часъ дозора
Обходя, луна
Свѣтитъ сквозь узора
Мерзлаго окна.

Вечеръ зимній длится;
Дѣдушка въ избѣ
На печи ложится,
И ужъ спитъ себѣ.

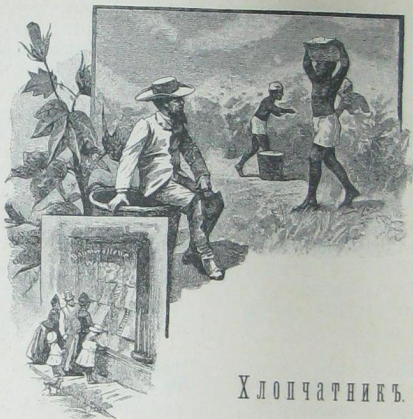
Помоляся Богу,
Улеглася мать;
Дѣти понемногу
Стали засыпать.

Только за работой
Молодая дочь
Борется съ дремотой
Во всю долгу ночь,

И лучина блѣдно
Передъ ней горитъ.
Все въ избушкѣ блѣдной
Тишиной томить,

Лишь звучить докучно
Болтовня одна
Прялки однозвучной
Да веретена.

Опаревъ.

Хлопчатникъ.

Всѣмъ извѣстны бумажныя матеріи: ситецъ, коленкоръ, нанка, кумачъ, плисъ и многія другія. Онѣ сдѣланы изъ ваты. Изъ нея прядутъ машинами тонкія нитки. Изъ нитокъ машинами же ткутъ миткаль. На немъ отпечатаваютъ и набиваютъ разными красками цвѣты, узоры, клѣточки, палочки — и выходитъ ситецъ. Откуда же берутъ вату?

Вату, подъ именемъ хлопка, привозятъ изъ теплыхъ странъ. Она растетъ тамъ на особомъ растеніи, которое называется хлопчатникомъ. Его разводятъ на поляхъ.

Сѣмена хлопчатника сѣютъ въ мягкую, рыхлую землю. Вскорѣ показываются маленькіе стебельки. Они быстро растутъ вверхъ. Но хозяинъ не даетъ имъ расти высоко: онъ срѣзываетъ верхушку стебля. Хлопчатникъ оттого начинаетъ куститься, пускаетъ вѣтви во всѣ стороны. Наконецъ, онъ зацвѣтаетъ.

Цвѣты его такіе же, какъ у нашего растенія калачики (просвирнякъ), только желтые и гораздо больше.

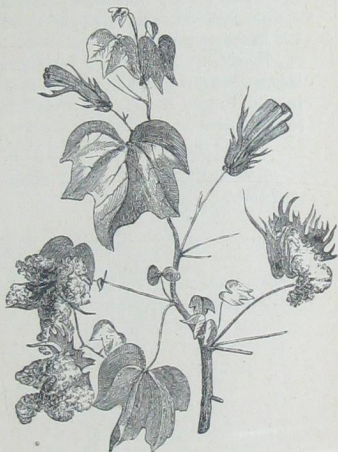
Когда цвѣты хлопчатника отпадутъ, завязывается плодъ. Онъ похожъ на маковую головку. Созрѣвшая коробочка лопається; изъ нея выходитъ бѣлый пухъ. Это хлопчатая бумага (вата). Въ ней окутаны сѣмена.

Хлопокъ собираютъ и очищаютъ отъ сѣмянъ и сора. Это дѣлается руками или машинами. Руками въ день очистишь не болѣе одного фунта ваты, а машиной цѣлую тысячу фунтовъ.

Очищенный хлопокъ укладываютъ въ мѣшки, увязываютъ и пускаютъ въ продажу. Къ намъ въ Россію хлопокъ везутъ и на верблюдахъ, и на пароходахъ, и по желѣзной дорогѣ. На фабрикахъ его прядутъ, ткутъ, красятъ и везутъ въ

города и села для продажи. Изъ хлопчато-бумажныхъ матерій шьютъ бѣлье и платье. Изношенное тряпье опять идетъ на фабрики. Изъ тряпья дѣлаютъ писчую бумагу.

У насъ хлопчатникъ разводятъ въ Туркестанѣ и Закавказьѣ.

ВѢТКА ХЛОПЧАТНИКА.

Знаніе — сила.

Петръ Великій ѣхалъ однажды къ Соловецкимъ островамъ. На Бѣломъ морѣ его застигла страшная буря. Петръ сталъ у руля и самъ правилъ ботомъ. Буря все свирѣпѣла. Опасность часъ отъ часу увеличивалась.

Въ это время пробирается на корму монастырскій работникъ Антипъ и просить царя уступить ему руль. Петръ отошелъ отъ руля, но не переставалъ давать Антипу совѣты. Это вмѣшательство царя мѣшало Антипу соображать и править. „Отойди прочь! Я лучше тебя сумѣю это сдѣлать!“ гнѣвно проговорилъ Антипъ. Петръ удалился и не сказалъ ни слова.

Наконецъ, судно благополучно пристало къ берегу. Тогда Антипъ повалился царю въ ноги и просилъ прощенія. Петръ поднялъ Антипа, поцѣловалъ его и наградилъ платьемъ со своихъ плечъ.

Блѣ бы богачъ деньги, кабы убогій его хлѣбомъ не кормилъ.

ЧИЖЪ И ГОЛУБЬ.

Чижа захлопнула злодѣйка-западня.
Бѣдняжка въ ней и рвался, и метался,
А голубь молодой надъ нимъ же издѣвался.
„Не стыдно ль“, говоритъ: „Средь бѣла дня
Попался!

Не провели бы такъ меня;
За это я ручаюсь смѣло“.

Ань, смотришь, тутъ же самъ запутался въ силокъ.
И дѣло!

Впередъ чужой бѣдѣ не смѣйся, голубокъ!

Крыловъ.

РИСЬ.

Больше половины всѣхъ людей питается рисомъ. Рисъ — хлѣбное растеніе. Онъ сродни нашему овсу и пшеницѣ. По виду своему рисъ походить на овесъ, но колосъ его не имѣетъ такихъ длинныхъ остей. Родится рисъ только въ жаркихъ странахъ. Рисъ хорошо растетъ только изъ воды, такъ что его нужно считать растеніемъ болотнымъ. Урожай рисъ даетъ хорошій: самъ 50 и болѣе. Въ Китаѣ рисъ даетъ даже по два урожая въ годъ. Обработ-

ка земли подъ рисъ и уходъ за нимъ очень трудны и вредны для здоровья: работать приходится по колѣни въ тинѣ; дышать нужно гнилымъ болотнымъ воздухомъ. Много миллионовъ людей кормить рисъ въ Индіи, Китаѣ, Японіи и въ другихъ жаркихъ странахъ, но многихъ изъ тѣхъ, которые трудятся на рисовыхъ поляхъ, и губить лихорадкой и другими болѣзнями. Природныхъ болотистыхъ мѣстъ для риса почти нѣтъ. Человѣкъ долженъ самъ устроить поле-болото для разведенія риса. Особенно искусно дѣлаютъ это китайцы. Воду для рисоваго поля они проводятъ по канавамъ изъ рѣки или озера. Въ канавахъ дѣлаютъ перегородки такъ, чтобы можно было пускать или задерживать воду. Если поле лежитъ выше воды, то, кромѣ канавокъ и затворокъ, необходимо устроить еще водо-подъемную машину.

Р И С Ъ.

Рисъ большею частью не сѣютъ, но сажаютъ. Молодые всходы разсаживаютъ отдѣльными пучками въ жидкій илъ. Потомъ рисовое поле затопляютъ водою. Пока всходы не высоки, поле все сплошь покрыто водою и кажется большимъ озеромъ. Когда нужно прополоть сорныя травы, воду запираютъ и не пускаютъ на поле. Жать рисъ иногда приходится по колѣни въ тинѣ. Срѣзанные стебли складываютъ на узкія лодочки.

Муки изъ риса большею частью не мелютъ, а ѣдятъ его развареннымъ, какъ кашу, или пекутъ изъ него лепешки. Изъ риса гонятъ водку, варятъ пиво. Рисъ такой же кормилецъ для многихъ народовъ, какъ для насъ рожь.

Архіерей и разбойникъ.

(БЫЛЬ).

Одного разбойника давно искали. Разъ онъ переселся и пришелъ въ городъ. Въ городѣ его узнали полицейскіе и погнались за нимъ. Разбойникъ бѣжалъ отъ нихъ и прибѣжалъ къ архіерейскому дому; ворота были открыты; онъ вошелъ во дворъ.

Послушникъ спросилъ его, что ему нужно.

Разбойникъ не зналъ, что отвѣчать, и наобумъ сказалъ:

— Мнѣ нужно архіерея.

Архіерей принялъ разбойника и спросилъ, за какимъ онъ дѣломъ пришелъ къ нему.

Разбойникъ отвѣчалъ:

— Я—разбойникъ, за мною погоня; спрячь меня, а не то я убью тебя.

Архіерей сказалъ:

— Я—старикъ, смерти не боюсь; но мнѣ жаль тебя. Поди въ ту горницу, ты усталъ, отдохни, а я тебѣ припущу поѣсть.

Полицейскіе не посмѣли войти къ архіерею въ домъ, и разбойникъ остался у него ночевать.

Когда разбойникъ отдохнулъ, архіерей пришелъ къ нему и сказалъ:

— Мнѣ жаль тебя, что ты холоденъ и голоденъ и что за тобою гоняются, какъ за волкомъ, но мнѣ всего болѣе жаль тебя за то, что ты зла много сдѣлалъ и душу свою губишь. Брось дурныя дѣла!

Разбойникъ сказалъ:

— Нѣтъ, мнѣ уже не отвыкнуть отъ худого; разбойникомъ жилъ, такимъ и умру.

Архіерей ушелъ отъ него, растворилъ всѣ двери и легъ спать.

Ночью разбойникъ всталъ, пошелъ ходить по горницамъ. Ему удивительно показалось, что архіерей ничего не заперъ и оставилъ всѣ двери настежь.

Разбойникъ сталъ оглядываться кругомъ — что бы ему

украсть, увидалъ большой серебряный подсвѣчникъ и думаетъ:

Возьму я эту вещь — она много денегъ стоитъ — и уйду отсюда, а старика убивать не буду.

Такъ и сдѣлалъ.

Полицейскіе не отходили отъ архіерейскаго дома и все время караулили разбойника. Какъ только онъ вышелъ изъ дома, его окружили и нашли у него подъ полой подсвѣчникъ.

Разбойникъ сталъ отпираться, но полицейскіе сказали:

— Если ты отъ прежнихъ дѣлъ своихъ отпираешься, то отъ кражи этого подсвѣчника отказаться не можешь. Пойдемъ къ архіерею, онъ тебя уличитъ.

Привели вора къ архіерею, показали ему подсвѣчникъ и спросили:

— Ваша ли эта вещь?

Онъ говоритъ:

— Моя.

Полицейскіе сказали:

— У васъ украли эту вещь, а вотъ воръ.

Разбойникъ молчалъ, и у него, какъ у волка, бѣгали глаза.

Архіерей ничего не сказалъ, вернулся въ горницу, взялъ тамъ дружку отъ того же подсвѣчника, подаль разбойнику и говоритъ:

— Зачѣмъ же ты, дружокъ, только одинъ подсвѣчникъ взялъ? Вѣдь я тебѣ оба подарилъ.

Разбойникъ заплакалъ и сказалъ полицейскимъ:

— Я воръ и разбойникъ, ведите меня!

Потомъ онъ сказалъ архіерею:

— Прости меня ради Христа и помолись за меня Богу.

П а л ь м ы

Что для насъ рожь и пшеница, то для народовъ нѣкоторыхъ жаркихъ странъ — пальма. Различныхъ породъ этого дерева насчитываютъ до тысячи. Родина пальмы — самыя жаркія страны на землѣ. По виду своему пальмы не похожи на наши деревья. У нихъ вовсе нѣтъ вѣтокъ;

отъ корня идетъ вверхъ одинъ прямой стволъ; на верхушкѣ выступаетъ нѣсколько громадныхъ листьевъ. Между листьями появляются цвѣты и плоды. Цвѣты пальмъ не красивы. У нѣкоторыхъ породъ пальмъ листья имѣютъ семь саженъ въ длину и болѣе трехъ аршинъ въ ширину. Высота ствола доходитъ до 11 саженъ. У корня толщина ствола имѣетъ въ обхватѣ безъ малаго три

ФИНИКОВАЯ РОЩА ВЪ ПУСТЫНѢ

аршина, а сверху около одного аршина. Древесина пальмъ очень крѣпка. Столбы, бревна, срубы въ колодцахъ изъ пальмоваго дерева хорошо служатъ болѣе ста лѣтъ.

Въ пустыняхъ, на сухой песчаной землѣ, растетъ финиковая пальма. Если бы не это растеніе, то во многихъ жаркихъ пустыняхъ человѣкъ вовсе не могъ бы существовать. Плоды на финиковой пальмѣ растутъ большими кистями. По виду и цвѣту они похожи на крупный жо-

лудь, но мясисты и сочны. Каждое дерево даетъ пять—семь пудовъ такихъ плодовъ. Ихъ сушатъ и дѣлають муку, изъ которой пекутъ лепешки, варятъ разныя кушанья. Финики идутъ въ пищу не только человѣку, но служатъ кормомъ и верблюду, лошади и даже собакамъ тѣхъ странъ. Плоды сохраняются зарытыми въ песокъ около двухъ лѣтъ. Въ Египтѣ народъ платитъ налогъ не съ земли, а съ каждой финиковой пальмы, дающей плоды. Каждый годъ въ казну поступаетъ плата съ двухъ милліоновъ деревьевъ. Между тамошними жителями есть хозяева, которые имѣютъ по двѣ и по три тысячи финиковыхъ пальмъ.

КОКОСОВЫЯ ПАЛЬМЫ.

Не меньшую пользу приносить человѣку кокосовая пальма. Она растетъ на берегахъ тропическихъ морей. Наверху ствола ея красуется до 20 листьевъ. По виду они похожи на громадныя перья. Каждый листъ имѣетъ са-

жени три въ длину и полсажени въ ширину. По народной поговоркѣ тамошнихъ жителей, кокосовая пальма годна на 99 дѣлъ. Хорошая хозяйка можетъ цѣлый мѣсяцъ готовить изъ нея каждый день новое кушанье. Стволъ даетъ отличный строительный матеріалъ. Листьями кроютъ крыши. Когда листья только что показываются изъ почки, ихъ можно ѣсть вареными и жареными, какъ самую хорошую капусту. Изъ кожуры цвѣтовыхъ почекъ получаютъ сладкій сокъ—пальмовое вино. Изъ этого же сока вывариваютъ сахаръ. Плодъ кокосовой пальмы—орѣхъ, величиной въ голову ребенка. Пока орѣхъ не совсѣмъ созрѣлъ, онъ содержитъ въ себѣ сладковатую жидкость, такъ называемое кокосовое молоко. Когда же ядро поспѣетъ, изъ его мякоти получается отличное масло; оно годно для пищи, для освѣщенія, для приготовления мыла и свѣчей. Это масло идетъ въ продажу, а выжимки являются хорошимъ кормомъ для свиней и домашней птицы. Изъ скорлупы орѣха дѣлаютъ посуду. Изъ волоконъ орѣха, ствола и листьевъ дѣлаютъ крѣпкіе канаты, корзины, рогожи, ткани, щетки, шляпы; ихъ вывозятъ на продажу въ другія страны. Кокосовую пальму видишь около каждой хижины. Шестьдесятъ такихъ пальмъ для семейства жителей тѣхъ далекихъ странъ то же, что для нашего земледѣльца поле ржи или картофеля. Кокосовая пальма можетъ жить до 100 лѣтъ. На шестомъ году она уже даетъ плоды. Каждое дерево приноситъ отъ 20 до 150 орѣховъ въ годъ.

Состраданіе на пожарѣ.

Въ одну минуту пламя охватило весь домъ. Полы затрещали, посыпались; пылающія бревна стали падать; красный дымъ вился надъ кровлею.

Вскорѣ вся дворня высыпала на дворъ. Бабы съ крикомъ спѣшили спасти свою рухлядь. Искры полетѣли огненной метелью; избы загорѣлись.

Новое явленіе привлекло всеобщее вниманіе: кошка бѣгала по кровлѣ пылающаго сарая, недоумѣвая, куда прыгнуть. Со всѣхъ сторонъ окружало ее пламя. Бѣдное

животное жалкимъ мяуканьемъ призывало на помощь. Мальчишки помирали со смѣху, смотря на ея отчаніе.

— Чему смѣетесь, бѣсенята? — сказалъ сердито кузнецъ. — Бога вы не боитесь: Божія тварь погибаетъ, а вы сдуру радуетесь!

И, поставя лѣстницу на загорѣвшуюся кровлю, онъ полѣзъ за кошкою. Она поняла его намѣреніе и съ видомъ торопливой благодарности уцѣпилась за его рукавъ. Полуобгорѣлый кузнецъ съ своей добычей полѣзъ внизъ.

Пожаръ свирѣпствовалъ еще нѣсколько времени, наконецъ, унялся, и груды углей безъ пламени ярко горѣли въ темнотѣ ночи; около нихъ бродили погорѣлые жители.

Пушкинъ.

* * *

Передъ ветхою избенкой	Долго маялся я; много
Старичокъ сидитъ сѣдой	Вынесъ горя на плечахъ;
И кудряваго ребенка	Не легка была дорога,
Онъ морщинистой рукой	Да Господь помогъ. Онъ
Охватилъ. Въ свой полу-	благъ;
шубокъ	Хоть во многомъ былъ я
Завернулъ его теплѣй;	грѣшенъ
Съ пухлыхъ щекъ и алыхъ	И хотъ часто я ропталъ,
губокъ	Но подъ старость Имъ утѣ-
Не спускаетъ онъ очей.	шенъ —
„Охъ! не долго, внучекъ	Мнѣ Онъ радость испо-
милый,	слать:
Мнѣ поняньчиться съ то-	Знаю я, мой свѣтикъ Саша,
бой, —	Веселѣй твой будетъ вѣкъ:
Говоритъ старикъ: въ ми-	Доля ждетъ тебя не на-
гилу	ша —
Мнѣ пора ужъ — на покой.	Будешь вольный человекъ!“

Плещевъ.

П У С Т Ы Н Я.

Представьте себѣ большое пространство, покрытое сыпучимъ пескомъ: ни куста, ни дерева, ни цвѣтка — все пусто, голо; одинъ лишь горячій, раскаленный солнцемъ песокъ, да кое-гдѣ камни. Это — пустыня. Въ пусты-

няхъ нѣтъ воды, нѣтъ жизни: тамъ не живетъ человѣкъ, нѣтъ домашнихъ животныхъ; только львы нарушаютъ иногда своимъ рычаніемъ тишину пустыни. Растенія не могутъ жить въ пустынѣ: палящее солнце все сжигаетъ.

Въ пустынѣ люди путешествуютъ на верблюдахъ; безъ верблюда, пожалуй, нельзя было бы и проѣхать черезъ пустыню. Верблюдъ очень некрасивъ; онъ нѣсколько

КАРАВАНЪ ВЪ ПУСТЫНѢ.

больше лошади, покрытъ буро-желтой шерстью; на спинѣ у него одинъ или два горба. Крѣпкія мозолистыя ноги позволяютъ верблюду ходить по сыпучему песку, не проваливаясь. Верблюдъ хорошо переноситъ жару; напившись много сразу, онъ можетъ долго обходиться безъ воды. Верблюдовъ навьючиваютъ товарами; привязываютъ другъ къ другу вереницею, и караванъ пускается въ путь; его сопровождаютъ погонщики и хозяева товаровъ.

Въ пустыняхъ встрѣчаются иногда мѣста, гдѣ есть вода; это — оазисы. Здѣсь растутъ деревья, отдыхаютъ и запасаются водой караваны. На многихъ оазисахъ устроены дома для путешественниковъ.

Переходы черезъ пустыню дѣлаются еще опаснѣе, когда подымается ураганъ. Сильный вѣтеръ закручиваетъ пески въ столбы. Столбы бываютъ очень высокіе, въ нѣсколько десятковъ сажени. Эти песчаные столбы со страшной быстротой несутся по пустынѣ. Такой ураганъ называется смерчомъ. Онъ разрушаетъ все, что встрѣчается на пути. Караванъ, попавшій въ него, рѣдко спасается. Случалось, что смерчъ подымалъ на воздухъ людей, скотъ, крыши домовъ.

Самая большая и страшная пустыня лежитъ въ Африкѣ и называется Сахарой.

Христосъ воскресъ!

Лѣтъ сорокъ тому назадъ пришлось мнѣ пробывать нѣсколько мѣсяцевъ въ Якутскѣ, гдѣ архіереемъ въ то время былъ преосвященный Иннокентій. Были мы въ Свѣтлое Христово Воскресенье въ соборѣ, — губернаторъ, чиновники, купцы. Народу собралось видимо-невидимо. Служилъ самъ владыка.

Послѣ обѣдни онъ благословилъ всѣхъ насъ, со всѣми похристосовался. „Ну, говорить, а теперь прошу за мной!“

Губернаторъ, чиновники и всѣ мы недоумѣвали, куда онъ ведетъ насъ. Смотримъ, а онъ изъ церкви прямо въ острогъ; съ каждымъ заключеннымъ христосуется и каждого даритъ на праздникъ отъ скудныхъ средствъ своихъ. И что за лицо у него было при этомъ! Ясное, тихое, покойное!

Невольно и мы полѣзли въ карманы и выложили, кто что могъ. Набралось много денегъ, которые всѣ и пошли въ пользу арестантовъ.

Тогда только владыка, еще разъ благословивъ всѣхъ, отпустилъ насъ по домамъ.

Гончаровъ.

Мартышка и очки.

Мартышка въ старости слаба глазами стала.
А у людей она слыхала,
Что это зло еще не такъ большой руки:
Лишь стоитъ завести очки.
Очковъ съ полдюжины себѣ она достала;
Вертитъ очками такъ и сякъ:
То къ темю ихъ прижметъ, то ихъ на хвостъ нанижетъ,
То ихъ понюхаетъ, то ихъ полижетъ;
Очки не дѣйствуютъ никакъ.
„Тыфу пропасть! — говоритъ она. — И тотъ дуракъ,
Кто слушаетъ людскихъ всѣхъ вракъ;
Все про очки лишь мнѣ нагнали;
А проку на волосъ нѣтъ въ нихъ“.
Мартышка тутъ съ досады и печали
О камень такъхватила ихъ,
Что только брызги засверкали.

Крыловъ.

Австралійцы.

Огромныя моря называются океанами. Среди одного

австралійцы.

изъ океановъ лежитъ страна Австралія. Въ ней живутъ австралійцы. Они невелики ростомъ и худы. У нихъ

свѣтло-коричневая кожа, черные курчавые волосы и косматая борода. Одежда ихъ состоитъ изъ куска мѣха вокругъ пояса, да въ холодную пору изъ плаща. Плащъ шьется изъ шкуръ. Тѣло себѣ австралійцы, какъ и индѣйцы, украшаютъ рисунками. Сначала нацарапаютъ острымъ камешкомъ узоръ, потомъ натирутъ его краской. Австралійцы не строятъ себѣ настоящихъ домовъ. Нѣкоторые живутъ въ пещерахъ. Другіе лѣтомъ для защиты отъ вѣтра втыкаютъ въ землю нѣсколько вѣтвей, а на зиму строятъ круглые шалаши, покрытые корой. Холодной зимы у нихъ не бываетъ.

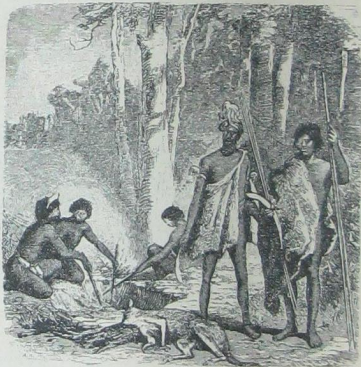
ШАЛАШИ АВСТРА-
ЛІЙЦЕВЪ.

Въ Австраліи земля часто пропитана солью и безплодна. Рѣкъ мало и тѣ въ жару пересыхаютъ. Поэтому жителямъ приходится бродить, чтобы найти себѣ пропитаніе и воду. При переходахъ шалаши бросаютъ, а на новомъ мѣстѣ строятъ другіе. Всѣ пожитки переносятъ женщины.

Австралійцы ловятъ рыбу сѣтями и охотятся на звѣрей. На охотѣ употребляютъ деревянные копья и кривыя дубинки. Копья и дубинки они ловко бросаютъ въ цѣль на большомъ разстояніи.

Бѣду они не варятъ, а пекутъ въ золѣ или между раскаленными камнями. Австралійцы употребляютъ также въ пищу и человѣческое мясо. Они поѣдаютъ тѣла

убитыхъ воиновъ; они думаютъ, что отъ этого сдѣлаются храбрѣе. Ъдятъ также тѣла другихъ умершихъ. Но отецъ не имѣетъ права ѣсть мясо умершаго сына. Мать сѣдаетъ голову, братья лучшіе куски. Сыновьямъ запрещается ѣсть мясо умершихъ родителей. У австралійцевъ существуетъ жестокой обычай: если въ семьѣ родился

АВСТРАЛІЙЦЫ ПРИГOTOВЛЯЮТЪ ЪДУ.

ребенокъ, когда другой еще не умѣетъ хорошо ходить, то его убиваютъ. Это дѣлаютъ для того, чтобы матерямъ при переходахъ не тяжело было со своими пожитками нести двухъ дѣтей. Своихъ женщинъ австралійцы не уважаютъ. Австралійцы — язычники.

Какъ осудили вора.

Жилъ въ одномъ нѣмецкомъ городѣ богатый князь. Много у него было всякаго добра, много рабовъ работало для него на поляхъ. Князь построилъ себѣ дворецъ на высокомъ берегу рѣки, устроилъ во дворцѣ

богатую церковь, а кругомъ дворца выстроилъ высокую стѣну съ башнями. Всѣ люди въ томъ краю знали и богатство князя, и его горячій нравъ. Не умѣлъ онъ сдержать себя въ гнѣвѣ, и много терпѣли отъ него люди. Однажды пропалъ у князя любимый его перстень, которымъ онъ очень дорожилъ. Больше всѣхъ своихъ слугъ довѣрялъ князь старому своему слугѣ Ивану; ему одному дозволялось входить въ кабинетъ, гдѣ спалъ князь.

— Гдѣ перстень? — спросилъ князь сердито у Ивана.

Перепугался старикъ, бросился искать по комнатѣ, сталъ искать и князь, но перстня нигдѣ не нашель. Зналъ Иванъ, что ему одному придется отвѣчать за эту пропажу.

Покраснѣлъ отъ гнѣва князь, обозвалъ старика воромъ, сталъ допрашивать, куда дѣвался перстень. Не зналъ Иванъ, что и отвѣчать, говорилъ онъ только одно, что не видѣлъ перстня. Не повѣрилъ князь Ивану, не посмотрѣлъ на то, что Иванъ честно прослужилъ ему ужъ болѣе двадцати лѣтъ, велѣлъ его пытать. Стали палачи Ивана бить, пытать и допрашивать, онъ ли взялъ перстень. Долго крѣпился Иванъ и говорилъ, что и прежде показывалъ, а подъ конецъ не выдержалъ, взялъ вину на себя, чтобы только избавиться отъ мученій. Осудили его на казнь. Собрался народъ смотрѣть на казнь Ивана. Вывели старика, поклонился Иванъ народу, поднялъ руки къ небу и сказалъ:

— Себя я не помнилъ, когда повинился, а, видить Богъ, не виновенъ я!

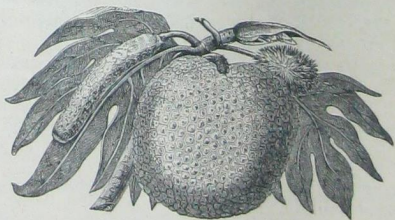
Услышавъ это князь, но и тутъ не повѣрилъ Ивану, и казнили его.

Прошелъ не одинъ годъ послѣ того; ужъ давно поросла бурьяномъ могила Ивана, а князь о своемъ перстнѣ и думать забылъ, какъ налетѣла ночью страшная буря и снесла крышу съ колокольни дворцовой церкви. Пошли утромъ люди крышу чинить, смотреть — старое гнѣздо воронь, а въ немъ между всякимъ соромъ лежить княжескій перстень, — извѣстно, что вороны и сороки любятъ таскать себѣ въ гнѣзда блестящія вещи.

Утащилъ, видно, тогда воронъ черезъ открытое окно перстень, а Ивана засудили, замучили за небывалую вину. Отнесли находку князю. Ужаснулся онъ и тѣ люди, которые судили и мучили Ивана. И не зналъ князь съ тѣхъ поръ покоя: днемъ и ночью видѣлъ онъ передъ собой Ивана, какъ стоялъ онъ тогда передъ казнью съ поднятыми къ небу руками; припоминались князю и другіе люди, пострадавшіе отъ его суда и гнѣва. И смирилось сердце стараго князя. Положилъ онъ себѣ никогда не судить и не наказывать. Много времени прошло съ тѣхъ поръ, замокъ тотъ уже развалился, а въ народѣ и до сихъ поръ живетъ сказаніе о томъ, какъ осудили Ивана.

Хлѣбное дерево.

Въ жаркихъ странахъ, у береговъ океановъ Индѣйскаго и Тихаго, растеть большое дерево, которое люди назвали хлѣбнымъ деревомъ. Листья на немъ крупныя, вырѣзные. Плоды гораздо крупнѣе очень большого яблока. Они зеленовато-желтаго цвѣта; покрыты колючими

ПЛОДЪ ХЛѢБНАГО ДЕРЕВА.

бугорками. Въ этихъ жаркихъ странахъ наши хлѣба, пшеница, рожь, не растутъ; тамошніе люди вовсе не умѣютъ обрабатывать для нихъ земли.

Трудно было бы прожить, прокормиться этимъ дикимъ людямъ, если бы у нихъ не было хлѣбнаго дерева.

Хлѣбное дерево живетъ до 80 лѣтъ. Оно даетъ пло-

ды восемь мѣсяцевъ въ году, и плодовъ на немъ столько, что двухъ деревьевъ вполне достаточно, чтобы прокормить человека круглый годъ. Кто на своемъ вѣку посадилъ десять хлѣбныхъ деревьевъ, тотъ обезпечилъ на всю жизнь и себя и свою семью. Плодовъ хлѣбнаго дерева сырыми не ѣдятъ. Когда ихъ сорвутъ, то кладутъ въ горячую воду или на раскаленные камни и пекутъ, какъ мы печемъ картофель. Кожа на плодѣ

ХЛѢБНОЕ ДЕРЕВО.

трескается; сквозь нее проглядываетъ бѣлая рыхлая мякоть. Вкусомъ она похожа на мякишъ пшеничнаго хлѣба съ тертымъ варенымъ картофелемъ.

На тѣ четыре мѣсяца, когда плодовъ на деревѣ не бываетъ, жители дѣлаютъ запасы. Они срываютъ спѣлые плоды, снимаютъ съ нихъ кожу, мякишъ толкутъ и растираютъ тѣсто; готовятъ яму, выкладываютъ ее камнемъ и туда складываютъ тѣсто. Сверху такую яму покрываютъ кучей листьевъ и камней. Тѣсто въ ямѣ начинаетъ бродить и киснуть. Тогда люди берутъ тѣста, сколько

нужно на разъ, дѣлають лепешки, завертываютъ въ листья и пекутъ на раскаленныхъ камняхъ.

Стволъ хлѣбнаго дерева идетъ на бревна, на доски и другія подѣлки. Густой липкій сокъ дерева употребляется, какъ у насъ смола. Изъ молодой коры плетутъ рогожи и даже ткуть ткани для одежды.

Д О Ч Ъ.

(быль).

Въ Китаѣ въ старину по закону отрубать руки всякому, кого уличать въ кражѣ. Попался разъ въ кражѣ знатный вельможа, любимецъ царскій. Не могъ царь отступить отъ закона и велѣлъ наказать преступника. На дворѣ казней поставили плаху съ кольцами, и завтра рано утромъ палачъ отрубилъ вельможѣ руки.

Но вотъ является во дворецъ дочь опальнаго вельможи, и проситъ и молить со слезами допустить ее къ царю. Хоть и съ большимъ трудомъ, но исполнили ея просьбу царедворцы. Ницъ упала дѣвочка передъ грознымъ владыкой.

— Великій государь, — сказала она въ страхѣ, — отецъ мой присужденъ безъ рукъ остаться, — такъ вотъ, отрубите мои руки: онѣ тоже его, но не умѣютъ прокормить нашу большую семью.

У царя были свои дѣти, и ему понравилось, что маленькая дѣвочка такъ отца любитъ.

— Пусть будетъ такъ, какъ ты просишь; но я оставляю на твою волю отказаться отъ казни, хоть бы и въ самую послѣднюю минуту.

На другой день привели дѣвочку на дворъ казней. Среди двора стоитъ на козлахъ обрызганная кровью плаха, а возлѣ — палачъ съ мечомъ обнаженнымъ. Поблѣднѣла дѣвочка, смутилась на минуту. Но скоро овладѣла собою, подошла къ плахѣ, просунула руки въ кольца. Палачъ крѣпко привязалъ руки къ плахѣ ремнями. Дѣвочка не проронила ни слова. Палачъ поднялъ

мечъ, а она и глаза закрыла... Мечъ сверкнулъ и опустился, не задѣвъ и края пальцевъ.

— Царь прощаетъ отца твоего за любовь великую твою! — объявилъ царскій наперсникъ.

Отворились изъ тюрьмы двери: бѣжить къ дочери отецъ, цѣлуетъ у ней руки, слезами ихъ обливаетъ.

На другой день объявляютъ народу указъ объ отмѣнѣ навѣки жестокаго стараго закона. А на дворѣ каменной, по царскому приказу, поставленъ столбъ съ мраморной доской, и на ней золотыми буквами написали, какъ дочь готова была отдать свою жизнь за жизнь отца; а въ концѣ прибавлены такія слова: „Счастливы отцы, у кого такія дѣти; счастлива земля, гдѣ есть такія семьи“.

* * *

Ахъ, кабы на цвѣты да не морозы,	Не давай меня, батюшка, замужъ,
И зимой бы цвѣты расцвѣтали;	Не давай, государь, за невровню;
Ахъ, кабы на меня да не кручина,	Не мечись на большое богатство,
Ни о чемъ бы я не тужила,	Не гляди на высокія холмы:
Не сидѣла бы я подпершия,	Не съ хоромами жить — съ челоукомъ,
Не глядѣла бы я во чисто поле.	Не съ богатствомъ жить мнѣ — съ свѣтомъ.
И я батюшкѣ говорила:	

МОНГОЛЫ.

Далеко за Сибирскими горами, въ Китаѣ, находится обширная пустыня Гоби. Тамъ дождь падаетъ такъ рѣдко, что земля всегда суха. Почва пустыни — или голые камни, или сыпучіе пески, или соленая глина, поросшая низкимъ кустарникомъ. Въ пустыньѣ этой кочуютъ монголы. Монголы некрасивы: тѣло у нихъ смуглое, красно-желтаго цвѣта, глаза косые. Они не пахутъ земли и не сѣютъ хлѣба, а живутъ однимъ скотоводствомъ.

У нихъ большія стада овецъ, табуны лошадей и верблюдовъ; тотъ у нихъ считается богаче и почетнѣе, у кого больше скота. Скотъ поить, кормить и одѣваетъ монгола. Воду монголы пьютъ рѣдко: доставать ее въ пустынѣ можно только изъ колодцевъ, которыхъ мало, да и вода въ нихъ соленая; ее пьютъ только животныя. Сами же монголы пьютъ айранъ или кислое молоко овецъ, коровъ и верблюдовъ; лѣтомъ же — кумысъ или кислое кобылье молоко. Кромѣ того, они варятъ кирпич-

КИРГИЗЫ.

ный чай и пьютъ его съ масломъ, солью и молокомъ. Это у нихъ и пища и питье. Только богатые люди рѣжутъ на фду барановъ или молодыхъ жеребятъ. Хлѣба монголы не знаютъ.

Монголы носятъ и лѣтомъ и зимой полушубки изъ бараньей шерсти или на голомъ тѣлѣ или на рубахъ и кожаные штаны. Живутъ монголы въ юртахъ или шатрахъ изъ жердей, обтянутыхъ войлокомъ или кошмою, сваленной изъ шерсти овецъ и верблюдовъ. Въ юртахъ у нихъ, кромѣ сундуковъ для одежды и котла, нѣтъ почти никакой утвари. Въмѣсто горшковъ и посуды

у нихъ кожаные мѣшки. Въмѣсто дровъ употребляютъ сухой навозъ.

Монголы не живутъ на одномъ мѣстѣ, — у нихъ нѣтъ осѣдлости. Когда ихъ стадо съѣсть всю траву въ окрестности, они собираютъ свои шатры и пожитки, навьючиваютъ ихъ на верблюдовъ и переходятъ со скотомъ на другое мѣсто. Установкой юрты, хозяйствомъ и вообще тяжелымъ трудомъ занимаются женщины. Мужчины же совсѣмъ не работаютъ; они ѣздятъ верхомъ, учатся стрѣльбѣ или занимаются грабежомъ и удалыми походами. Монголы — язычники.

Кромѣ монголовъ, на землѣ есть много другихъ народовъ, занимающихся скотоводствомъ и не живущихъ осѣдло. Такіе народы зовутся кочевыми. У насъ, въ Россіи, изъ кочевыхъ народовъ самые многочисленные — калмыки и киргизы. Одни изъ нихъ — магометане, другіе язычники.

Дорогая копеечка.

(РАЗСКАЗЪ БАТОРЖНИКА).

Я возвращался съ работы одинъ, съ конвойнымъ. Навстрѣчу мнѣ прошла мать съ дочерью. Дочь была дѣвочка лѣтъ девяти.

Я ужъ видѣлъ ихъ разъ. Мать была солдатка, вдова. Мужъ ея былъ подъ судомъ и умеръ въ больницѣ, въ арестантской палатѣ. Въ то время и я тамъ лежалъ больной. Жена и дочь приходили въ больницу прощаться съ покойнымъ; обѣ ужасно плакали.

Увидя меня, дѣвочка покраснѣлась и пошептала что-то матери. Мать тотчасъ же остановилась, отыскала въ узелкѣ что-то и дала дѣвочкѣ. Дѣвочка бросилась бѣжать за мной. Она всунула мнѣ въ руку монетку и сказала: „На, несчастный, прими Христа ради копеечку!“ — Я взялъ копеечку, и дѣвочка возвратилась къ матери, совершенно довольная.

Эту копеечку я и теперь храню у себя.

Достоевскій.

П о с л о в и ц ы .

На Бога надѣйся, а самъ не плошай.
Колотись — бейся, а все надѣйся.
Гнѣва не пугайся, на ласку не кидайся.
Учись доброму, худое на умъ не пойдетъ.
Чего не поищешь, того не сыщешь.
Не спѣши языкомъ, а торопись дѣломъ.
Свое люби по старинѣ, а добро перейми и на сторонѣ.

Пѣтухъ и жемчужное зерно.

Навозну кучу разрывая,
Пѣтухъ нашель жемчужное зерно
И говорить: „Куда оно?
Какая вещь пустая!
Не глупо-ль, что его высоко такъ цѣнять!
А я бы, право, былъ гораздо болѣ радъ
Зерну ячменному: оно не столь хоть видно,
Да сытно“.

Невѣжи судять точно такъ:
Въ чемъ толку не поймутъ, то все у нихъ пустякъ.

Грыловъ.

Ч а й .

Родина чайнаго дерева — Китай. Тамъ оно росло въ дикомъ видѣ. Теперь же его разводятъ цѣлыя плантаціи. Чайное деревцо невысоко, въ родѣ кустарника. Отъ самой земли идетъ нѣсколько стеблей, покрытыхъ листьями. Вѣчно зеленые листья на зиму не опадаютъ, какъ у нашихъ растений; старые листья постепенно замѣняются новыми, какъ у апельсиновыхъ и лимонныхъ

ВѢТКА ЧАЙНАГО ДЕРЕВА.

деревьевъ. Листья на краяхъ зазубрены, сверху покрыты нѣжнымъ серебристымъ пушкомъ. Между листьями и стеблями помѣщаются пахучіе бѣлые цвѣты, напоминающіе цвѣты яблони. Внутри цвѣтка образуется плодъ, похожій на три сросшіяся коробочки. Въ каждой изъ нихъ помѣщается по одному крупному сѣмечку. Эти сѣмена сажаютъ въ землю ранней весной. Чайное дерево не любитъ сырой почвы; его большею частью разводятъ на склонахъ горъ, гдѣ вода не застаивается.

ЧАЙНАЯ ПЛАНТАЦІЯ.

Для приготовленія чая идутъ листья чайнаго дерева. Ихъ собираютъ три раза въ году: въ апрѣлѣ, въ іюнѣ и въ началѣ августа. При каждомъ сборѣ часть листьевъ оставляютъ на деревѣ. Всѣ сорта чаю можно приготовить изъ однихъ и тѣхъ же листьевъ; разница только въ самомъ приготовленіи. Чтобы получить черный чай, собираютъ верхушки молодыхъ побѣговъ, раскладываютъ ихъ на камышевыхъ циновкахъ и провяливаютъ на солнцѣ. Потомъ ихъ скручиваютъ ногами или особыми

машинами, складываютъ въ кучи, чтобы они перебродили, высушиваютъ на солнцѣ и поджариваютъ на большихъ сковородахъ. Зеленый чай готовятъ еще проще: собираютъ листья, бросаютъ ихъ въ горячіе котлы, а затѣмъ катаютъ на столахъ, чтобы листья скручивались. Поджариваніе и скручиваніе повторяется еще разъ. Листья принимаютъ темно-зеленый цвѣтъ, и чай готовъ. Изъ старыхъ вѣтокъ готовится кирпичный чай: ихъ распариваютъ и потомъ сдавливаютъ или, какъ говорятъ, прессуютъ въ видѣ кирпичей. Такой чай пьютъ киргизы и другіе кочевые народы.

Кромѣ Китая, чай разводятъ и въ другихъ странахъ. У насъ чайныя плантаціи есть на Кавказѣ.

Егорка Артельный.

Зима. Бушуетъ метель, заметая дороги и заноса деревушки. Жутко на улицѣ въ такую непогоду, страшно и въ избѣ: звѣремъ воетъ вѣтеръ, стучитъ въ окна... Худо ребятамъ ходить въ школу въ такую пору: въ полѣ слѣда нѣтъ! Школьники изъ дальнихъ деревень запасаются хлѣбомъ и остаются ночевать въ школѣ, если есть мѣсто, или у крестьянъ.

Совсѣмъ занесло деревню Сосновку: стоитъ она среди поля, и заматаетъ ее со всѣхъ сторонъ; вровень съ кровлями сугробы снѣга.

Среди Сосновки стоитъ новый, высокій домъ; надъ дверью доска съ надписью: „Училище“.

Вечерѣло. Ребята изъ дальнихъ деревень ночуютъ въ школѣ; они собрались вокругъ большого стола, боязливо прислушиваясь къ бурѣ. Вдругъ дверь отворилась; клубы пара облакомъ ворвались въ комнату. Ребята повскакали, — въ дверяхъ стоялъ мальчикъ, весь въ снѣгу. Онъ жмурился, протирая глаза, залѣпленные снѣгомъ, дулъ на свои посинѣвшіе отъ стужи кулаки, отряхивался. Наконецъ, старшій мальчикъ, Вася, спросилъ гостя:

— Какъ тебя зовутъ?

— Егоркой! — отвѣчалъ гость и разсмѣялся.

Все засмѣялись тоже. Подвинулись ближе, стали спрашивать Егорку:

— Откуда ты?

— Опохинскій...

— Есть отецъ, мать?

— Нѣту! — говоритъ Егорка.

— Онъ нищенка! — догадался восьмилѣтній Ванюшка.

— Куда жъ ты идешь, Егоръ?

— А куда глаза глядятъ!..

Сказали о пришедшемъ учителю. Учитель позволилъ мальчугану остаться ночевать. Егора покормили. Онъ согрѣлся, оглядѣлся и вдругъ объявилъ, что дальше никуда не пойдетъ, потому что и здѣсь хорошо, и что онъ хочетъ въ училищѣ учиться. Уложивъ гостя спать, ребята додумывались, кто же будетъ кормить Егорку.

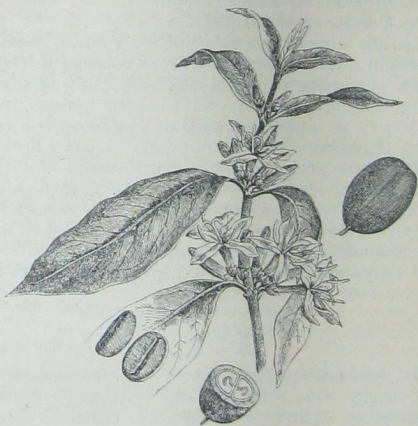
Наконецъ, рѣшено было кормить сироту „артелью“, въ складчину, если позволить учитель. Учитель, узнавъ, что Егоръ круглый сирота, согласился и общалъ помогать ребятамъ. Егорка остался въ училищѣ и получилъ прозваніе „Егорки Артельнаго“.

И школьники долго поили - кормили безроднаго товарища, а онъ учился въ школѣ.

К о ф е.

Въ жаркихъ странахъ растетъ деревцо вышиною съ нашу вишню. Оно некрасиво. Его блестящіе кожистые листья рѣдко сидятъ на тонкихъ и жидкихъ вѣтвяхъ. Это — кофейное дерево. Люди разводятъ кофейныя деревья потому, что изъ ихъ плодовъ готовится кофе. Дерево отъ дерева сажаютъ на разстояніи двухъ-трехъ аршинъ. Верхушки часто подрѣзываютъ, чтобы деревья росли въ ширину и давали больше вѣтокъ. Кофейныя деревья хорошо растутъ на рыхлой жирной почвѣ. Ихъ часто сажаютъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ выжигали лѣсъ. Поле, засаженное кофейными деревьями, называется кофейной плантаціей. Кофейныя деревья не любятъ зноя, поэтому вокругъ нихъ сажаютъ рядами высокія тѣнистыя деревья. Во время цвѣтенія вѣтки кофейныхъ де-

ревьевъ наклоняются подъ тяжестью мелкихъ бѣлоснѣжныхъ цвѣтовъ. Когда кофейное дерево отцвѣтетъ, въ углахъ, около листьевъ, созрѣваютъ невкусныя терпкія ягоды кирпично-краснаго цвѣта, съ двумя ядрышками въ серединѣ. Во время сбора плантаціи оживляются: дѣти и взрослые срываютъ ягоды и кучами раскладываютъ ихъ на солнцѣ. Когда ягоды провялятся, ихъ везутъ на

КОФЕЙНОЕ ДЕРЕВО, ЕГО ЦВЕТЫ И ПЛОДЫ.

мельницу и тамъ пропускаютъ между вертящимися валами. Отъ этого мякоть разрывается, и зерна выпадаютъ. Но такъ какъ на нихъ остается еще слизъ и шелуха, то ихъ промываютъ въ водѣ. Послѣ этого получаютъ чистыя зерна, извѣстныя въ продажѣ подъ именемъ сырого кофе.

У нѣмцевъ, французовъ и итальянцевъ пьютъ кофе больше, чѣмъ у насъ, въ Россіи; зато тамъ почти не

употребляютъ чаю. Арабы и турки также очень любятъ кофе, но они варятъ его не такъ, какъ мы, а въ маленькихъ закрытыхъ чашечкахъ, и подаютъ вмѣстѣ съ гущей.

М а ш а.

Проживая много лѣтъ тому назадъ въ Петербургѣ, я всякій разъ, какъ мнѣ случалось нанимать извозчика, вступалъ съ нимъ въ бесѣду.

Особенно любилъ я бесѣдовать съ ночными извозчиками, бѣдными подгородными крестьянами, прибывавшими въ столицу съ окрашенными вохрой санишками и плохой клячонкой въ надеждѣ и самъ прокормиться, и собрать на оброкъ господамъ.

Вотъ однажды нанялъ я такого извозчика... Парень лѣтъ двадцати, рослый, статный, молодецъ-молодцомъ; глаза голубые, щеки румяныя; русые волосы вьются колечками изъ-подъ надвинутой на самыя брови заплатанной шапоньки. И какъ только налѣзъ этотъ рваный армячишка на эти богатырскія плечи!

Однако, красивое, безбородое лицо извозчика казалось печальнымъ и хмурымъ.

Разговорился я съ нимъ. И въ голосѣ его слышалась печаль.

— Что, братъ? — спросилъ я его. — Отчего ты не весель? Али горе есть какое?

Парень не тотчасъ отвѣчалъ мнѣ.

— Есть, баринъ, есть, — промолвилъ онъ, наконецъ. — Да и такое, что лучше быть не надо. Жена у меня померла.

— Ты ее любилъ... жену-то свою?

Парень не обернулся ко мнѣ, только голову наклонилъ немного.

— Любилъ, баринъ. Восьмой мѣсяцъ пошелъ... а не могу забыть. Гложетъ мнѣ сердце... да и ну! И съ чего ей было помирать-то? Молодая! здоровая!.. Въ единъ день холера порѣшила.

— И добрая она была у тебя?

— Ахъ, баринъ! — тяжело вздохнулъ бѣднякъ. — И

какъ же дружно мы жили съ ней! Безъ меня скончалась. Я какъ узналъ здѣсь, что ее, значить, уже похоронили,—сейчасъ въ деревню поспѣшилъ, домой. Приѣхаль — а ужъ полночь стало. Вошелъ я къ себѣ въ избу, остановился посередкѣ и говорю такъ-то тихохонько: „Маша! а Маша!“ Только сверчокъ трещить.— Заплакалъ я тутотка, сѣлъ на избяной полъ да ладонью по землѣ какъ хлопну! Ненасытная, говорю, утроба!.. Сожрала ты ее, сожри жъ и меня! Ахъ, Маша! Маша! — прибавилъ онъ внезапно упавшимъ голосомъ.

И, не выпуская изъ рукъ веревочныхъ вожжей, онъ выдавилъ рукавицей изъ глазъ слезу, стряхнулъ ее, сбросилъ всторону, повелъ плечами и ужъ больше не произнесъ ни слова.

Слѣзая съ саней, я далъ ему лишній пятиалтынный. Онъ поклонился мнѣ низехонько, взявшись обѣими руками за шапку, и поплелся шагкомъ по снѣжной скатерти пустынной улицы, залитой сѣдымъ туманомъ январскаго мороза.

Тургеневъ.

Г о р ы.

Не вездѣ разстилается такая равнина, какъ въ серединѣ Россіи или въ Малороссіи. Есть на землѣ мѣста, гдѣ поднимаются горы. Горы бываютъ разной высоты, разнаго вида. Есть горы въ 6, 7 и 8 верстѣ высотой. Самая высокая гора находится въ Азій и называется Эверестъ. Она достигаетъ почти 10 верстѣ высоты.

Горы то поднимаются огромными голыми камнями или скалами, то тянутся длинною горною цѣпью. Склоны горъ иногда скалисты, обрывисты, усѣяны глубокими ущельями и пропастями. Между горами на разной высотѣ лежатъ то широкія долины, покрытыя пашнями, садами, густо заселенныя людьми, то узкіе горные проходы, окруженные высокими каменными стѣнами.

Внизу, у подошвы горъ, склоны часто кажутся зеленымъ ковромъ, особенно въ теплыхъ странахъ, гдѣ зимы не бываетъ. Тамъ все сплошь покрыто вѣчно зелеными рощами, садами, виноградниками. Но чѣмъ выше

подниматься на гору, тѣмъ воздухъ становится холоднѣе. Растительность мѣняется. Начинаются каштановые, буковые, дубовые лѣса, теряющіе свой листъ на зиму. Выше становится еще холоднѣе; тамъ растутъ только темные хвойные лѣса: ель, сосна, пихта. Поляны, склоны горъ покрыты густою сочною травою съ яркими цвѣтами: это начинаются горныя альпійскія пастбища. Они поднимаются все выше и выше и, наконецъ, достигаютъ до такихъ высотъ, гдѣ и трава уже не можетъ расти. Тамъ все мертво, дико, безлюдно; одни только камни, да скалы громоздятся все выше и выше. Подни-

ГОРНАЯ ЦѢПЬ.

мемся еще, и мы попадемъ въ царство вѣчнаго снѣга и льда. Тутъ уже такъ холодно, что снѣгъ и ледъ никогда не таютъ, даже въ самые жаркіе лѣтніе дни. Внизу, у подошвы горы, знойное лѣто, а вершина горы въ то же самое время покрыта вѣчнымъ снѣгомъ: тамъ стоитъ морозъ, бушуютъ снѣжныя мятели и вьюги. На высокихъ горахъ часто проносятся облака и тучи. Поднявшись на гору, можно оказаться выше облака, такъ что оно останется у насъ подъ ногами. Туманъ ложится полосами и клочками на горы, лѣса и ручьи, а иногда окутываетъ все густымъ бѣлымъ покрываломъ.

На вершинахъ горъ снѣгу и льду накапливается очень много. Образуются цѣлыя поля прозрачнаго голубоватаго льду. Это ледники. Они медленно сползаютъ внизъ

съ горы, увлекая за собою обломки скалъ. Ледники подтаиваютъ и даютъ начало множеству горныхъ ручьевъ. Горные ручьи быстро катятся внизъ, нерѣдко падая шумными водопадами. Сливаясь между собою, ручьи образуютъ горныя рѣчки, которыя даютъ начало большимъ рѣкамъ.

Чѣмъ выше мы поднимаемся на гору, тѣмъ труднѣе становится дышать. На высотѣ воздухъ не такой плотный, какъ внизу. Чѣмъ выше, тѣмъ воздухъ дѣлается все рѣже и рѣже. Внизу человекъ вдохнетъ за одинъ разъ столько воздуха, сколько на высотѣ онъ вдохнетъ за два, за три раза. Чтобы не задохнуться, человеку приходится тамъ чаще переводить дыханіе; человекъ быстро утомляется, ему тяжело въ этомъ холодномъ рѣдкомъ воздухѣ.

Но отчего же холодно на высокихъ горахъ?

Это происходитъ оттого, что воздухъ нагревается не прямо отъ солнечныхъ лучей, а отъ земли, нагреваемой солнцемъ. Черезъ воздухъ солнечныя лучи проходятъ, какъ черезъ стекло, почти не грѣя его. Нагрѣваясь отъ земли, воздухъ внизу бываетъ теплый; на высокихъ же горахъ, далеко отъ поверхности земли, воздухъ остается всегда холоднымъ.

Горныя вершины.

Горныя вершины	Не пылить дорога
Спать во тьмѣ ночной;	Не дрожать листы...
Тихія долины	Подожди немного,
Полны свѣжей мглой;	Отдохнешь и ты.

Лермонтовъ.

Жизнь горцевъ.

У подошвы горъ, гдѣ разстилаются поля, растутъ лѣса, жители мало отличаются по своимъ занятіямъ и по характеру отъ обитателей равнины. Не такова жизнь горцевъ на высокихъ склонахъ и горныхъ долинахъ: тамъ они занимаются скотоводствомъ. Горные жители разводятъ большія стада овецъ, козъ, коровъ; на лѣтніе мѣсяцы скотъ угоняютъ еще выше, на пастбища, гдѣ

цѣлое лѣто не выгораетъ трава. Жители деревень, часто со своими семьями, перебираются на лѣто въ горы, гдѣ пасутся стада. Тамъ они живутъ въ палаткахъ или строятъ для этого лѣтнія хижины. На зиму они возвращаются со стадами внизъ, въ свои постоянныя жилища. Изъ овечьяго и коровьяго молока горцы готовятъ сыры, масло, творогъ.

Трудна и опасна жизнь въ горахъ: сообщеніе трудное, особенно въ зимнее время. Кругомъ уступы и обрывы, обледенѣлые скаты. За стадами приходится карабкаться иной разъ по страшнымъ крутизнамъ. Высокія, почти отвѣсныя скалы часто бываютъ покрыты наверху нѣжною сочною травою. Болѣе бѣдные изъ жителей пробираются туда, захвативъ съ собою мѣшокъ съ провизіей, косы, палки, крюки и большія сѣти для переноса сѣна. На страшной высотѣ, часто на крутыхъ склонахъ, спѣшить бѣднякъ накосить и просушить сѣно. Иногда ливень сразу уноситъ все его сѣно внизъ; сильный вѣтеръ можетъ разметать все до послѣдняго клочка; туманы держатся по цѣлымъ недѣлямъ и застилаютъ тропинки, мѣшаютъ сушить сѣно. Когда, наконецъ, сѣно высушено, косецъ связываетъ его въ сѣти и сбрасываетъ внизъ на болѣе низкіе уступы. Но это не всегда возможно. Иногда ему приходится взваливать себѣ на плечи тюкъ съ сѣномъ и спускаться внизъ по страшнымъ крутизнамъ. Только привычка къ горамъ съ самаго дѣтства спасаетъ горца отъ вѣрной смерти при такихъ спускахъ.

И въ жилищахъ своихъ горцы не безопасны отъ страшныхъ бѣдствій. Огромныя снѣжныя лавины часто срываются съ уступовъ, заваливаютъ снѣгомъ и уничтожаютъ цѣлыя деревни, стада животныхъ, луга и пашни. Страшно быстро, съ шумомъ и грохотомъ несется сверху снѣжная масса. Она увлекаетъ за собою обломки скалъ, ломаетъ по пути деревья, переполняетъ потоки, засыпаетъ цѣлыя долины. Огромныя стаи птицъ съ пронзительнымъ крикомъ взвиваются высоко въ воздухъ; перепуганныя животныя мчатся цѣлыми стадами; все живое спѣшить спастись бѣгствомъ. Нерѣдко лавина въ нѣсколько часовъ погребаетъ подъ снѣгомъ цѣлую деревню.

СНѢЖНАЯ ЛАВИНА.

Окрестные жители спѣшать тогда откапывать и спасать отъ ужасной смерти своихъ несчастныхъ сосѣдей, погребенныхъ заживо.

Горные потоки, разливаясь отъ дождей или отъ снѣжнаго обвала, превращаются въ нѣсколько часовъ въ болшія бурныя рѣки; падая внизъ съ бѣшеной силой, онѣ смываютъ пашни, покосы, затопляютъ селенія.

Но горцы привыкають къ своимъ горамъ и горячо любятъ ихъ; трудная и опасная жизнь развиваетъ въ нихъ ловкость, храбрость, умѣнье не теряться въ опасности. Отважные охотники пробираются иной разъ по такимъ скаламъ, гдѣ прыгаютъ только козы.

Еще опаснѣе путь на ледникахъ; чтобы перейти ледникъ, надѣваютъ сапоги съ гвоздями, запасаются крѣпкими крючковатыми палками; для безопасности путники привязываются длинной веревкой одинъ къ другому.

Черный день пахаря.

Въ жизни пахаря, которая протекла покойно и тихо, было, однакожъ, одно сильное потрясеніе. На семью его пала рекрутская очередь. Его не предупредили объ этомъ, слова не сказали: думали сдѣлать лучше. Но разъ ночью пришли къ нему въ избу и захватили одного изъ сыновей его, перваго, который попался. Но случай этотъ его поразилъ сильно только по своей неожиданности. Прійдя въ себя, старикъ побѣжалъ въ контору и просилъ, чтобы ему самому предоставили выборъ дѣтей. На другой день онъ отвезъ всѣхъ трехъ сыновей въ городъ. До сихъ поръ еще многимъ лицамъ, присутствовавшимъ на ставкѣ, памятна сцена, когда, послѣ произнесенія очередного имени, въ дверяхъ присутствія явился вдругъ сѣдой шестидесятилѣтній старикъ.

— Ваше благородіе, — сказалъ онъ, обращаясь ко всѣмъ членамъ присутствія, — очередь за моею семьей. У меня три сына... пытался — не могу выбрать: всѣ равно дороги!.. Соболаговолите позвать всѣхъ трехъ... выбирайте ужъ лучше сами!..

Въ комнату вошли три парня, одинъ краше другого.

Двое стали по правую руку отца, одинъ по лѣвую. Старикъ обнялъ поочередно всѣхъ трехъ и произнесъ, положивъ имъ сперва руку на голову:

— Всѣ милы!.. всѣ дороги!.. всѣ хороши!..

Тутъ дыханіе какъ бы стѣснилось въ груди его; онъ остановился, покачалъ головою, тяжело вздохнулъ и вдругъ залился слезами. Присутствующіе, тронутые его положеніемъ, стали его успокоивать. Онъ попросилъ позволенія кинуть жеребій. Вынувъ изъ кошелька три мѣдные гроша, онъ подаль ихъ дѣтямъ, внимательно потомъ осмотрѣлъ каждый грошъ, положилъ на каждомъ знакъ зубами и велѣлъ бросить ихъ въ шапку.

— Вамъ, ваше благородіе, — сказалъ онъ, обратясь опять ко всѣмъ, — вамъ, я вижу... вы о нихъ жалѣете... прикажите ужъ лучше позвать какого ни на есть человека, который не видалъ меня съ ними... Пускай ужъ лучше онъ жеребій вынетъ.

Позвали солдата. Старикъ сказалъ ему:

— Какъ вынешь жеребій, никому не показывай... мнѣ отдай.

Жеребій вынули. Старикъ взялъ грошъ у солдата, отошелъ къ окну, взглянувъ на него, дрогнувъ, но тотчасъ же оправился, перекрестился и возвратился къ дѣтямъ.

— Вася, — вымолвилъ онъ, обратясь къ младшему, — Вася... голубчикъ мой! подойди ко мнѣ.

Онъ снова положилъ ему руку на голову, съ минуту глядѣлъ на него молча, потомъ обнялъ его, благословилъ и, закрывъ ладонью лицо, пошелъ къ двери.

Григоровичъ.

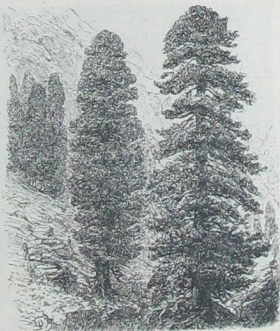
Л ѣ с ѣ.

Лѣса бываютъ очень различны, смотря по тому, въ какой странѣ они растутъ. На дальнемъ сѣверѣ, среди вѣчныхъ морозовъ и снѣговъ, деревья совсѣмъ не растутъ. Въ странахъ менѣе суровыхъ, но холодныхъ, тянутся огромные хвойные лѣса. Вѣтви этихъ деревьевъ покрыты темно-зелеными иглами, хвоей. Хвоя не опадаетъ еже-

годно, а мѣняется постепенно; поэтому хвойные лѣса стоятъ вѣчно зеленые, и лѣтомъ и среди зимнихъ снѣговъ. У насъ, въ Россіи, хвойные лѣса большею частью еловые и сосновые. Ихъ зовутъ краснолѣсьемъ. Въ большихъ лѣсахъ, нетронутыхъ рукою человѣка, эти деревья достигаютъ огромныхъ размѣровъ. Ихъ прямые гладкіе стволы высятся, какъ безконечные ряды колоннъ. Сквозь густую зелень вѣтвей проходитъ слабый свѣтъ. Въ тѣни подъ деревьями растетъ мало травы и кустовъ. Почва устлана старой опавшей хвоей, какъ мягкимъ ковромъ. Въ воздухѣ сильно пахнетъ смолой. Такой лѣсъ мраченъ и однообразенъ; онъ поражаетъ своей величественной красотой.

Въ странахъ съ умѣреннымъ климатомъ чаще встрѣчаются лиственные лѣса. Тамъ, гдѣ, какъ у насъ, въ Россіи, лѣто теплое, а зима холодная, — деревья теряютъ зимою свой листъ. Таковы: дубъ, береза, кленъ, липа, осина. Лѣсъ изъ такихъ деревьевъ

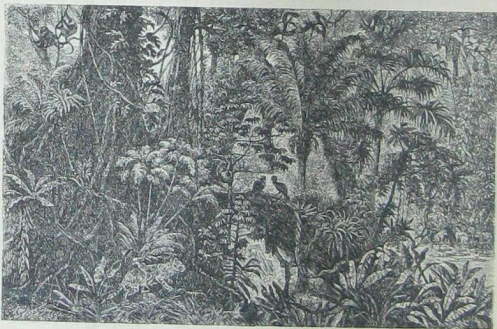
мѣняетъ свой видъ въ каждое время года. Онъ особенно хорошъ весною, когда деревья покрываются свѣжей и душистой молодой листвою. Лѣтомъ листья вырастаютъ; деревья образуютъ густые шатры темной зелени. Лиственный лѣсъ гораздо веселѣе и разнообразнѣе хвойнаго. Рядомъ съ темными стволами дуба или липы, съ ихъ могучими раскидистыми вѣтвями, бѣлѣетъ стволъ березки, поднимается ея стройная вершина, или высовываются широкіе листья клена. Кустовъ и травы здѣсь тоже гораздо больше, особенно на полянкахъ и опушкахъ. Осенью листья желтѣютъ, а у нѣкоторыхъ

ХВОЙНЫЯ ДЕРЕВЬЯ.

деревьевъ, напримѣръ, у клена и осины, краснѣютъ и придаютъ лѣсу пестрый видъ. Приходитъ зима; лѣсъ стоитъ безъ листьевъ и кажется чернымъ среди бѣлаго снѣга. Русскій народъ зоветъ лиственный лѣсъ чернолѣсьемъ.

Совсѣмъ другую картину представляютъ лѣса жаркихъ странъ. Тамъ, по берегамъ рѣкъ, гдѣ круглый годъ много тепла, свѣта и влаги, растетъ вѣчно зеленый лѣсъ. Огромныя деревья покрыты роскошной разно-

ТРОПИЧЕСКІЙ ЛѢСЪ.

образной листвою. Стволы тѣснятся одинъ около другого. Ихъ вѣтви переплетаются между собою. Однѣ вершины высятся надъ другими. Между деревьями растутъ выющіяся растенія — ліаны. Ихъ стволы бываютъ толщиною въ руку. Они обвиваютъ деревья, сплетаютъ ихъ между собой, достигаютъ самыхъ высокихъ вершинъ и свѣшиваются оттуда внизъ. На самыхъ стволахъ деревьевъ вырастаютъ особыя растенія съ причудливыми цвѣтами и украшаютъ ихъ точно роскошными букетами. Иное старое дерево, уже сухое, продолжаетъ стоять, подпертое со всѣхъ сторонъ другими деревьями и обви-

тое ліанами. Земли не видно: она вся покрыта разнообразными растеніями. Во всѣхъ сырыхъ мѣстностяхъ съ жаркимъ климатомъ лѣсъ представляетъ такую вѣчную чашу зелени.

Есть другія жаркія страны, гдѣ каждый годъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ не падаетъ ни капли дождя. Тогда лѣса теряютъ свой листъ; только кое-гдѣ среди обнаженныхъ вершинъ виднѣется вѣчно зеленое хвойное дерево. Но вотъ наступаютъ дожди; сильнѣйшіе ливни идутъ ежедневно въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Голыя вѣтви деревьевъ покрываются необыкновенно крупными и яркими цвѣтами. Затѣмъ на нихъ разворачивается листъ. Лѣсъ стоитъ густой и зеленый до слѣдующаго сухого времени года.

Въ древнія времена лѣсовъ на землѣ было гораздо больше, чѣмъ теперь. Къ сожалѣнію, люди не берегутъ ихъ, а истребляютъ и обращаютъ въ поля и луга. Между тѣмъ лѣсъ очень полезенъ для человѣка. Онъ служитъ ему для построекъ и топлива. Въ числѣ деревьевъ многія, особенно деревья жаркихъ странъ, питаютъ его своими плодами. Кромѣ того, лѣса сохраняютъ влагу, упавшую съ неба. Земля меньше высыхаетъ подъ защитой деревьевъ. Въ лѣсу всегда сырѣе, чѣмъ на лугу. Поэтому въ той мѣстности, гдѣ больше лѣсовъ, больше и влаги, которая такъ нужна для всей жизни на землѣ.

Черемуха.

(РАЗСКАЗЪ).

Одна черемуха выросла на дорожкѣ изъ орѣшника и заглушала лешиновые кусты.

Долго думалъ я, рубить или не рубить ее: мнѣ жаль было. Черемуха эта росла не кустомъ, а деревомъ, вершка три въ отрубѣ и сажени четыре въ вышину, вся развилістая, кудрявая и вся обсыпанная яркимъ, бѣлымъ душистымъ цвѣтомъ. Издалека слышенъ былъ ея запахъ. Я бы не срубилъ ее, да одинъ изъ работниковъ (я ему прежде сказалъ вырубить всю черемуху) безъ меня началъ рубить ее. Когда я пришелъ, уже онъ вру-

бился въ нее вершка на полтора, и сокъ такъ и хлопалъ подъ топоромъ, когда онъ попадалъ въ прежнюю тяжку. „Нечего дѣлать, видно, судьба“, подумалъ я, взялъ самъ топоръ и началъ рубить вмѣстѣ съ мужикомъ.

Всякую работу весело работать; весело и рубить. Весело нѣсколько глубоко всадить топоръ и потомъ напрямикъ подѣлать подкошенное, и дальше врубаться въ дерево. Я совсѣмъ забылъ о черемухѣ и только думалъ о томъ, какъ бы скорѣе свалить ее. Когда я запыхался, я положилъ топоръ, уперся съ мужикомъ въ дерево и попытался свалить его. Мы качнули: дерево задрожало листьями, и на насъ закапало съ него росой, и посыпались бѣлые душистые лепестки цвѣтовъ.

Въ то же время точно вскрикнуло что-то, — хрустнуло въ серединѣ дерева; мы налегли, и какъ будто заплакало, затрещало въ серединѣ, и дерево свалилось.

Оно раздралось у надруба и, покачиваясь, легло сучьями и цвѣтами на траву. Подрожали вѣтки и цвѣты послѣ паденія и остановились.

— Эхъ! штука-то важная! — сказали мужикъ. — Живо жалко!

А мнѣ такъ было жалко, что я поскорѣе отошелъ къ другимъ рабочимъ.

М о р е.

Далеко и широко раскинулось море; конца ему не видно. Никогда нѣтъ на морѣ покоя: оно вѣчно въ движеніи, вѣчно волнуется словно живетъ, словно дышитъ. Даже въ самые тихіе лѣтніе дни по морю идутъ мелкія волны. Длинными рядами набѣгаютъ онѣ на прибрежный песокъ и затихаютъ, словно ласкаясь, у берега. Синее небо отражается въ нихъ, и все море кажется тогда лазурнымъ.

Но вотъ набѣжала туча, поднялся вѣтеръ. Почернѣли волны, загнѣнились сѣдые гребни; одна волна догоняетъ другую; онѣ сходятся, сталкиваются. Со стономъ и шумомъ бѣгутъ огромные валы на берегъ и разбива-

ются о прибрежныя скалы. Страшно тогда становится на морѣ. Корабли кидаетъ волнами, какъ щепки. Много судовъ гибнетъ во время бури въ волнахъ широкаго моря. Но человѣкъ отваженъ, настойчивъ; его не можетъ остановить ни безбрежное море, ни страшныя бури, ни опасности. Съ давнихъ временъ научился онъ строить суда, корабли и смѣло пускался въ открытое море. Свѣжій попутный вѣтеръ надувалъ паруса и за-

МОРСКОЕ ДНО.

носили смѣльчаковъ въ чужія, часто невѣдомыя страны. Еще смѣлѣе сталъ человѣкъ, когда научился управлять паромъ, строить пароходы. На крѣпкихъ морскихъ пароходахъ онъ переплылъ океаны, открылъ самыя далекія страны, пробрался въ холодныя моря, въ царство снѣга и льда.

Издали море кажется безконечной водяной пустыней. Но это только такъ кажется. Море населено, море полно самой разнообразной жизни. Тутъ и морскія растенія — водоросли зеленныя, синія, красныя. Между ними снуютъ морскіе раки или крабы. На днѣ моря живутъ губки, кораллы, морскія лиліи. Эти животныя прикрѣ-

плены къ подводнымъ камнямъ, скаламъ, такъ что не могутъ передвигаться съ мѣста на мѣсто. Медленно ползаютъ по дну морскія звѣзды; лежатъ разноцвѣтныя раковины, въ которыхъ живутъ слизняки. У нѣкоторыхъ слизняковъ раковина бываетъ маленькая, легкая, совсѣмъ прозрачная. Поднимая ее вверхъ, они пользуются ею, какъ парусомъ, и плывутъ по вѣтру. Иныя морскія животныя свѣтятся въ темнотѣ, какъ ивановскій червячокъ. Тогда море кажется мѣстами бѣловато-огненнымъ; длинная сверкающая полоса тянется за парухомъ, за лодкой.

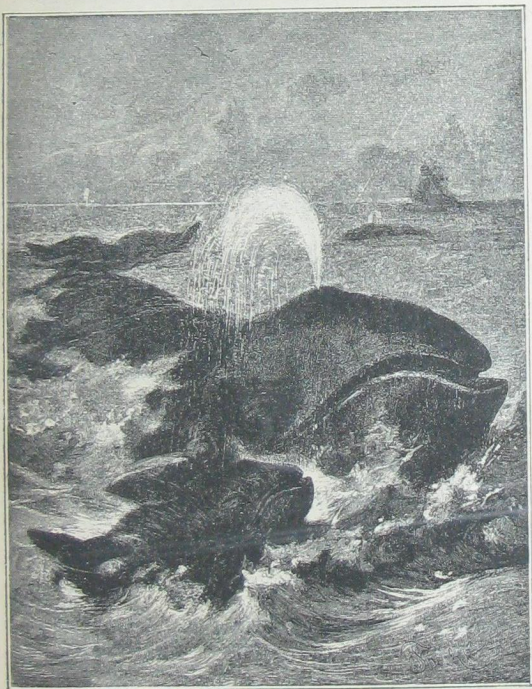

ЛЕТУЧІЯ РЫБЫ.

Мелкія морскія животныя плаваютъ въ морѣ огромными стаями. Они служатъ пищею рыбамъ и другимъ болѣе крупнымъ животнымъ. Морскія рыбы очень разнообразны. Онѣ бываютъ самой разной величины и цвѣта, различной формы: то плоскія, то круг-

лыя какъ шаръ. Однѣ рыбы держатся ближе къ поверхности моря. Другія, наоборотъ, живутъ на огромной глубинѣ въ нѣсколько верстъ; тамъ уже темно, туда не доходитъ яркій солнечный лучъ.

Въ моряхъ жаркихъ странъ водятся летучія рыбы. Онѣ не больше селедки. У нихъ очень большіе плавники, похожіе на вѣрѣ. Летучія рыбы плаваютъ стаями.

К И Т Ы.

За ними охотятся подъ водой разные морскіе хищники. Чтобы спастись отъ нихъ, летучія рыбы выскакиваютъ изъ воды. Ударами своихъ большихъ плавниковъ онѣ проносятся надъ водою 40—50 саженьей.

Водятся въ моряхъ и большія морскія животныя. Тюлени, моржи, дельфины, киты vyplываютъ на поверхность моря, подышать воздухомъ. Китъ — самое большое животное. Онъ бываетъ длиною до 16 сажень, а вѣсомъ иногда до 15 тысячъ пудовъ. Пасть у кита огромная, но глотка такъ узка, что онъ можетъ глотать только самыхъ мелкихъ морскихъ животныхъ и небольшую рыбу. Киты живутъ въ холодныхъ моряхъ цѣлыми стаями.

А к у л а.

(РАЗСКАЗЪ).

Нашъ корабль стоялъ на якорѣ у берега Африки. День былъ прекрасный; съ моря дулъ свѣжій вѣтеръ, но къ вечеру погода измѣнилась: стало душно, и, точно изъ топленной печки, несло на насъ горячимъ воздухомъ съ пустыни Сахары.

Передъ закатомъ солнца капитанъ вышелъ на палубу, крикнулъ:

— Купаться!

И въ одну минуту матросы попрыгали въ воду, спустили въ воду парусъ, привязали его и въ парусѣ устроили купальню.

На кораблѣ съ нами было два мальчика. Мальчики первые попрыгали въ воду, но имъ тѣсно было въ парусѣ, и они вздумали плавать на перегонки въ открытомъ морѣ.

Оба, какъ ящерицы, вытягивались въ водѣ и, что было силы, поплыли къ тому мѣсту, гдѣ былъ боченокъ надъ якоремъ.

Одинъ мальчикъ сначала перегналъ товарища, но потомъ сталъ отставать. Отецъ мальчика, старый артиллеристъ, стоялъ на палубѣ и любовался на своего сынишку. Когда сынъ сталъ отставать, отецъ крикнулъ ему:

— Не выдавай! понатужься!

Вдругъ съ палубы кто-то крикнулъ:

— Акула! — и всѣ мы увидали въ водѣ спину морского чудовища.

Акула плыла прямо на мальчиковъ.

— Назадъ! назадъ! вернитесь! акула! — закричалъ артиллеристъ.

Но ребята не слышали его, плыли дальше, смѣялись и кричали еще веселѣе и громче прежняго.

Артиллеристъ, блѣдный, какъ полотно, не шевелясь, смотрѣлъ на дѣтей.

Матросы спустили лодку, бросились въ нее и, сгибая весла, понеслись, что было силы, къ мальчикамъ; но они были еще далеко отъ нихъ, когда акула уже была не дальше 20-ти шаговъ.

Мальчики сначала не слышали того, что имъ кричали, и не видали акулы, но потомъ одинъ изъ нихъ оглянулся,

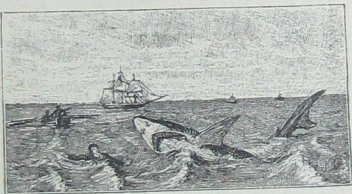
и мы всѣ услышали пронзительный визгъ, и мальчики поплыли въ разные стороны.

Визгъ этотъ какъ бы разбудилъ артиллериста. Онъ сорвался съ мѣста и побѣжалъ къ пушкамъ. Онъ перевернулъ хоботъ, прилегъ къ пушкѣ, прицѣлился и взялъ фитиль.

Мы всѣ, сколько насъ ни было на кораблѣ, замерли отъ страха и ждали, что будетъ.

Раздался выстрѣлъ, и мы увидали, что артиллеристъ упалъ подлѣ пушки и закрылъ лицо руками. Что сдѣлалось съ акулой и съ мальчиками, мы не видали, потому что на минуту дымъ застлалъ намъ глаза.

Но когда дымъ разошелся надъ водою, со всѣхъ сторонъ послышался сначала тихій ропотъ, потомъ ро-

А К У Л А.

потъ этотъ сталъ сильнѣе и, наконецъ, со всѣхъ сторонъ раздался громкій, радостный крикъ.

Старый артиллеристъ открылъ лицо, поднялся и посмотрѣлъ на море.

По волнамъ колыхалось желтое брюхо мертвой акулы. Въ нѣсколько минутъ лодка подплыла къ мальчикамъ и привезла ихъ на корабль.

Приморскіе жители.

Въ приморскихъ странахъ вся жизнь человѣка складывается не такъ, какъ у насъ, среди полей и степей, не такъ, какъ въ лѣсныхъ или горныхъ мѣстностяхъ. Море тамъ даетъ человѣку все — и необходимую пищу, и заработокъ. Человѣкъ привыкаетъ къ морю съ самаго ранняго дѣтства, какъ крестьяне привыкаютъ къ своей землѣ-кормилицѣ. Маленькія дѣти уже бѣгаютъ съ корзинами на морской берегъ собирать раковъ, рыбу, ракушекъ, выброшенныхъ волнами. Подрастетъ малышъ, онъ помогаетъ отцу въ рыбномъ промыслѣ, уѣзжаетъ съ нимъ далеко въ открытое море, иногда на нѣсколько недѣль. Когда настаетъ время рыбнаго лова, въ деревнѣ остаются только женщины и дѣти. Поэтому всѣ домашнія и полевыя работы исполняютъ въ приморскихъ странахъ женщины.

Весело возвращаются рыбаки домой съ богатымъ уловомъ. Рыба надолго даетъ запасъ пищи: ее вялятъ, коптятъ, солятъ и сушатъ. Лучшая рыба поступаетъ въ продажу. Рыбная ловля, особенно ловля сельдей и трески, составляетъ важный промыселъ. Во многихъ приморскихъ странахъ этимъ промысломъ заняты сотни и тысячи деревень. Множество рыбы вывозится въ другія страны. Копченныя и соленныя сельди, напримѣръ, расходятся по всему міру.

Но возвращеніе рыбаковъ не всегда бываетъ удачно. Плохо приходится рыбакамъ, застигнутымъ бурей въ открытомъ морѣ. Огромныя волны играютъ суденышкомъ, какъ щепкой. Много людей погибаетъ при этомъ въ бурномъ морѣ. Утихнеть буря; солнце опять ярко сіяетъ;

синее море опять гладко и спокойно. Но не вернуть оно погибшихъ жертвъ. Послѣ непогоды вся деревня съ тревогой сбѣгается встрѣчать возвращающихся съ ловли рыбаковъ. Въ каждой приморской деревушкѣ многіе не досчитываются своихъ братьевъ, мужей, сыновей, погибшихъ въ морѣ.

Зато народъ вырастаетъ въ приморскихъ странахъ ловкій, отважный, смѣлый. Съ дѣтства привыкають здѣсь люди смотрѣть смерти прямо въ глаза, бороться съ непокорными волнами. Молодые рыбаки часто поступаютъ въ матросы на корабли. Они уходятъ въ далекое плаваніе, совершая нерѣдко кругосвѣтныя путешествія.

Два богача.

Когда при мнѣ превозносятъ богача, который изъ громаднхъ своихъ доходовъ удѣляетъ цѣлыя тысячи на воспитаніе дѣтей, на лѣченіе больныхъ, на призрѣніе старыхъ, я хвалю и умиляюсь.

Но, и хвали и умиляясь, не могу я не вспомнить объ одномъ убогомъ крестьянскомъ семействѣ, принявшемъ сироту-племянницу въ свой разоренный домишко.

— Возьмемъ мы Катьку, — говорила баба, — послѣдніе наши гроши на нее пойдутъ, не на что будетъ соли добыть, похлебку посолить...

— А мы ее... и не соленую, — отвѣтилъ мужикъ, ея мужъ.

Далеко богачу до этого мужика!

Тургеневъ.

Пословицы.

Не тѣмъ богатъ, что есть, а тѣмъ богатъ, чѣмъ радъ.
Соболино одѣяльце въ ногахъ, да потонули подушки
въ слезахъ.

Лучше хлѣбъ съ водой, чѣмъ пироги съ бѣдой.

Всякій домъ хозяиномъ хорошъ.

На что и кладъ, коли въ семьѣ ладъ.

Зеркало и обезьяна.

Мартышка, въ зеркалѣ увидя образъ свой,
Тихохонько медвѣдя толкъ ногой:
„Смотри-ка, — говорить, — кумъ милый мой!
Что это тамъ за рожа?
Какіе у нея ужимки и прыжки!
Я удавилась бы съ тоски,
Когда бы на нее хоть чуть была похожа.
А вѣдь, признайся, есть
Изъ кумушекъ моихъ такихъ кривлякъ пять-шесть:
Я даже ихъ могу по пальцамъ перечесть“.
— Чѣмъ кумушекъ считать трудиться,
Не лучше ль на себя, кума, оборотиться? —
Ей Мишка отвѣчалъ;
Но Мишенькинъ совѣтъ лишь попусту пропаль.

Крыловъ.

Наша родина.

Мы живемъ въ Россіи. Далеко раскинулось русское государство; оно занимаетъ огромное пространство въ двухъ частяхъ свѣта: Европѣ и Азій. Поэтому различаютъ Европейскую Россію и Азіатскую. Азіатская Россія состоитъ изъ Сибири и Туркестана.

Европейская Россія тянется отъ самаго Сѣвернаго Ледовитаго океана до Чернаго моря и Кавказскихъ горъ. Отъ Азій она отдѣляется Уральскимъ хребтомъ и Каспійскимъ моремъ. Куда ни поѣдешь по Россіи, всюду равнина; только мѣстами попадаются гряды холмовъ. Но русская равнина не вездѣ одинакова. На сѣверѣ, у береговъ Ледовитаго океана, она низменна, болотиста. Это — тундра. Тамъ кочуютъ самоѣды со своими стадами дикихъ оленей. Южнѣе, гдѣ не такъ холодно, растутъ густые хвойные лѣса, населенные пушными звѣрями. Тутъ инородцы и русскіе промышляютъ охотой на бѣлку, лисицу, медвѣдя. Заниматься землепашествомъ здѣсь еще трудно: холодно, да и земля родить плохо. Чѣмъ даль-

ше къ югу, тѣмъ становится теплѣе. Начинаются поля и огороды. Сѣютъ рожь, ячмень, овесъ, ленъ, разводятъ картофель, капусту. Гдѣ есть рѣки, озера, тамъ жители занимаются рыбной ловлей. По берегамъ рѣкъ много заливныхъ луговъ; они даютъ хорошее сѣно. Но земледѣлемъ прокормиться здѣсь всѣмъ жителямъ трудно, и многіе идутъ на промыселъ въ большіе города, на фабрики и заводы. Къ югу, почти до самыхъ береговъ Чернаго моря лежатъ черноземныя поля; здѣсь хорошо родится пшеница, кукуруза, конопля, подсолнечникъ, табакъ.

Самая большая рѣка въ Россіи — Волга. Она протекаетъ 3400 верстъ и впадаетъ въ Каспійское море. Другія большія русскія рѣки: Днѣпръ, Донъ, Сѣверная Двина.

Въ Черное море вдается Крымскій полуостровъ. На немъ находятся довольно высокія горы. За горами тепло: тамъ зимы не бываетъ. Въ Крыму разводятъ много садовъ и виноградниковъ. Но гораздо выше горы на Кавказѣ. Въ Кавказскихъ горахъ много вершинъ, покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ. Склоны горъ поросли лѣсами, а внизу, въ долинахъ, жители занимаются земледѣлемъ, шелководствомъ, винодѣлемъ.

Россію населяетъ много разныхъ племенъ и народовъ. Главную часть населенія составляютъ русскіе; они дѣлятся на великоруссовъ, малоруссовъ и бѣлоруссовъ. Русскіе исповѣдуютъ православную религію. На западѣ Россіи живутъ поляки. Поляки — католики, но они такъ же, какъ и русскіе, славянскаго племени. По берегамъ Балтійскаго моря живутъ нѣмцы и финны, лютеране по вѣроисповѣданію; по Волгѣ и въ Крыму много татаръ; татары — магометане.

Главный городъ, столица Россіи — Петербургъ. Другіе большіе города: Москва, Кіевъ, Нижній-Новгородъ, Харьковъ, Одесса, Варшава, Рига.

М И Л О С Т Ы Н Я .

Мнѣ видится длинный рядъ бѣдныхъ избъ, до половины занесенныхъ снѣгомъ. По тропинкѣ съ трудомъ

пробирается мужичокъ въ заплатахъ. У него виситъ холстинковая сума чрезъ плечо, въ рукахъ длинный посохъ. Онъ подходитъ къ избѣ и колотитъ посохомъ, приговаривая: „Сотворите святую милостыню“. Одна изъ щелей, закрытыхъ крошечнымъ стекломъ, отодвигается, высовывается обнаженная загорѣлая рука съ краюхою хлѣба. „Прими Христа ради!“ говоритъ голосъ. Краюха падаетъ въ мѣшокъ, окошко захлопывается. Нищій, крестясь, идетъ къ слѣдующей избѣ: тотъ же стукъ, тѣ же слова, и такая же краюха падаетъ въ суму. И сколько бы ни прошло старцевъ, богомольцевъ, убогихъ, калѣкъ, передъ каждымъ отодвигается крошечное окно, каждый услышитъ: „прими Христа ради“, загорѣлая рука не устаетъ высовываться, краюха хлѣба неизбежно падаетъ въ каждую подставленную суму.

Гончаровъ.

Зимняя ночь въ деревнѣ.

Весело сияетъ
Мѣсяцъ надъ селомъ;
Бѣлый снѣгъ сверкаетъ
Синимъ огонькомъ.
Мѣсяца лучами
Божій храмъ облить;
Крестъ подъ облаками,
Какъ свѣча горитъ.
Пусто, одиноко
Сонное село;
Вьюгами глубоко
Избы занесло.
Тишина нѣмая
Въ улицахъ пустыхъ,
И не слышно лая
Псовъ сторожевыхъ.
Помоляся Богу,
Спитъ крестьянскій людъ,
Позабывъ тревогу
И тяжелый трудъ.
Лишь въ одной избушкѣ

Огонекъ горитъ:
Бѣдная старушка
Тамъ больна лежитъ;
Думаетъ - гадаетъ
Про своихъ сиротъ:
Кто ихъ приласкаетъ,
Какъ она умретъ!
Горемыки - дѣтки!
Долго-ль до бѣды!
Оба малолѣтки,
Разуму въ нихъ нѣтъ;
Какъ начнутъ шататься
По дворамъ чужимъ,
Мудрено ль связаться
Съ челоуѣкомъ злымъ?
А ужъ тутъ дорога
Не къ добру лежитъ:
Позабудутъ Бога,
Потеряютъ стыдъ.
Господи, помилуй
Горемыкъ-сиротъ,

Дай имъ разумъ, силу,	Ликъ святыхъ иконъ,
Будь Ты имъ оплотъ!..	И черты старушки,
И въ лампадкѣ мѣдной	Полныя заботъ,
Теплится огонь,	И въ углу избушки
Освѣщая блѣдно	Дреmlющихъ сиротъ.

Никитинъ.

К а р т о ф е л ь.

Картофель почти такъ же необходимъ намъ, какъ и хлѣбъ. И въ богатыхъ домахъ безъ него рѣдко обходятся, приготовляя обѣдъ, а у бѣдныхъ людей онъ составляетъ чуть ли не главную пищу. Картофель и вкусенъ, и сытенъ, и дешевъ; ѣдятъ его и варенымъ, и печенымъ, и жаренымъ. Между тѣмъ, было время, когда люди не хотѣли употреблять его въ пищу, называли „чоровымъ яблокомъ“ и боялись сажать его на своихъ поляхъ.

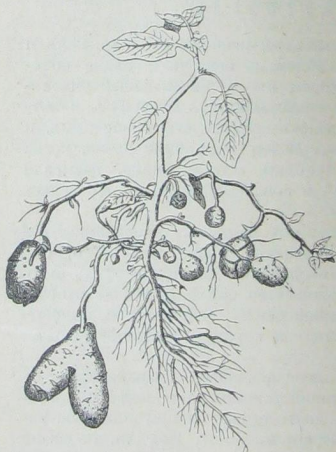
Картофель вывезенъ изъ Америки. Американцы нащли его въ дикомъ состоянн. Узнавъ вкусъ его, они начали сѣять его на огородахъ. Дикій картофель былъ мелокъ, не больше волошскаго орѣха. Когда же его стали сажать на вспаханной землѣ, окапывать и выпалывать, то картофель сталъ и крупнѣе, и вкуснѣе; урожай его стали большіе.

Англичане первые изъ европейцевъ познакомились съ этимъ полезнымъ и неприхотливымъ растеніемъ. Они перевозили картофель въ свою страну и приучили свой народъ къ употребленію его въ пищу. Изъ Англіи разведеніе картофеля перешло къ французамъ и нѣмцамъ, а отъ нихъ и къ намъ.

Но употребленіе картофеля распространялось не легко. Сначала никто не хотѣлъ даже вѣрить, что картофель можно ѣсть. Одни боялись отравиться, другіе считали грѣхомъ даже прикасаться къ этому страшному заморскому плоду — „чорову яблоку“. Напрасно ученые старались убѣдить народъ въ томъ, что картофель — дешевая и вкусная пища; напрасно доказывали, что небольшой клочокъ земли въ нѣсколько сажень, засѣянный

картофелемъ, можетъ, въ случаѣ неурожая хлѣба, прокормить цѣлую семью и спасти ее отъ голодной смерти. Народъ предпочиталъ голодать, но не хотѣлъ ни разводить картофеля, ни ѣсть того, который раздавали ему даромъ. И только очень медленно люди стали привыкать къ картофелю.

Разсказываютъ, что во Франціи одинъ ученый при-

КАРТОФЕЛЬНЫЕ КЛУБНИ.

думалъ слѣдующій способъ, чтобы ознакомить народъ съ употребленіемъ картофеля. Видя, что ни слова его, ни книжки, которыя печатавъ онъ о пользѣ картофеля, не помогаютъ, онъ засадил картофелемъ небольшой участокъ земли, огородилъ его и поставилъ сторожей. Сторожа въ отданъ былъ строгій приказъ хорошо смотрѣть за огородомъ, потому что на немъ посаженъ овощъ для королевскаго стола. Сторожа не прочь были отвѣ-

дать королевскаго блюда; имъ разрѣшено было употреблять картофель для себя, но никому не давать его. Какъ только стало извѣстно объ этомъ, многимъ захотѣлось узнать, какой вкусъ имѣетъ этотъ запрещенный плодъ. Когда пришло время убирать картофель, на работу явилось много охотниковъ. И, конечно, не малое количество картофеля было унесено ими тайкомъ и посажено на своихъ огородахъ.

Въ Россіи картофель появился при императрицѣ Екатеринѣ Великой, больше ста лѣтъ тому назадъ. Картофель купили у нѣмцевъ и раздавали народу даромъ съ наставленіемъ, какъ его сажать, какъ ухаживать за нимъ и какъ употреблять въ пищу. Но еще долго крестьяне неохотно занимались разведеніемъ картофеля и опасались употреблять его въ пищу.

Картофель растетъ небольшимъ кустикомъ. На верхушкахъ стебля сидятъ на длинныхъ ножкахъ пучки цвѣтовъ бѣлаго или блѣдно-лиловаго цвѣта съ желтой выпуклой серединкой. Когда цвѣты отцвѣтутъ, остается завязь, которая вырастаетъ въ плоды — зеленые яблочки величиною съ крупный лѣсной орѣхъ, съ сѣмечками внутри. Но не эти плоды употребляютъ въ пищу и не эти сѣмена сѣютъ. Самое яблочко имѣетъ противный вяжущій вкусъ. Яблочкамъ обыкновенно не даютъ расти: верхушки стеблей скашиваютъ во время цвѣтенія или вскорѣ послѣ него; отъ этого подземныя части стебля разрастаются сильнѣе, и урожай картофеля бываетъ лучше.

Картофель пускаетъ стебли не только вверхъ, но и внизъ, въ землю. На этихъ подземныхъ стебляхъ появляются мясистые клубни; они и идутъ въ пищу.

Каждая картофелина имѣетъ по нѣскольку маленькихъ углубленій, въ которыхъ сидятъ небольшіе узелки — глазки, какъ ихъ называютъ. Эти глазки то же, что почки на деревьяхъ: въ нихъ находится зародышъ новаго растенія. При посадкѣ картофелину разрѣзываютъ на куски такъ, чтобы въ каждомъ кускѣ былъ такой глазокъ. Впрочемъ, часто картофель сажаютъ цѣлымъ, выбирая самый мелкій. Мякоть картофелины служитъ пищею молодому ростку, пока онъ еще не укоренился.

Много картофеля идетъ на водочные заводы для добыванія спирта. Изъ картофеля готовятъ еще крахмалъ.

В о р о б е й.

Я возвращался съ охоты и шелъ по аллеѣ сада. Собака бѣжала впереди меня.

Вдругъ она уменьшила свои шаги и начала красться, какъ бы зачюявъ передъ собою дичь.

Я глянулъ вдоль аллеи и увидалъ молодого воробья съ желтизной около клюва и пухомъ на головѣ. Онъ упалъ изъ гнѣзда (вѣтеръ сильно качалъ березы аллеи) и сидѣлъ неподвижно, безпомощно растопыривъ едва прораствовавшія крылышки.

Моя собака медленно приближалась къ нему, какъ вдругъ, сорвавшись съ близкаго дерева, старый черногрудый воробей камнемъ упалъ передъ самой ея мордой—и весь взъерошенный, искаженный, съ отчаяннымъ и жалкимъ пискомъ прыгнулъ раза два въ направленіи зубастой, раскрытой пасти.

Онъ кинулся спасать, онъ заслонилъ собою свое дѣтище... но все его маленькое тѣло трепетало отъ ужаса, голосокъ одичалъ и охрипъ, онъ замиралъ, онъ жертвовалъ собою!

Какимъ громаднымъ чудовищемъ должна была ему казаться собака! И все-таки онъ не могъ усидѣть на своей высокой, безопасной вѣткѣ... Сила, сильнѣе его воли, сбросила его оттуда.

Мой Трезоръ остановился, попятился... Видно, и онъ призналъ эту силу.

Я поспѣшилъ отозвать смущеннаго пса—и удалился, благоговѣя.

Да; не смѣйтесь. Я благоговѣлъ передъ той маленькой, героической птицей, передъ любовнымъ ея порывомъ.

Любовь, думалъ я, сильнѣе смерти и страха смерти. Только ею, только любовью, держится и движется жизнь.

Тургеневъ.

Лисица и виноградъ.

Голодная кума-лиса залѣзла въ садъ;

Въ немъ винограду кисти рдѣлись.

У кумушки глаза и зубы разгорѣлись;
А кисти сочныя, какъ яхонты, горять;
Лишь то бѣда—висять онѣ высоко:
Отколь и какъ она къ нимъ не зайдетъ,
Хоть видить око,
Да зубъ нейметъ.
Пробившись попусту часъ цѣлый,
Пошла и говорить съ досадою: „Ну, что жъ?
На взгляды-то онѣ хорошъ,
Да зеленъ—ягодки нѣтъ зрѣлой:
Тотчасъ оскомину набьешь“.

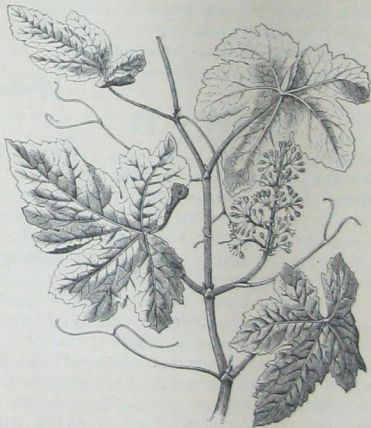
Крыловъ.

Виноградъ.

Виноградъ—вьющееся растеніе съ крупными, вырѣзанными листьями. Онѣ цвѣтеть кистями мелкихъ зеленоватыхъ цвѣтовъ. Плоды его представляютъ грозди сочныхъ ягодъ съ жесткими сѣменами внутри. Ягоды винограда круглыя или продолговатыя. Онѣ бываютъ различной величины и цвѣта. У однихъ сортовъ онѣ зеленыя, желтыя, розоватыя; у другихъ темно-синія, почти черныя. На гибкомъ стволѣ винограда противъ листьевъ сидятъ усы, какъ у гороха, только длиннѣе и гораздо крѣпче. Этими усами виноградъ цѣпляется за другіе предметы и поднимается по нимъ вверхъ. Стволъ стараго растенія бываетъ очень высокъ и можетъ достигнуть полуаршина толщины. Въ лѣсахъ Кавказа, гдѣ виноградъ растетъ въ дикомъ состояніи, онъ обвиваетъ деревья до самой вершины; оттуда онъ свѣшивается до земли свои гибкія вѣтви или перекидываетъ ихъ на другія деревья.

Виноградъ растетъ въ странахъ, гдѣ лѣто жаркое, а зимой не бываетъ сильныхъ холодовъ. Онъ особенно боится позднихъ весеннихъ морозовъ, которые легко убиваютъ его цвѣтъ и молодые побѣги. Поэтому у насъ, въ Россіи, виноградъ разводятъ только на югѣ: главнымъ образомъ на Кавказѣ, въ Крыму, Бессарабіи, въ землѣ Войска Донского и Туркестанѣ. Виноградъ попадаетъ и сѣвернѣе, напримѣръ, около Кіева и Харькова; но здѣсь онъ растетъ плохо, и его мало воздѣлываютъ.

Виноградъ любить расти по склонамъ горъ и холмовъ, на каменистой почвѣ. Его разводятъ черенками. Срѣзанныя вѣтки втыкають въ глубоко вскопанную землю; онѣ пускають ростки; вырастаетъ молодая лоза, которая приноситъ плоды на четвертый или пятый годъ. Въ виноградникахъ растенія подрѣзываютъ ниже человѣческаго роста. Плоды поспѣваютъ поздно осенью.

ВИНОГРАДНАЯ ЛОЗА.

Изъ собранныхъ ягодъ выжимають сокъ особой машиной—прессомъ. Изъ сока дѣлають вино, которое сохраняють въ особыхъ подвалахъ въ бочкахъ. Приготовленіе хорошаго вина требуетъ большого искусства. За границей его дѣлають лучше, чѣмъ у насъ. На Кавказѣ во многихъ мѣстахъ до сихъ поръ сокъ изъ ягодъ выжимають голыми ногами. Вино тамъ сохраняють въ огромныхъ глиняныхъ кувшинахъ, врытыхъ въ землю, или въ большихъ кожаныхъ мѣшкахъ. Часто можно встрѣтить

по дорогѣ пару буйволовъ, которые медленно везутъ такой мѣшокъ. Это цѣлая шкура буйвола вмѣстѣ съ ногами, торчащими вверхъ. Налитая виномъ, она вся колышется и дрожитъ. Такой мѣшокъ называется бурдюкомъ. Вино принимаетъ въ немъ очень непріятный вкусъ, но кавказскіе жители къ нему привыкли.

Птичка.

Для чего, пѣвунья-птичка,
Птичка рѣзвая моя,
Ты такъ рано прилетѣла
Въ наши дальніе края?
Заслонили солнце тучи,
Небо все заволокли;
И тростникъ сухой и жел-
тый

Клонить вѣтеръ до земли.
Вотъ и дождикъ, посмотри-
ка,

Хлынулъ, словно изъ ведра;
Скучно, холодно, какъ будто
Не весенняя пора!

Не для солнца, не для неба
Прилетѣла я сюда;
Въ камышахъ сухихъ и
желтыхъ

Не совою себѣ гнѣзда.
Я совою его подъ кровлей
Горемыки-бѣдняка;

Богомъ я ему въ отраду
Послана издалека.

Въ часъ, какъ онъ, вер-
нувшись съ поля
Въ хату ветхую свою,
Ляжетъ, грустный, на со-
лому,

Пѣсню я ему спою.
Для него я эту пѣсню
Принесла изъ-за морей;
Никогда ее не пѣла
Для счастливыхъ я людей.

Въ ней повѣдаю я много
Про иной, чудесный свѣтъ,
Гдѣ ни бѣдныхъ, ни бо-
гатыхъ,

Ни нужды, ни горя нѣтъ.
Эта пѣсня примиренье
Въ грудь усталую прольетъ,
И съ надеждою на Бога
Бѣдный труженикъ заснетъ.

Плещеевъ.

Пословицы.

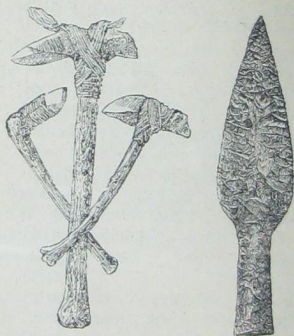
Птицѣ крылья, человѣку разумъ.
Мягко стелеть, да жестко спать.
Всѣмъ угодливъ, такъ никому не пригодливъ.
На языкѣ медъ, а на сердцѣ ледъ.
Чужую бѣду руками разведу, а къ своей ума не приложу.
Свинья въ золотомъ ошейникѣ—все свинья.

Орудія и оружіе изъ камня.

Въ далекія прежнія времена люди жили на землѣ не такъ, какъ теперь. Въ настоящее время мы такъ привыкли ко многимъ удобствамъ, что и не замѣчаемъ ихъ. Мы живемъ въ деревянныхъ и каменныхъ домахъ; умѣемъ употреблять огонь, готовить различные предметы изъ металловъ, машины, ткани для одежды и многое другое. Но не то было прежде, въ отдаленныя, древнія времена. Человѣкъ жилъ тогда хуже, чѣмъ теперь жи-

вуть самые дикіе народы. Много времени и труда понадобилось людямъ, чтобы улучшить свою жизнь, сдѣлать полезныя изобрѣтенія.

Было время, когда человѣкъ не умѣлъ пользоваться огнемъ, когда у него не было оружія, не было одежды, не было постоянного жилища. Конечно, человѣкъ могъ жить тогда только въ теплыхъ стра-

КРЕМНЕВЫЯ ОРУДІЯ.

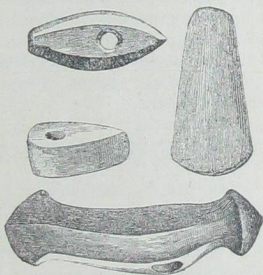
нахъ. Отъ жары и ненастья прятался онъ въ лѣсу, въ пещерахъ; отъ нападенія дикихъ звѣрей спасался на деревьяхъ. Питался человѣкъ тогда тѣмъ, что находить кругомъ себя, что доставляла ему сама природа: собиралъ плоды, орѣхи, ягоды, зерна; вырывалъ корни растений; находилъ дикій медъ, птичьи яйца; ѣлъ червей, слизняковъ, насѣкомыхъ, даже пауковъ и муравьевъ.

Въ лѣсахъ было много дичи; человѣкъ мало-по-малу научился подстерегать и убивать ее острыми камнями

или дубиной. Зубами и ногтями онъ сдиралъ кожу съ птицы, змѣи или ящерицы. Для болѣе крупнаго звѣря человѣкъ искалъ острый камень, раковину или обломокъ кости: ими удобнѣе было надрѣзать, содрать, скоблить шкуру. Острымъ концомъ можно было продѣлать въ шкурѣ дыру и сдѣлать себѣ одежду. Такъ человѣкъ привыкалъ все болѣе пользоваться острымъ камнемъ.

Потомъ понемногу человѣкъ самъ научился оттачивать камень ударами его о другой. Удобнѣе было употреблять кремь, который легко можно заострить, отбивая маленькіе кусочки. Съ острымъ камнемъ и дубиной легче стало защищаться и отъ дикаго звѣря, и отъ нападенія чужого человѣка; легче было добывать себѣ пищу.

Мало-по-малу человѣкъ научался все лучше пользоваться камнемъ. Сталъ привязывать его крѣпкими звѣриными жилами къ палкѣ. Такъ

шлифованныя каменные орудія.

получился каменный топоръ, молотокъ. Потомъ человѣкъ изобрѣлъ пращу для метанія камня, лукъ и стрѣлу съ острымъ наконечникомъ изъ камня, зуба или кости, мечъ и копье. Теперь при раскопкахъ часто находятъ въ землѣ грубыя кремневыя орудія: каменные топоры, молотки, скребки, каменные и костяные наконечники копій, стрѣлы.

Растирая зерна между двумя камнями, человѣкъ замѣтилъ, что камень становится гладкимъ, обтачивается, полируется. Мало-по-малу онъ научился шлифовать камень. Тогда человѣкъ сталъ употреблять уже не кремь, а другой болѣе мягкій камень. Онъ научился просверливать въ немъ дыру рыбьей костью или деревянной палочкой; для этого онъ быстро вращалъ ею съ водою и

пескомъ. Насаживая камень на рукоятку, человѣкъ научился дѣлать каменный топоръ и оружіе. Хорошо отточеннымъ каменнымъ топоромъ можно уже было сваливать большія деревья, выдалбливать лодки, строить жилище. Въ разныхъ странахъ въ землѣ находятъ очень много такихъ каменныхъ искусно отшлифованныхъ орудій. У насъ, въ Россіи, ихъ часто находятъ вмѣстѣ съ костями человѣка, при раскопкахъ кургановъ, или древнихъ могилъ.

То далекое время, когда человѣкъ не зналъ еще употребленія металловъ и пользовался каменными орудіями и оружіемъ, называется каменнымъ вѣкомъ. Но послѣ того, какъ люди научились пользоваться металлами, они долго еще продолжали употреблять болѣе дешевыя каменные орудія. Многие дикари употребляютъ ихъ еще и въ настоящее время.

Клубы для рабочихъ дѣвушекъ въ Англіи.

Вечеръ. На фабрикахъ кончились дневныя работы. Масса работницъ-дѣвушекъ, усталыхъ отъ тяжелой однообразной работы, выходитъ изъ фабрики. Послѣ трудового дня имъ хотѣлось бы отдохнуть, развлечься, услышать музыку, пѣніе, прочесть книгу. Трудно все это найти дома, гдѣ холодно, бѣдно, гдѣ часто еле хватаетъ хлѣба на семью. Бѣдной рабочей дѣвушкѣ некуда итти. И вотъ въ Англіи, въ большихъ фабричныхъ городахъ, стали устраивать клубы для фабричныхъ работницъ. Клубъ обыкновенно занимаетъ нѣсколько комнатъ. Въ одной комнатѣ помѣщается библіотека и читальня; въ другой развѣшены картины и карты; въ третьей играютъ на роялѣ, читаютъ громко стихи или какое-нибудь сочиненіе. Здѣсь же, въ сосѣднихъ комнатахъ, кто хочетъ, учится грамотѣ или наукамъ. Дешевая простая кухня отпускаетъ тутъ же очень дешевый ужинъ. Такъ, въ занятіяхъ или просто развлеченіяхъ и отдыхѣ, проходитъ вечеръ для бѣдныхъ работницъ. На слѣдующее утро имъ опять надо итти въ душную фабрику, опять слышать однообразный, оглушительный шумъ колесъ.

Съ каждымъ годомъ число работницъ, посѣщающихъ

эти клубы, все увеличивается. Дѣлами клуба завѣдуютъ особыя общества; они большею частью состоятъ изъ молодыхъ образованныхъ дѣвушекъ. Молодые дѣвушки стараются какъ можно лучше вести дѣло: вѣдь при тяжелой и скучной жизни работницъ клубы съ ихъ уютными комнатами и интересными занятіями — самое лучшее и пріятное украшеніе ихъ жизни.

П ъ с н я.

Безъ ума, безъ разума
Меня замужъ выдали,
Золотой вѣкъ дѣвичій
Силой укоротали.
Для того ли молодость
Соблюдали, нѣжили,
За стекломъ, отъ солнышка,
Красоту лелѣли,
Чтобъ я вѣкъ свой замужемъ
Горевала, плакала,

Безъ любви, безъ радости
Сокрушалась, мучилась?
Говорятъ родимые:
Поживется — слюбится;
И по сердцу выберешь —
Да горчѣ придется.
Хорошо, состарѣвшись,
Разсуждать, совѣтовать
И съ собою молодость
Безъ расчета сравнивать!

Кольцовъ.

Огонь и приготовленіе пищи.

При раскопкахъ вмѣстѣ съ каменными орудіями и костями нерѣдко находятъ палки, заостренныя при помощи огня, слѣды очага, угли, золу. Значить, человѣкъ умѣлъ уже въ то время пользоваться огнемъ, поддерживать костеръ. Но было, вѣроятно, время, когда человѣкъ не зналъ употребленія огня, какъ не знали его нѣкоторые дикари еще недавно. Человѣкъ видѣлъ иногда дерево, зажженное грозою, огнедышащую гору, но, какъ ребенокъ, боялся огня и не умѣлъ имъ пользоваться. Однако, мало-по-малу человѣкъ привыкалъ къ огню, освоился съ нимъ, научился самъ поддерживать его. Около огня можно было согрѣться въ холодную ночь. Стало безопаснѣе отъ дикихъ звѣрей: они боятся огня и не рѣшаются тогда нападать на человѣка.

Не легко было человѣку поддерживать огонь. Надо было постоянно подкладывать въ костеръ топливо; уходя на другое мѣсто, переносить съ собою кусокъ горящаго

дерева или тлѣющаго угля. Но понемногу человѣкъ научился и самъ добывать огонь. Для этого онъ бралъ два куска сухого дерева и пучокъ сухой травы и начиналъ быстро тереть куски, пока не загоралось дерево, а съ нимъ и сухая трава. Былъ и другой способъ добывать огонь: брали деревянную палочку и быстро буравили ею кусокъ дерева до тѣхъ поръ, пока онъ не загорался отъ тренія. Въ землѣ сохранилось много остатковъ такихъ орудій для добыванія огня. Многіе дикари и до сихъ поръ добываютъ огонь такимъ образомъ.

Съ употребленіемъ огня жизнь человѣка очень измѣнилась. Женщины стали больше оставаться на мѣстѣ, чтобы поддерживать огонь. Мужчины, ведя попрежнему бродячую жизнь, начали возвращаться на ночь къ своему огню, искать пріюта у очага. Прежде человѣкъ питался сырыми плодами, сырымъ мясомъ. Теперь онъ сталъ мало-по-малу пользоваться огнемъ, чтобы высушивать, жарить и вялить свою пищу. Для этого употребляли горячую золу, раскаляли камни, и на нихъ пекли зрѣлыя зерна и другую пищу. Иногда насаживали кусокъ мяса на палку и такъ жарили его на вертелѣ, какъ это дѣлаютъ и теперь многія дикія племена.

глиняная посуда со
слѣдами плетеньи.

Растирая на камнѣ зерна и прибавляя воды, человѣкъ научился дѣлать лепешки и печь ихъ. Но онъ долго еще не умѣлъ кипятить воду и варить пищу; для этого надо было изобрѣсти посуду.

Первой посудой служили человѣку раковины, скорлупа кокосоваго орѣха, тыква. Воду держали въ шкурахъ маленькихъ четвероногихъ животныхъ. Понемногу человѣкъ научился готовить плетеную посуду, корзины изъ разныхъ растений и волоконъ деревьевъ; сталъ обмазывать ихъ смолою и глиною, чтобы можно было наливать въ нихъ воду. Когда такую посуду ставили на огонь, глина твердѣла, а плетенка сгорала. Такъ полу-

чилась первая глиняная посуда. Много обломковъ такой посуды находить теперь въ землѣ. На ней иногда ясно видны отпечатки сгорѣвшей плетенки. Потомъ уже чело-вѣкъ научился дѣлать глиняную посуду безъ плетенки; сталъ украшать ее точками, кружками и другими рисунками, выдавливая ихъ ногтемъ или палочкою. Въ глиняной посудѣ можно было уже варить пищу на огнѣ. Приготовленіемъ пищи стали заниматься женщины, которыя все больше привыкали оставаться дома, у очага. Мужчины приносили добычу съ охоты, женщины приготавливали ее, дѣлали запасы изъ мяса, собирали зерна, перетирали ихъ на камняхъ въ муку и пекли лепешки. Пища чело-вѣка стала вкуснѣе и разнообразнѣе. Запасы избавили его отъ голоданія при неудачной охотѣ.

Человѣкъ подѣ землей.

Купецъ договорилъ плотниковъ перемѣнить срубъ въ его колодцѣ. Плотники принялись за работу; сначала выбрали изъ колодца воду, осушили дно колодца, а потомъ принялись за передѣлку сруба. Работа мало-по-малу подвигалась впередъ, но въ часъ пополудни срубъ вдругъ обрушился, и рыхлая песчаная земля осыпалась въ яму колодца, заваливъ его сажени на четыре. Всѣ ахнули: на днѣ колодца засыпало землю одного изъ рабочихъ, Моисея Иванова. Пошла сѣматуха, толки, споры; явилась полиція и требовала, чтобы Моисей Ивановъ былъ отрытъ изъ-подѣ земли. Но товарищи Иванова заявили, что теперь работать опасно и что они за это дѣло никакъ не возьмутся. Одинъ изъ нихъ даже замѣтилъ, что „вѣрно, ужъ судьба его такова, что тутъ ему въ могилу лечь пришлось: его не отрывать, а отпѣвать приходится“. Но купецъ, мучимый какимъ-то предчувствіемъ, началъ приискивать рабочихъ для отрытія трупа; нанята была другая артель изъ 20-ти чело-вѣкъ, которая усердно принялась за выборку земли. Черезъ полтора дня работы, когда уже болѣе половины земли было снято, одинъ изъ рабочихъ услышалъ какой-то глухой подземный стукъ, и когда онъ обратилъ

на это вниманіе своихъ товарищей, тѣ тоже его слышали. Сейчасъ дали знать купцу, который, желая удостовѣриться, не засыпанный ли Ивановъ стучить, предложилъ ему вопросъ:

— Моисей, если ты живъ, стукни 5 разъ.

Моисей стучить 5 разъ.

— Стукни 3 раза.

Моисей стучить 3 раза.

Дали знать въ полицію, и, послѣ усиленныхъ трудовъ, Моисей Ивановъ былъ открытъ изъ колодца. Онъ находился въ колодцѣ засыпаннымъ съ часу дня 19-го апрѣля до 2¹/₂ часовъ 23-го. Оказалось, что доски сруба зацѣпились одна за другую и образовали родъ свода, подъ которымъ Ивановъ могъ сидѣть и лежать. Вотъ что онъ рассказывалъ послѣ: „Сначала меня ударило по головѣ и по ногѣ; я упалъ и думалъ, что уже умеръ; но потомъ очнулся и думаю: никакъ я живъ? Ощупалъ вокругъ себя — и вправду живъ; я давай кричать — да точно у меня голоса нѣтъ — и самому едва слышно; а что наверху говорятъ, я хоть плохо, да слышу. Очень мнѣ больно стало, когда товарищъ мой, Ѳедоръ, сказалъ, что тутъ моя могила, отпѣть меня тутъ хотѣлъ. Первый день я про ѣду точно забылъ, вѣрно отъ страха, а на другой день крѣпко ѣсть хотѣлось; подъ конецъ я уже не знаю — не то хотѣлось ѣсть, не то нѣтъ. Я ничего не чувствовалъ, только ужъ очень скучно было сидѣть тамъ одному, да все вѣтеръ дулъ откуда-то (вѣроятно, вѣтеръ былъ отъ сосѣдства водяныхъ ключей). Дни я распознавалъ потому, что ночью очень тихо, а днемъ шумъ. Первую ночь я не спалъ, вторую и третью спать — не знаю сколько. Сначала я думалъ, что тамъ моя смерть будетъ, но когда начали отрывать меня, стало веселѣе и не такъ страшно“...

Теперь Моисей совершенно здоровъ и опять роетъ колодцы.

* * *

Какъ и шли-прошли солдаты молодые,
Да за ними идутъ матушки родныя,

Во слезахъ пути-дороженьки не видятъ.
Какъ возговорятъ солдаты молодые:
Охъ вы, матушки родныя, да родныя,
Не наполнить вамъ синя моря слезами,
Не исходить-то вамъ сырой земли за нами.

Одежда и жилище.

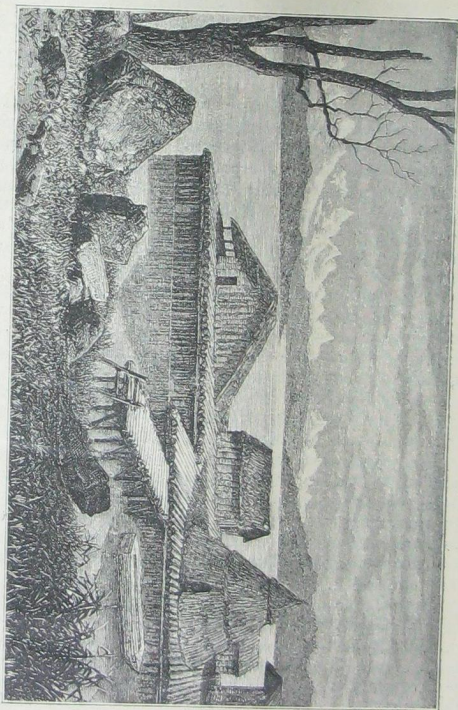
Еще и въ настоящее время дикари жаркихъ странъ часто не носятъ никакой одежды. Они только украшаютъ свое тѣло, раскрашивая его въ разные цвѣта и наворачивая на себя красивые камушки, раковины, перья и другіе яркіе и блестящіе предметы. Такъ было и въ прежнее время. Но когда люди начали селиться въ болѣе холодныхъ странахъ, имъ пришлось позаботиться объ одеждѣ. Они стали пользоваться шкурами убитыхъ животныхъ, сшивая ихъ жилами и полосками кожи. Такъ и теперь шьютъ себѣ одежду дикари холодныхъ странъ. Въмѣсто иглы употребляли острия рыбы кости и зубы. Остатки такихъ костяныхъ иглъ, даже съ продѣланными въ нихъ ушками, часто находятъ въ землѣ вмѣстѣ съ каменными орудіями.

Въ непогоду человѣку приходилось прежде искать себѣ убѣжище гдѣ-нибудь подъ густымъ деревомъ, подъ выступомъ скалы или въ пещерѣ. Вотъ почему въ пещерахъ часто находятъ остатки отъ прежней жизни человека: кремневые орудія и оружіе, кости человека и животныхъ. Передъ входомъ въ пещеру попадаютъ камни, изъ которыхъ былъ сложенъ очагъ, остатки угля, золы. Все это показываетъ, что въ этихъ пещерахъ жили люди каменнаго вѣка.

Кромѣ природныхъ пещеръ, которыя удавалось находить человѣку, онъ и самъ мало-по-малу научился устраивать себѣ защиту отъ вѣтра и непогоды, особенно стараясь охранить очагъ, поддержать огонь. Иногда человѣкъ вырывалъ для этого въ холмахъ ямы съ ходомъ. Въ такую выкопанную пещеру можно было пролѣзть черезъ особый ходъ. Часто онъ втыкалъ въ землю колья, вѣтки, связывая ихъ наверху, а съ одной стороны оста-

влялъ входъ въ шалашъ. Шалашъ покрывался звѣриными шкурами. Такъ произошли шатры, палатки. Многія ко-

СВАДЬНЫЯ ПОСТРОЙКИ.

чевыя племена и теперь еще живутъ въ такихъ жилищахъ. Иногда боковыя стѣны шалаша заплетали хво-

ростомъ. Такой шалашъ покрывали корою деревьевъ или обмазывали глиной. Въмѣсто круглыхъ шалашей со временемъ стали устраивать четырехугольные съ балками, на которыхъ держится крыша. Такъ понемногу возникли самыя разнообразныя человѣческія жилища.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ для защиты отъ звѣрей люди придумали устраивать жилище надъ водою. Для этого на озерѣ вбивали въ дно высокія сваи; на нихъ настилали помость и строили тамъ свои хижины, обмазывая ихъ часто глиною. Помость соединялся съ берегомъ узкимъ мосткомъ. На многихъ озерахъ сохранились остатки такихъ свайныхъ жилищъ. Въ нихъ находятъ вмѣстѣ съ каменными шлифованными орудіями и костями животныхъ зерна пшеницы и ячменя, много черепковъ глиняной посуды и даже куски грубой ткани изъ льна и соломы.

Въ тѣхъ странахъ, гдѣ было много камня, человѣкъ научился возводить каменные постройки, прилаживая большіе камни одинъ на другой. Нѣкоторые народы достигли въ этомъ большого искусства. Отъ нихъ сохранились до нашихъ временъ огромныя каменные постройки.

Наконецъ, люди постепенно научились дѣлать изъ глины и песку кирпичи, обжигать ихъ и строить изъ нихъ свои дома, соединяя камни и кирпичъ известью.

Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ было много лѣсу, человѣкъ научился строить жилище изъ дерева.

Корнелія, мать братьевъ Граковъ.

Корнелія была женой знаменитаго человѣка Тиверія Гракха, который всю свою жизнь работалъ на пользу бѣдныхъ: защищалъ ихъ отъ насилія, помогаль во всѣхъ горестяхъ. По смерти мужа Корнелія осталась одна съ тремя дѣтьми; она горячо любила ихъ, и ея самымъ сильнымъ желаніемъ было сдѣлать ихъ похожими на отца. Дѣти были для нея единственною радостью жизни и гордостью; она воспитывала ихъ въ любви къ бѣднымъ и обиженнымъ. Пришла разъ въ гости къ ней

одна изъ ея пріятельницъ и просила показать ей самыя лучшія драгоценности. Корнелія провела подругу черезъ свои комнаты и, войдя въ уютную маленькую комнатку, остановилась передъ опущенной занавѣской. „Вотъ всѣ мои драгоценности!“ произнесла она, указывая по направлению къ занавѣскѣ. Удивленная пріятельница приподняла занавѣску и увидѣла въ кроваткѣ спящихъ дѣтей Корнеліи. Сыновья ея выросли и оправдали надежды матери; они доставили ей высшую радость, возмужную на землѣ: бѣдные, униженные рабы горячо благословляли въ своихъ мрачныхъ лачугахъ мать, воспитавшую такихъ людей, которые всю свою жизнь положили на защиту обиженныхъ и обездоленныхъ.

Прохожіе и собаки.

Шли два пріятеля вечернею порой
И дѣльный разговоръ вели между собой;
Какъ вдругъ изъ подворотни
Дворняжка тивкнула на нихъ,
За ней другая, тамъ еще двѣ-три, и вмигъ
Со всѣхъ дворовъ собакъ сбѣжалось съ полсотни.
Одинъ было уже прохожій камень взялъ.
„И, полно, братецъ!—тутъ другой ему сказалъ. —
Собакъ ты не уймешь отъ лаю,
Лишь пуще всю раздразишь стаю;
Пойдемъ впередъ: я ихъ натуру лучше знаю.“
И подлинно, прошли шаговъ десятковъ пять,
Собаки начали помалу затихать,
И стало, наконецъ, совсѣмъ ихъ не слышать.

Завистники, на что ни взглянуть,
Подымутъ вѣчно лай,
А ты себѣ своей дорогою ступай:
Полають да отстанутъ.

Крыловъ.

Земледѣліе и прирученіе домашнихъ животныхъ.

Въ жаркихъ странахъ у человѣка не было сначала недостатка ни въ растеніяхъ, ни въ животныхъ для пи-

щи. Богатая природа давала ему тамъ все необходимое въ изобиліи. Но понемногу люди стали разселяться въ другія страны. Тамъ было уже необходимо дѣлать запасы пищи, чтобы не умереть съ голоду. Собирая сѣмена и корни растений, человѣкъ замѣчалъ, что если уронить ихъ и оставить въ землѣ, то они начнутъ расти. Узнавъ это, человѣкъ сталъ самъ разводить растенія. Онъ начинаетъ расчищать небольшіе клочки земли, собирать и сѣять сѣмена: кукурузу, рисъ и другія хлѣбныя растенія. Для того, чтобы разрыхлить землю и сажать корни или зерна, стали употреблять тѣ же заостренныя палки, которыми вырывали корни. Потомъ, для удобства, къ палкѣ придумали прикрѣплять плоскія кости, камни; получилось орудіе въ родѣ лопаты или заступа. Начали дѣлать колѣ съ заостреннымъ сучкомъ, т.-е. деревянную мотыку. Множество такихъ простыхъ земледѣльческихъ орудій находятъ въ землѣ.

Земледѣліемъ занимались сначала женщины. Въ то время, какъ мужчины ходили на охоту, на рыбную ловлю, женщины вскапывали небольшіе клочки земли, сажали и сѣяли разныя сѣдобныя растенія. Такъ дѣлается до сихъ поръ у нѣкоторыхъ дикихъ племенъ. Но понемногу земледѣліе все болѣе развивалось; имъ стали заниматься и мужчины. Деревянную мотыку начали дѣлать больше, тяжелѣе. Люди сами волочили ее по землѣ, пропахивая борозду. Потомъ для этого стали употреблять животныхъ, напр., пару воловъ. Орудіе становилось все тяжелѣе. Къ нему придѣлали дышло, рукоятку для пахаря — получился плугъ и соха.

Сначала человѣкъ только охотился за животными. Лишь спустя много времени, онъ мало-по-малу приручилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Раньше всего удалось человѣку приручить и сдѣлать домашнимъ животнымъ собаку. Собака неприхотлива въ пищѣ, ее легко было прокормить всякими остатками. Она привязалась къ человѣку, сдѣлалась его товарищемъ на охотѣ, защищала его жилище отъ нападенія другихъ звѣрей. Кости собаки во множествѣ находятся вмѣстѣ съ костями человѣка очень далекихъ временъ. Собакъ часто употребляли

тогда въ пищу, какъ и теперь это дѣлають многіе дикари. Часто находятъ также вмѣстѣ съ каменными орудіями кости свиньи и козы. Свинья, какъ и собака, неразборчива въ пищѣ; ее легко было приручить и прокормить, а потомъ постепенно сдѣлать домашнимъ животнымъ. Понемногу приручилась и коза. Люди привыкли употреблять въ пищу не только мясо козы, но и козье молоко. Мало-по-малу человѣкъ приручилъ и сталъ разводить и другихъ болѣе крупныхъ домашнихъ животныхъ, рогатый скотъ, лошадей, ословъ, въ жаркихъ странахъ — верблюдовъ, слоновъ, а въ холодныхъ — сѣвернаго оленя.

Чѣмъ больше домашнихъ животныхъ разводилъ человѣкъ, тѣмъ легче и удобнѣе становилась его жизнь. Мясо и молоко животныхъ онъ употреблялъ въ пищу. Шкуры служили ему защитой отъ холода. Изъ шерсти онъ научился прясть нитки и готовить теплыя ткани. Имѣя постоянно запасы пищи, человѣкъ пересталъ бродить по лѣсамъ за добычей. Онъ сталъ переходить съ мѣста на мѣсто за своими стадами, разыскивая для нихъ лучшія пастбища. Человѣкъ, какъ говорятъ, перемѣнилъ бродячій образъ жизни на кочевой. И теперь еще самоѣды кочуютъ со своими стадами сѣверныхъ оленей, монголы съ табунами лошадей.

Въ мѣстахъ, удобныхъ для хлѣбопашества, люди стали жить осѣдло, занимаясь земледѣліемъ. Про такіе народы говорятъ, что они ведутъ осѣдлый образъ жизни.

Бабушка и внучекъ.

Подъ окномъ чулокъ ста-	Молча, къ стѣнкѣ присло-
рушка	нился;
Вяжетъ въ комнаткѣ уют-	На лицѣ его забота,
ной	Взглядъ на что-то устре-
И въ очки свои большіе	мился.
Смотрить въ уголъ поми-	— Что сидишь все дома,
нутно.	внучекъ?
А въ углу кудрявый маль-	Шелъ бы въ садъ, копать
чикъ,	бы грядку,

Или кликнуть бы сестренку,
Поигралъ бы съ ней въ
лошадки.

Кабы силы да здоровье,
И сама бы съ вами, дѣтки,
Побрела я на лужайку;
Дни такіе стали рѣдки:

Ужъ трава желтѣетъ въ
полѣ,
Листья падаютъ сухіе;
Скоро птички-щебетуны
Улетятъ въ края чужіе!

Присмирѣлъ ты что-то,
Ваня,
Все стоишь, сложивши руч-
ки;

Посмотри, свѣтитъ, какъ
солнце:

Ни одной на небѣ тучки!
Что за тишь! не клонить
вѣтеръ

Ни былинки, ни цвѣточка.
Не дождешься ты такого
Благодатнаго денечка!

Подошелъ къ старушкѣ
внучекъ

И головкою курчавой
Къ ней припалъ; глаза
большіе

На нее глядятъ лукаво...

— Знать, гостинца за-
хотѣлось?

Винныхъ ягодъ, винограда?
Ну, поди, возьми въ комодѣ.
„Нѣтъ, гостинца мнѣ не на-
до!“

— Ужъ чего-нибудь да
хочешь...

Или, можетъ, напраказилъ?

Можетъ, самъ, когда спала я,
Ты въ комодъ безъ спросу
лазилъ?

Можетъ, вытащилъ за-
кладку

Ты изъ святцевъ для по-
тѣхи?

Ну, постой же... За про-
казы

Будетъ внучку на орѣхи!

„Нѣтъ! въ комодѣ я
твой не лазилъ;

Не таскалъ твоей закладки“.

— Такъ, пожалуй, не за-
дулъ ли

Передъ образомъ лампадки?

„Нѣтъ, бабуся, не ша-
лилъ я;

А вчера, меня цѣлуя,

Ты сказала: „Будешь ум-
никъ —

Все тогда тебѣ куплю я...“

— Ишь вѣдь память-то
какая!

Что жъ купить тебѣ? ло-
шадку?

Оловянную посуду

Или грабли да лопатку?

„Нѣтъ! Ужъ ты мнѣ по-
купала

И лошадку, и посуду.

Сумку мнѣ купи, бабуся,

Въ школу съ ней ходить
я буду.“

— Ай-да Ваня! Хочетъ
въ школу

За букварь да за указку.

Гдѣ тебѣ! Садись-ка лучше

Разскажу тебѣ я сказку...

„Ужъ и такъ мнѣ ска-
зокъ много
Ты, бабуся, говорила;
Если знаешь, Расскажи мнѣ
Лучше то, что вправду было.
Шелъ вчера я мимо шко-
лы,

Сколько тамъ дѣтей, родная!
Какъ рассказывалъ учитель,
Долго слушалъ у окна я.

Слушалъ я— какія земли
Есть за дальними морями,
Города, лѣса какіе
Съ злыми, страшными звѣ-
рями.

Онъ рассказывалъ: гдѣ
жарко,
Гдѣ всегда стоятъ морозы;
Отчего дожди, туманы,
Отчего бываютъ грозы...

И еще—какъ люди жили
Прежде насъ, и чѣмъ пита-
лись;

Какъ они не знали Бога,
И болванамъ поклонялись.
Рисовали тоже дѣти;

Много я глядѣлъ тетрадокъ,
Кто глаза, кто носъ выво-
дитъ,

А кто домикъ да лошадокъ.

А какъ кончилось ученье,
Стали хоромъ пѣть. Въ окош-
ко

И меня втащилъ учитель,
Говорить: „Пой съ нами,
крошка,

Да проси, чтобъ присы-
лали

Въ школу къ намъ тебя
родные;

Всѣ вы скажете спасибо
Ей, какъ будете большіе“.

Отпусти меня! Бабуся
Я за это расцѣлю;

И какихъ тебѣ картинокъ
Распрекрасныхъ нарисую!“

И впились въ лицо ста-
рушки

Глазки бойкіе ребенка,
И морщинистую шею
Обвила его ручонка.

На глазахъ старушки
слезы:

— Это Божіе внушенье!

Будь по-твоему, голубчикъ;
Знаю я, что свѣтъ — ученье.

Бѣгай въ школу, Ваня;
только

Спеси тамъ не набирайся;
Какъ обучишься наукамъ,
Темнымъ людомъ не гну-
шайся!“ —

Чуть со стула рѣзвый
мальчикъ

Не стащилъ ея. Пустился
Вонъ изъ комнаты, и мигомъ
Ужъ въ саду онъ очутился.

И ужъ русая головка
Въ темной зелени мелька-
етъ...

А старушка то смѣется,
То слезинку утираетъ.

Плещевъ.

Пословицы.

Правда свѣтлѣ солнца, дороже золота.

Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ.

Не все ненастье, проглянетъ и красно солнышко.

Ласковое слово, что весенній день.

Слово не воробей, вылетитъ — не поймаешь.

Употребленіе металловъ. Начало торговли.

Разыскивая камни для приготовленія своихъ орудій, люди случайно находили и металлы. Одинъ изъ первыхъ металловъ, который узналъ человѣкъ, была мѣдь. Куски ея не трудно было найти между камнями въ горахъ и на берегу озеръ. Ударяя по куску мѣди каменнымъ молотомъ, человѣкъ замѣтилъ, что мѣдь мягче камня, не раскалывается, какъ камень. Она куется, т. е. принимаетъ, отъ удара другую форму, такъ что легче выковыривать орудіе изъ мѣди, чѣмъ дѣлать его изъ камня.

Человѣкъ легко замѣтилъ еще, что мѣдь отъ огня плавится. Расплавлявая мѣдь съ другими металлами, онъ научился готовить бронзу, т. е. сплавлять мѣдь съ оловомъ. Замѣтивъ, что бронза гораздо тверже мѣди, люди начали готовить изъ нея такія же орудія и оружіе, какія раньше умѣли дѣлать изъ камня. Такъ стали отливать бронзовые топоры, мечи, копья и многіе другіе предметы. Но бронза была рѣдкостью и цѣнилась дорого. Изъ нея сначала дѣлали только цѣнное оружіе. Долгое время продолжали еще употреблять вмѣстѣ съ бронзовыми болѣе дешевыя каменные орудія.

То время, когда люди научились уже употреблять бронзу, называется бронзовымъ вѣкомъ. Много остатковъ бронзоваго вѣка находятъ теперь въ землѣ. Напримѣръ, у насъ, въ Россіи, при раскопкахъ кургановъ, или древнихъ могилъ, вмѣстѣ съ каменными орудіями и оружіемъ находятъ бронзовыя. Желѣзо человѣкъ научился ковать гораздо позднѣе, потому что обработка его труднѣе. Драгоценныя металлы, золото и серебро, были извѣстны человѣку уже очень давно. Ихъ употребляли на украшенія. Украшенія эти надѣвали на шею въ видѣ оже-

релья, на руки и на ноги въ видѣ браслетовъ; дѣлали кольца, которыя протыкали въ носъ, губы, уши.

Уже въ глубокой древности люди стали мѣняться между собою различными предметами и произведеніями своей страны. Народы, переходя съ мѣста на мѣсто, переносили произведенія одной мѣстности въ другую, мѣняли ихъ. Такимъ образомъ, они дѣлались народами торговыми. Но торговля велась только мѣновая: предметы обмѣнивали одинъ на другой, а не покупали за деньги. Одинъ народъ, напримѣръ, занимался земледѣліемъ; у него было мало скота и много хлѣба; у другого хлѣба мало, но зато большія стада. Тогда скотъ промѣнивали на хлѣбъ. Въ древности скотъ сталъ служить какъ бы деньгами. Стали говорить, напримѣръ, что такая-то вещь стоитъ 10 воловъ и т. под.

Каждому неудобно было переѣзжать изъ одной страны въ другую мѣнять свои произведенія. Появились купцы, которые тѣмъ только и занимались, что перевозили товары изъ одной страны въ другую и вымѣнивали ихъ. Купцамъ всѣ были рады, ихъ принимали съ почетомъ и охраняли, чтобы кто-нибудь не обидѣлъ, не ограбилъ ихъ. У насъ, на Руси, купцы въ старину даже назывались гостями.

Возить съ собою постоянно всѣ товары и мѣнять ихъ было неудобно. Для мѣны надо было выбрать такой товаръ, который всѣ брали бы охотно, который не портился бы. Во многихъ странахъ стали употреблять для этого раковины, звѣриныя шкурки, мѣха. Часто употребляли куски золота и серебра; потомъ уже стали изъ золота и серебра чеканить монету опредѣленнаго вѣса. Такъ произошли деньги, на которыя и до сихъ поръ мѣняютъ товары по всему свѣту.

П о р у к а.

Лѣтъ за 400 до Рождества Христова, въ итальянскомъ городѣ Сиракузахъ, жилъ грозный правитель Діонисій. Своей жестокостью и несправедливостью онъ такъ возстановилъ всѣхъ жителей противъ себя, что сталъ

подозрѣвать каждаго въ желаніи убить его. Однажды Діонисій велѣлъ схватить грека Мироса, котораго заподозрилъ въ зломъ умыслѣ противъ себя. Діонисій велѣлъ привести Мироса къ себѣ и сказалъ ему съ гнѣвомъ:

— Мнѣ донесли, будто ты поносишь меня и замышлялъ противъ меня худое.

— Нѣтъ, — сказалъ Мирось, — я ничего худого противъ тебя не замышлялъ, а только называлъ тебя жестокосердымъ.

— Негодай, — закричалъ правитель, — за одно это ты будешь распятъ на крестѣ! (Казнь на крестѣ была самая позорная и страшная).

— Смерти я не боюсь, — сказалъ Мирось, — и не стану просить пощады; но дай мнѣ только три дня сроку — проститься съ семьею. Порукой же въ томъ, что я вернусь, останется мой другъ.

Правитель подумалъ и сказалъ съ усмѣшкой:

— Даю тебѣ три дня сроку, но если ровно черезъ три дня ты не явишься въ Сиракузы, предамъ друга твоего на муки. Если же придется казнить твоего заложника, такъ его казнь, можетъ-быть, искупить твою вину.

И подумалъ Діонисій: „Не вернется больше Мирось; пусть же народъ узнаетъ, какой онъ обманщикъ и предатель!“

Мирось пришелъ къ другу своему, рассказалъ ему разговоръ съ Діонисіемъ и просилъ его пребыть три дня въ заключеніи.

Вѣрный другъ съ радостью согласился, обнять Мироса на прощанье и далъ отвести себя въ темницу и заковать въ оковы.

Мирось поспѣшно оставилъ Сиракузы и прибылъ въ селеніе, гдѣ жили его мать и сестра. Горько заплакали онѣ, бѣдныя, узнавъ объ его судьбѣ. Всѣми силами онѣ старались удержать его подольше при себѣ; наконецъ, Мирось вырвался отъ нихъ и пустился въ путь.

Страшно спѣшили онѣ. Вдругъ поднялась буря, завывъ вѣтеръ, разразилась гроза, зашумѣлъ ливень; съ горъ въ долины помчались потоки; ручьи переполнились и широко разлились.

На пути передъ Миросомъ синѣеть рѣка. Онъ подходитъ къ мосту. Рѣка вздулась, страшныя волны перекатываются черезъ мостъ; и не успѣлъ еще Мирось вступить на мостъ, какъ онъ обрушился въ воду. Напрасно Мирось метался взадъ и впередъ по берегу и всматривался вдаль, напрасно звалъ онъ на помощь. Нигдѣ не виднѣлось ни одного челнока, нигдѣ не мелькалъ ни одинъ парусъ. И остановился Мирось, подавленный горемъ.

А рѣка разливалась все шире и шире и бушевала, какъ море. Время бѣжить; солнце уже давно зашло за полдень. Если къ закату не поспѣетъ Мирось въ Сиракузы, его другъ погибнетъ.

Въ отчаяніи кинулся Мирось въ бушующую рѣку и сталъ разбивать волны могучей рукой. И вотъ онъ достигъ берега.

Весь мокрый, пускается онъ бѣжать. Буря стихла, тучи разошлись, солнце палитъ жгучимъ зноемъ, воздухъ невыносимо душенъ, нигдѣ нѣтъ тѣни, и несчастный обезсилѣлъ, со стономъ упалъ на землю.

Вдругъ онъ слышитъ журчанье ручья. Мирось подползаетъ къ холму и видитъ бьющій изъ него серебристый родникъ. Жадно припадаетъ къ холодной водѣ и освѣжаетъ истомленное тѣло. Онъ спѣшитъ дальше. А отъ деревьевъ уже ложатся длинныя тѣни.

Навстрѣчу Миросу попадаютъ два путника, идущіе изъ города. И слышитъ онъ, одинъ изъ нихъ говоритъ другому: „А теперь ужъ, вѣрно, его повели распинать“.

Ужасъ охватилъ Миросу, и онъ побѣжалъ.

Вотъ ужъ видитъ онъ вершины городскихъ башенъ въ золотѣ заходящаго солнца.

Навстрѣчу Миросу бѣжитъ управляющій его домомъ; вѣрный слуга издала своего господина.

— Назадъ! — закричалъ онъ Миросу. — Ты ужъ опоздалъ! Думай теперь о своемъ спасеніи. Другъ твой ужъ преданъ на муки. Съ часу на часъ ждалъ онъ тебя. Надъ нимъ смѣялись, ему говорили, что ты обманщикъ и предатель, но онъ никому не вѣрилъ.

И сказалъ съ горестью Мирось:

— Ну, такъ если мое возвращеніе ужъ не спасетъ моего друга, такъ я раздѣлю съ нимъ горькую участь, чтобъ не посмѣлъ правитель сказать, что я предатель. Пусть узнаетъ онъ, какъ друзья умѣютъ любить и вѣрить другъ другу!

Солнце уже сѣло, когда Мирось достигъ городекихъ воротъ. Издали завидѣлъ онъ крестъ на площади и любопытный народъ, волновавшійся кругомъ. И вотъ, видитъ онъ, какъ поднимаютъ его друга на крестъ.

Мирось раздвигаетъ толпу и кричитъ:

— Палачъ, останови казнь: я тотъ самый, за кого онъ поручился!

Вздригнувъ народъ и притихъ. Сами палачи приостановили казнь. Друзья кинулись другъ другу въ объятья. Стремглавъ, со всѣхъ ногъ кто-то изъ толпы побѣжалъ къ Діонисію съ вѣстью о случившемся.

Смягчилось черствое сердце грознаго правителя, и велѣлъ онъ привести къ себѣ осужденныхъ.

Когда привели къ Діонисію Миросу и его друга, онъ посмотрѣлъ на нихъ и сказалъ:

— Вы побѣдили мое сердце! Вижу, что дружба — не сказка.

Весна

Весна! Выставляется первая рама —

И въ комнату шумъ ворвался,

И благовѣсть ближняго храма,

И говоръ народа, и стукъ колеса.

Мнѣ въ душу повѣяло жизнью и волей:

Вонъ — даль голубая видна...

И хочется въ поле, въ широкое поле,

Гдѣ, шествуя, сыплеть цвѣтами весна!

Майковъ.

Какъ люди ѣздятъ по землѣ.

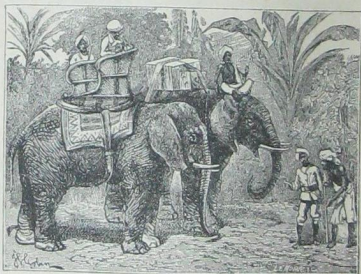
Съ давнихъ поръ человѣкъ сталъ пользоваться для ѣзды домашними животными. Въ жаркихъ странахъ онъ приручилъ и началъ употреблять для этого слона. На спину слона ставятъ цѣлую палатку, въ которую садятся

люди. Вожакъ помѣщается на шеѣ и управляетъ слономъ, постукивая молоткомъ по его головѣ. По раскаленной песчаной пустынѣ человѣкъ путешествуетъ на верблюдѣ. Цѣлые караваны тяжело навьюченныхъ верблюдовъ переносятъ товары изъ одной страны въ другую.

Въ холодныхъ странахъ, гдѣ почти круглый годъ зима, и земля покрыта глубокимъ снѣгомъ, человѣкъ пользуется для ѣзды быстрымъ сѣвернымъ оленемъ. Олень легко бѣгаетъ по снѣгу, не проваливаясь. Еще дальше на сѣверъ, гдѣ еще холоднѣе, въ легкія саночки запрягаютъ собакъ.

Онѣ быстро мчатся по самому рыхлому снѣгу.

У насъ, въ умѣренныхъ странахъ, для ѣзды употребляютъ лошадей. Для перевозки кладей запрягаютъ сильныхъ воловъ. Въ болѣе теплыхъ

слоны.

мѣстностяхъ, гдѣ не бываетъ холодной зимы, пользуются ослиами. Ослы очень сильны и выносливы.

Гораздо быстрѣе человѣкъ передвигается при помощи пара по желѣзнымъ дорогамъ. Лѣтъ 100 тому назадъ не было еще ни одной желѣзной дороги. Никто и не думалъ, что можно такъ быстро ѣздить. Теперь желѣзныхъ дорогъ строится все больше и больше. По нимъ перевозятъ множество товаровъ. Люди быстро переѣзжаютъ изъ города въ городъ, изъ одной страны въ другую. Поездъ можетъ пройти въ часъ 60—70 и даже до 100 верстъ; на самыхъ же хорошихъ лошадяхъ не сдѣлаешь больше 15—20 верстъ въ часъ. Прежде, напримеръ, для того, чтобы проѣхать изъ Москвы въ Петер-

бургъ, надо было употребить недѣлю и даже больше. Теперь, если сѣсть на поѣздъ въ Москвѣ вечеромъ, то на другое утро уже будешь въ Петербургѣ.

Н и щ і й.

Я проходилъ по улицѣ... меня остановилъ нищій, дряхлый старикъ.

Воспаленные, слезливые глаза, посинѣлыя губы, шершавые лохмотья, нечистыя раны. О, какъ безобразно обглодала бѣдность это несчастное существо!

Онъ протягивалъ мнѣ красную, опухшую, грязную руку... Онъ стоналъ, онъ мычалъ о помощи.

Я сталъ шарить у себя во всѣхъ карманахъ... Ни кошелька, ни часовъ, ни даже платка. Я ничего не взялъ съ собою.

А нищій все ждалъ... и протянутая его рука слабо колыхалась и вздрагивала.

Потерянный, смущенный, я крѣпко пожалъ эту грязную, трепетную руку...

— Не взыщи, братъ; нѣтъ у меня ничего, братъ.

Нищій уставилъ на меня свои воспаленные глаза; его синія губы усмѣхнулись, и онъ, въ свою очередь, стиснулъ мои похолодѣвшіе пальцы.

— Что же, братъ, — прошепталъ онъ, — и на томъ спасибо. Это то же подаяніе, братъ.

Я понялъ, что и я получилъ подаяніе отъ моего брата.

Тургеневъ.

Трудолюбивый медвѣдь.

Увидя, что мужикъ, трудяся надъ дугами,

Ихъ прибыльно сбываетъ съ рукъ,

(А дуги гнуть съ терпѣньемъ и не вдругъ),

Медвѣдь задумалъ жить такими же трудами.

Пошелъ по лѣсу трескъ и стукъ,

И слышно за версту проказу;

Орѣшника, березника и вязу

Мой Мишка погубилъ несмѣтное число,

А не дается ремесло.

Вотъ идетъ къ мужику онъ попросить совѣта
И говорить: „Сосѣдъ, что за причина эта?

Деревья-таки я ломать могу,

А не согнуть ни одного въ дугу.

Скажи, въ чемъ есть тутъ главное умѣнье?“

„Въ томъ, — отвѣчалъ сосѣдъ, —

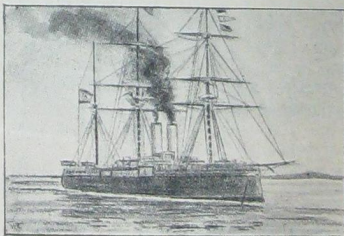
Чего въ тебѣ, кумъ, вовсе нѣтъ:

Въ терпѣньѣ“.

Крыловъ.

Какъ люди научились ѣздить по водѣ.

Съ давнихъ поръ человѣкъ, живя близко у воды, научился держаться на водѣ, плавать. Многіе дикари чрезвычайно искусны въ плаваніи; умѣютъ долго держаться на поверхности, очень ловко ныряють. Часто при этомъ берутъ кусокъ дерева и держатся за него. Еще и въ настоящее время дикари подплываютъ иногда

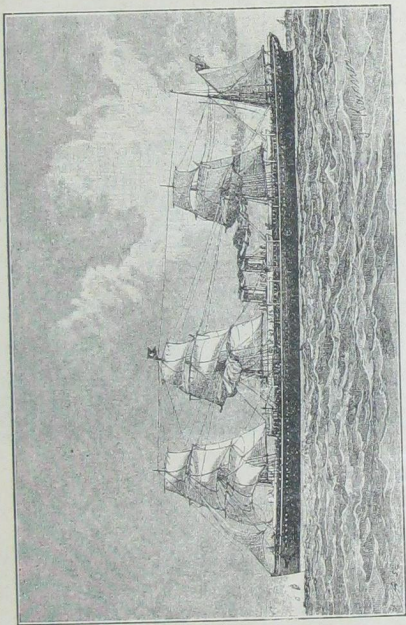

ПАРОВОДЪ.

къ кораблямъ, сидя верхомъ на балкахъ и гребя руками; концы балокъ для удобства заостряють. Такъ, вѣроятно, и въ прежнее время, пользуясь для переправы бревномъ, люди понемногу припили къ мысли дѣлать лодки.

Нелегко было сдѣлать лодку въ то время, когда у человѣка не было другихъ орудій, кромѣ каменнаго топора. Сваливъ стволъ, годный для лодки, его съ одной стороны обжигали. Обугленное дерево выскребали каменными топорами и острыми раковинами, пока не получалось достаточное углубленіе. Лодки выходили довольно тяжелыя и грубыя, но онѣ все-таки могли держаться на водѣ. Скоро люди научились готовить и болѣе лег-

кіе челноки изъ коры деревьевъ, скрѣпляя ее съ концовъ лыкомъ. Иногда челнъ для крѣпости обтягивался буйволовою кожей, въ холодныхъ странахъ — тюленевой.

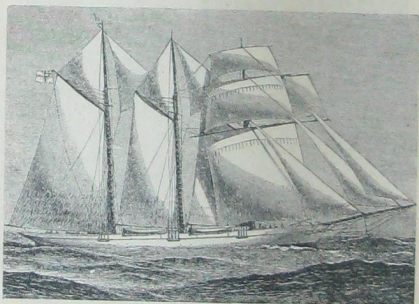
ОБЕАНСКІЙ ПАРУХОДЪ.

Вмѣсто рукъ чловѣкъ придумалъ грести лопатками; изъ нихъ образовалось потомъ весло.

Люди замѣтили, что вѣтеръ, раздувая рогожу или кусокъ какой-нибудь ткани, заставляетъ лодку двигаться быстро. Они научились устраивать парусъ и стали та-

кимъ образомъ, пользоваться силою вѣтра. Мало-по-малу люди начали строить большіе корабли съ парусами. Но долго еще люди не рѣшались отплывать далеко въ открытое море, боясь потерять дорогу.

Сначала люди опредѣляли путь днемъ по солнцу, а ночью по звѣздамъ. Это было не всегда удобно: въ непогоду или туманъ легко было сбиться съ пути. Много времени прошло, пока изобрѣтенъ былъ компасъ. Стрѣлка компаса всегда показываетъ однимъ концомъ на сѣ-

ПАРУСНЫЙ КОРАБЛЬ.

веръ, другимъ на югъ. Съ компасомъ человекъ сталъ уже смѣло пускаться въ далекія плаванія.

Въ наше время, кромѣ самыхъ разнообразныхъ лодокъ и парусныхъ судовъ, человекъ имѣетъ пароходы. На лодкѣ человекъ передвигается, работая самъ; на парусныхъ судахъ ему помогаетъ въ работѣ вѣтеръ; на пароходѣ онъ заставилъ вмѣсто себя работать паръ. Паръ приводитъ въ движеніе большія и очень сложныя машины, которыя двигаютъ пароходъ.

Пароходы изобрѣтены всего лѣтъ сто тому назадъ. Съ тѣхъ поръ человекъ получилъ возможность быстро и удобно передвигаться по водѣ. Еще не такъ давно по

рѣкамъ и озерамъ тяжело нагруженныя барки тянулись бурлаками, иногда лошадьми. Теперь вездѣ снуютъ пароходы, перевоза и тяжелые грузы, и пассажировъ.

Въ приморскихъ странахъ изъ большихъ гаваней отправляются громадныя пароходы въ нѣсколько этажей, переплывающіе широкіе безбрежныя океаны.

ПѢСНЯ ПТИЧКИ.

Въ тѣсной, крѣпкой тюрьмѣ большого венгерскаго города сидѣлъ блѣдный заключенный. Злые люди заковали его въ цѣпи и бросили въ тюрьму.

Въ тюрьмѣ было сыро, темно и холодно. Вмѣсто постели ему бросили мокрую солому. Ему носили только хлѣбъ и воду. Онъ сидѣлъ тамъ много лѣтъ — блѣдный, больной, грустный. Солнце рѣдко свѣтило въ его узкое окошко; свѣжій воздухъ не проходилъ въ тюрьму. Печально думалъ онъ о своихъ милыхъ родныхъ, о маленькихъ дѣтяхъ своихъ; думалъ, что, можетъ-быть, давно уже всѣ забыли его, считая умершимъ. Что-то дѣлается на землѣ, на родинѣ?

Онъ подошелъ къ окну. Былъ чудный лѣтній вечеръ. Солнце садилось за лѣсомъ, освѣщая красноватымъ свѣтомъ его вершины; люди шли и ѣхали по улицамъ. Тюрьма была высоко, и люди казались внизу маленькими. Онъ закричалъ имъ, но никто его не услышалъ. Въ синемъ небѣ летали птицы. Передъ окномъ тихо пролеталъ орелъ.

— Орелъ, орелъ, — закричалъ ему заключенный, — сядь ко мнѣ на окошко, Расскажи, что дѣлается на землѣ, пропой мнѣ пѣсню!

— Нѣтъ, — отвѣчалъ орелъ, — окно твое очень мало, мнѣ негдѣ сѣсть. Я не расскажу тебѣ, что дѣлается на землѣ, потому что рѣдко спускаюсь на землю. Я вью гнѣздо свое на высочайшихъ скалахъ и старыхъ дубахъ, подальше отъ злыхъ людей, чтобы они не разорили моего гнѣзда. Я не спою тебѣ пѣсни, потому что никогда не пою на землѣ. Я поднимаюсь высоко-высоко, и мои пѣсни слышитъ только вѣчное солнце.

И могучими взмахами широких крыльев орелъ гордо поднялся къ небу и скрылся изъ глазъ.

— Лебедь, лебедь, Расскажи, что дѣлается на землѣ; пропой мнѣ пѣсню!

— Нѣтъ, — отвѣчалъ лебедь, — я не расскажу тебѣ, что дѣлается на землѣ. Я плаваю всегда на водѣ, — чистой, прозрачной водѣ, между зелеными камышами. Когда вода утромъ, на зарѣ, покроеется розовымъ блескомъ, я громко кричу зарѣ: здравствуй! Я не спою тебѣ пѣсни, я спою пѣсню, когда стану умирать... И лебедь поплылъ по воздуху, блистая бѣлыми крыльями.

— Воробушки, воробушки, сядьте на окошко; расскажите, что дѣлается на землѣ; спойте пѣсенку!

— Чиликъ, чиликъ!.. Намъ некогда! Намъ еще нужно поклевать зернышекъ, которыя нечаянно рассыпалъ мельникъ...

Но вдругъ вспорхнула сѣренькая птичка, повертѣлась передъ окномъ и сѣла на желѣзную рѣшетку.

— Здравствуй, соловушка! Спасибо тебѣ, милая птичка, что навѣстила меня. Расскажи, что дѣлается на землѣ; спой мнѣ пѣсенку.

— Я расскажу тебѣ, что дѣлается на землѣ; я спою тебѣ пѣсенку, — началъ соловушка.

И полились такіе звуки, что бѣдный заключенный заплакалъ отъ радости, упалъ на солому и все плакать, и все слушалъ.

— Вчера утромъ, на зарѣ, — пѣлъ соловушка, — было такъ свѣтло и прохладно! Я прилетѣлъ къ твоему домику, сѣлъ на зеленый орѣховый кустъ, передъ открытымъ окошкомъ, и все пѣлъ и пѣлъ. Въ колыбелькѣ былъ твой малютка; онъ раскрылъ большіе свѣтлые глазки и спрашивалъ: „Гдѣ папа? гдѣ папа?“ и слушалъ мои пѣсни...

„Твои родные плачутъ, вспоминая о тебѣ. Они тебя любятъ, очень любятъ, очень хотятъ тебя увидѣть. Не унывай! Богъ видитъ, какъ ты невиненъ; злые люди выпустятъ тебя, и ты опять выйдешь на волю, на свѣтъ, на свѣжій воздухъ!“

„Дѣти твои будутъ тебя ласкать и цѣловать. Бу-

детъ тихій лѣтній вечеръ, длинныя тѣни потянутся отъ деревьевъ, на солнцѣ засверкають стекла окошекъ; ты будешь на крыльцѣ рассказывать дѣтямъ, какъ ты страдалъ.

„Будешь ихъ учить, чтобы они, когда вырастутъ, не давали злымъ людямъ дѣлать злыя дѣла, чтобы они не сердились на злыхъ людей, а просили бы Бога, чтобы всѣ люди любили другъ друга, какъ братья...

„И дѣти твои послушаютъ тебя. Когда они вырастутъ, ты увидишь ихъ добрыми и честными, увидишь, какъ они будутъ помогать бѣднымъ. Ты будешь жить долго-долго! Волосы твои посѣдѣютъ, но сердце будетъ радостно биться.

„И когда ты умрешь, всѣ будутъ о тебѣ плакать и молиться и понесутъ тебя на зеленое кладбище, въ свѣтлый солнечный день. Надъ могилой твоей посадятъ розовый кустъ, и я буду по зарямъ пѣть надъ твоей могилой...”

О с е н ь .

Ужъ небо осенью дышало,	Съ своей волчихою голодной
Ужъ рѣже солнышко бли-	Выходить на дорогу волкъ;
стало,	Его почуя, конь дорожный
Короче становился день;	Храпитъ — и путникъ осто-
Лѣсовъ таинственная сѣнь	рожный
Съ печальнымъ шумомъ об-	Несется въ гору во весь
нажалась;	духъ.
Ложился на поля туманъ;	На утренней зарѣ пастухъ
Гусей крикливыхъ караванъ	Не гонить ужъ коровъ изъ
Тянулся къ югу; прибли-	хлѣва,
жалась	И въ часъ полуденный въ
Довольно скучная пора;	кружокъ
Стоять ноябрь ужъ у двора.	Ихъ не зоветъ его рожокъ.
Встаетъ заря во мглѣ холод-	Въ избушкѣ, распѣвая, дѣва
ной;	Придетъ, и, зимнихъ другъ
На нивахъ шумъ работъ	ночей,
умолкъ;	Трещить лучина передъ ней.

Пушкинъ.

Какъ летаютъ люди по воздуху.

До сихъ поръ на десять верстъ отъ земли могли подняться только два человѣка. Это были два англичанина Глешеръ и Коксвель. Поднялись они на воздушномъ шарѣ.

Воздушные шары дѣлаются обыкновенно изъ шелковой матеріи или тафты. Матерія обмазывается особымъ лакомъ, чтобы черезъ нее не проходилъ воздухъ. Воздушные шары дѣлаются большіе — сажени три-четыре въ поперечникѣ, а то и больше. Если напустить въ такой шаръ горячаго воздуха, то шаръ полетитъ кверху, какъ летитъ дымъ.

Поверхъ шара накидываютъ веревочную сѣтку. Къ сѣткѣ привязываютъ большую корзинку, сплетенную изъ прутьевъ. Въ корзинку садятся люди.

Вмѣсто горячаго воздуха воздушные шары можно наполнять свѣтильнымъ газомъ. Это тотъ газъ, который горитъ въ фонаряхъ на улицахъ. Свѣтильный газъ тоже поднимается вверхъ, какъ дымъ, потому что онъ легче воздуха. Есть другіе газы, еще легче. Самый легкій газъ называется водородомъ. Имъ лучше всего наполнять воздушные шары.

На воздушномъ шарѣ и поднялись 5-го сентября 1862 года Глешеръ и Коксвель. Шаръ полетѣлъ вверхъ очень быстро. Чѣмъ выше онъ поднимался, тѣмъ становилось холоднѣе. Поднявшись версты на три, Глешеръ и Коксвель долетѣли до облаковъ. Когда воздушный шаръ пролеталъ черезъ облака, они уже дрожали отъ холода и сырости. Въ туманѣ было и плохо видно. Когда же шаръ поднялся еще выше, стало свѣтлѣе; а затѣмъ показалось и голубое небо и солнце: шаръ поднялся выше облаковъ.

Сверху облака казались бѣлымъ волнистымъ полемъ, которое словно покрывалъ снѣгъ. Черезъ разрывы облаковъ кое-гдѣ можно было видѣть землю — деревни, лѣса, города, море, корабли.

Выше облаковъ стало еще холоднѣе. На высотѣ около четырехъ-пяти верстъ настала такой холодъ, что

замерзла вода. Дышать стало труднѣе, въ ушахъ зашумѣло, сердце сильно забилося. Но храбрые англичане рѣшили терпѣть до конца и не думали опускаться. На высотѣ восьми верстъ Глешеръ почувствовалъ такую слабость, что не могъ ни поднять руки, ни пошевелиться. Еще мгновеніе, и онъ упалъ безъ памяти. А шаръ все поднимался. Обоимъ смѣльчакамъ угрожала смерть. Земля находилась подъ ними въ десяти верстахъ. Глешеръ, весь посинѣвшій, лежалъ какъ мертвецъ. Коксвель, тоже

ПОЛЕТЪ ВОЗДУШНАГО ШАРА.

закоченѣвшій и едва дышавшій, собралъ, наконецъ, послѣднія силы и хотѣлъ поднять руку. Рука не дѣйствовала, а висѣла, какъ плеть. Тогда онъ зубами потянулъ веревку, которая была привязана къ клапану шара. Клапанъ отворился, газъ началъ понемногу выходить изъ шара, и шаръ сталъ медленно опускаться.

На высотѣ десяти слишкомъ верстъ было двадцать четыре градуса мороза. А на землѣ въ это самое время деревья были покрыты зеленью, пестрѣли цвѣты. Внизу воздухъ былъ плотный; дышать было легко. Наверху

же онъ былъ такой рѣдкій, что въ немъ нельзя было дышать!

Кромѣ Гленіера и Коксвеля, поднимались на воздушныхъ шарахъ еще многіе, но не на такую страшную высоту. Выше восьми съ половиною верстѣ никто другой не поднимался. Случались и несчастія: не разъ и не два шары лопались, корзинка съ людьми падала съ огромной высоты, и люди разбивались.

Дорогая могила.

Есть небольшое сельское кладбище въ одномъ изъ отдаленныхъ угловъ Россіи. Какъ почти всѣ наши кладбища, оно являетъ видъ печальный: окружавшія его канавы давно заросли; сѣрые деревянные кресты поникли и гніютъ подъ своими, когда-то крашеными, крышами; каменные плиты всѣ сдвинуты, словно кто ихъ подталкиваетъ снизу; два-три оципанныхъ деревца едва даютъ скудную тѣнь; овцы безвозбранно бродятъ по могиламъ... Но между ними есть одна, до которой не касается человѣкъ, которую не топчетъ животное: однѣ птицы садятся на нее и поютъ на зарѣ. Желѣзная ограда ее окружаетъ; двѣ молодыя елки посажены по обоимъ ея концамъ. Къ ней, изъ недалекой деревушки, часто приходятъ два уже дряхлые старичка — мужъ съ женою. Поддерживая другъ друга, идутъ они отяжелѣвшею походкой; приблизятся къ оградѣ, припадутъ и станутъ на колѣни, и долго и горько плачутъ, и долго и внимательно смотреть на нѣмой камень, подъ которымъ лежитъ ихъ сынъ; помѣняются короткимъ словомъ, пыль смахнутъ съ камня, да вѣтку елки поправятъ, и снова молятся, и не могутъ покинуть это мѣсто, откуда имъ какъ будто ближе до ихъ сына, до воспоминаній о немъ...

Турпеневъ.

С л е з ы.

Слезы людскія, о, слезы людскія! Льетесь, какъ льются струи
дождевыя
Льетесь вы ранней и позд- Въ осень глухую, порою
ней порой; ночной.
Льетесь, безвѣстныя, лье-
тесь, незримыя, *Тютчевъ.*

Анна Бергуніонъ.

Анна Бергуніонъ была бѣдная французская дѣвушка. Семья у нея была небольшая: больная мать, отецъ и маленькая племянница. Жили они тихо, едва сводили концы съ концами. Анна давно желала итти въ монастырь; еще дѣвочкой она мечтала объ этомъ. Мать не отговаривала ее, и 18-ти лѣтъ Анна поступила въ монастырь. Тамъ ей жилось спокойно и хорошо. Но когда дѣвушка вспоминала свою больную мать и старика отца, ей становилось тяжело, что она оставила ихъ и ушла на покой.

Не долго пробыла она въ монастырѣ и вернулась къ своимъ. Жить стало еще тяжелѣе: мать хворала, отецъ старѣлъ, работать приходилось за всѣхъ, а здоровье у Анны было слабое. Но она не унывала; всегда она была весела, привѣтлива; никогда не жаловалась, что ей трудно. Она и хозяйничала, и ухаживала за больной матерью, и няньчила племянницу, и брала работу на домъ. Мало того, она ходила еще въ пріютъ бѣдныхъ дѣтей и учила дѣвочекъ разнымъ работамъ. Скоро она устроила цѣлую бѣлошвейную мастерскую: ея ученицы получали заказы и имѣли хорошій заработокъ.

Такъ шли годы. Отецъ и мать Анны умерли; осталась она одна на свѣтѣ. Но тотъ не одинъ, кто любитъ людей и хочетъ помогать имъ. Своимъ добрымъ сердцемъ Анна съ дѣтства любила людей, особенно больныхъ, слабыхъ, безпомощныхъ; работы же она не боялась. Мастерская ея шла попрежнему, но ей казалось все мало дѣла. Она взяла на воспитаніе за небольшую

плату нѣсколько слѣпыхъ дѣвушекъ. Сначала ей было трудно ладить съ ними. Онѣ были грубы, лѣнны, непослушны. Но кротостью и лаской Анна добила своего: дѣвушки исправились и горячо полюбили свою добрую воспитательницу. Скоро онѣ стали помогать Аннѣ въ ея мастерской: убрали комнаты, готовили кушанья; одна даже учила дѣвочекъ-мастерицъ шитью и вязанью. Дѣло мастерской шло отлично; всѣмъ жилось хорошо; но Анна думала о будущемъ. „Когда я умру, кто будетъ ходить за слѣпыми, — думала она, — кто о нихъ позаботится, кто будетъ любить ихъ?“ Анна рѣшила устроить общину, въ родѣ общины сестеръ милосердія; въ этой общинѣ сестры должны были учиться уходу за слѣпыми; тутъ должна была быть и школа, и мастерская, и пріютъ. Денегъ не было у Анны, но ей помогли добрые люди. Много хлопотъ и труда вынесла на своихъ плечахъ энергичная дѣвушка, пока добила своего. Община устроилась. Было нанято просторное помѣщеніе. Въ одномъ этажѣ была школа для дѣтей, которыхъ учили слѣпые и зрячія сестры; въ другомъ была мастерская. Въ заведеніи были и дѣти, и взрослые, и уже пожилыя женщины. Все было обставлено очень просто: всѣ ходили въ одинаковыхъ темныхъ платьяхъ; ѣли за общимъ столомъ; у всѣхъ сестеръ были одинаковыя маленькія кельи: столъ, стулъ, кровать — и ничего больше. Такая же келья была и у Анны. Жизнь шла тихо и мирно. Днемъ всѣ были за работой: кто училъ дѣтей грамотѣ, кто работалъ въ мастерской, кто готовилъ кушанья; инныя ухаживали за старыми и слабыми слѣпыми; тѣ, кто не могъ дѣлать тяжелой работы, вязали чулки, шарфы на продажу. По вечерамъ занимались музыкой, которую такъ любятъ слѣпые. Анна Бергуніонъ, привѣтливая, ласковая, спокойная, всѣмъ распорядилась, всѣхъ ободряла добрымъ словомъ, всѣхъ учила своимъ примѣромъ любить людей и быть имъ полезной.

Прошли годы. Старушка Анна Бергуніонъ сошла въ могилу, а ея община существуетъ до сихъ поръ. Слепые сестры съ глубокой благодарностью повторяютъ имя той, которая своей заботой и любовью скрасила ихъ печальную жизнь.

Мужъ и жена.

Девятнадцать лѣтъ послѣ смерти отца
Я остался одинъ сиротою;
Дочь сосѣда любила меня молодца;
Я женился и зажилъ съ женою!
Словно счастье на дворъ мнѣ она принесла, —
Дай Богъ царство небесное бѣдной!
Ужъ такая-то, братецъ, хозяйка была, —
Дорожила полушкою мѣдной!
Въ долгій вечеръ, бывало, лучину зажжетъ
И прядетъ себѣ, глазъ не смыкая;
Пѣтухи пропоютъ — ну, тогда отдохнетъ
И приляжетъ. А чуть свѣтъ разсвѣтаетъ,
Ужъ она на ногахъ: поглядишь, побѣжитъ
И овцамъ и коровамъ дастъ корму,
Печь истопить и снова за прялкой сидитъ
Или что прибираетъ по дому.
Лѣтомъ рожь станетъ жать иль снопы подавать
Съ земли на возъ, — и горя ей мало.
Я, бывало, скажу: „Не пора-ль отдыхать?“
— Ничего, говорить, не устала! —
Иногда ей случится обновку купить
Для утѣхи, такъ скажетъ: „Напрасно!
Мы безъ этого будемъ другъ друга любить;
Что ты тратишься, соколъ мой ясный!“
Какъ въ раю съ нею жить!.. Да не намъ, вѣрно, знать,
Гдѣ и какъ насъ кручина застанетъ!
Улеглася жена въ землю навѣки спать...
Вспомнишь, — жизнь немила тебѣ станетъ!

Никитинъ.

Какъ научились люди писать.

И въ настоящее время далеко еще не всѣ люди умѣютъ читать и писать. Прежде грамотныхъ было еще меньше; а было и такое время, когда человѣкъ совѣмъ еще не умѣлъ записывать свои мысли. Какъ же изобрѣлъ человѣкъ письмо?

Въ одномъ маленькомъ городкѣ около Харькова жила недавно старушка-прачка. Она была неграмотна. Тѣмъ не менѣе, она вела точныя записи взятаго бѣлья и очень гордилась своимъ изобрѣтеніемъ.

— Взяла я, напримѣръ, восемь платковъ у телеграфиста; нарисую платокъ, поставлю около 8 палочекъ, а потомъ столбы и проволоку между ними наверху. Вотъ и знаю, у кого и сколько взяла.

Такъ записывала она подробно все, рисуя предметы. Письмо обозначало почтового чиновника, строчки, написанныя черточками и точками, писаря и т. п. Такимъ образомъ, она изобрѣла сама для себя письмо, записывавая все фигурами. Такое же точно письмо фигурами употребляли люди въ далекое прежнее время. Въ могилахъ и на памятникахъ, на стѣнахъ храмовъ, уцѣлѣвшихъ отъ глубокой древности, мы находимъ много остатковъ такого письма фигурами. Многія дикія племена употребляютъ и до сихъ поръ этотъ способъ письма. Чтобы изобразить, напримѣръ, что отрядъ въ 100 человекъ переправился на 5 лодкахъ черезъ рѣку, рисуютъ рѣку, 5 лодокъ и на каждой изображаютъ 20 человѣческихъ фигуръ.

Но не всегда легко понять такое письмо фигурами. Поэтому мало-по-малу стали употреблять одни и тѣ же знаки для обозначенія извѣстныхъ предметовъ. Чтобы не тратить много труда и времени на рисованіе, стали чертить ихъ проще, сокращать. Солнце, напримѣръ, стали изображать въ видѣ точки въ кружкѣ (☉). Надо было выучить много такихъ значковъ для разныхъ словъ, чтобы умѣть писать и читать. Такъ пишутъ до сихъ поръ китайцы, обозначая каждое слово отдѣльнымъ значкомъ. Оттого грамота у нихъ очень трудна; чтобы выучиться ей, надо потратить на это нѣсколько лѣтъ. Чтобы сдѣлать записываніе легче, стали употреблять отдѣльные знаки для обозначенія слоговъ; такъ дѣлають это иногда въ ребусахъ. Наконецъ, стали употреблять отдѣльный знакъ для каждаго звука. Такъ произошелъ звуковой способъ письма, который мы теперь употребляемъ. Намъ уже не нужно рисовать отдѣльные пред-

меты и выучивать множество отдѣльных значковъ для обозначенія каждаго слова. Мы различаемъ въ каждомъ словѣ звуки и учимъ значки для обозначенія этихъ звуковъ, т. е. буквы. Изъ буквъ мы можемъ составить какое угодно слово. Наши русскія буквы произошли отъ славянскихъ, а славянскія взяты изъ греческаго языка.

Теперь мы употребляемъ для письма бумагу, которая готовится на фабрикахъ изъ тряпокъ. Въ прежнее время записи выѣкали на каменныхъ стѣнахъ храмовъ, на могильныхъ памятникахъ. Нѣкоторые народы писали острыми палочками на мягкихъ глиняныхъ кирпичикахъ; ихъ потомъ высушивали и сохраняли. Писали острыми палочками на дощечкахъ, покрытыхъ воскомъ, но такія записи скоро стирались. Многіе народы писали на папирусѣ. Папирусъ — болотное растеніе теплыхъ странъ. Стебель его разрѣзывали, разстилали на доскѣ, смачивали водою, постепенно высушивали и проклеивали. Писали на длинныхъ лентахъ папируса, свертывая ихъ въ трубки. Кромѣ того, для письма употребляли долго пергаментъ. Пергаментъ готовили изъ шкурокъ молодыхъ животныхъ, — телятъ, свиней. Кожу очищали отъ волоса, тщательно высушивали, растягивали, гладили, покрывали мѣломъ и полировали. Писали на пергаментѣ особыми палочками, часто тушью, зарисовывая и раскрашивая заглавныя буквы. Такъ какъ пергаментъ былъ дорогъ, то исписывали на немъ всякое свободное мѣстечко; на томъ мѣстѣ, гдѣ письмо отъ времени стиралось, нерѣдко переписывали что-либо новое. Благодаря всему этому, книги въ то время были очень дороги и составляли роскошь, доступную только царямъ и очень богатымъ людямъ.

Только въ двѣнадцатомъ вѣкѣ научились готовить бумагу, и книга стала доступнѣе для всѣхъ.

Вогданъ Шипкинъ.

Изъ угла въ уголъ въ темной землянкѣ ходилъ сѣдой генераль, нервно покусывая усы. Онъ останавливался надъ разбросанными по столу картами Шипки, соображалъ что-то и опять принимался ходить.

У дверей, на табуретѣ, сидѣлъ молоденькій офицеръ, то и дѣло засыпавшій отъ усталости.

— Петровъ, ложитесь, засните пока.

— Нѣтъ, я не хочу, ваше превосходительство, это меня въ теплѣ растомило.

— Ну, ладно. Что жъ это казаки?

Петровъ сорвался съ мѣста, кинулся въ дверь.

— Нѣтъ ихъ еще, не вернулись. Путь тяжелый.

— Самъ знаю, что тяжелый.

За дверьми раздались шумъ и говоръ многихъ голосовъ.

— Что тамъ? Посмотрите, Петровъ.

Офицеръ не успѣлъ еще подойти къ двери, какъ она раскрылась со двора. Весь опущенный снѣгомъ, съ обледепѣлою бородою и побѣлѣвшими бровями, въ землянку вошелъ казачій офицеръ.

— Слава Богу! Наконецъ-то!

— Честь имѣю доложить...

— Прошли весь путь?

— Весь, ваше превосход...

— Можно пушки провезти?

— Провезти нельзя, пронести съ пѣхотою на гужахъ можно.

— Кавалерія пройдетъ?

— Съ трудомъ, а пройдетъ.

Генералъ повеселѣлъ.

— Ну, спасибо за добрую вѣсть. На турокъ не наткнулись?

— Нѣтъ.

— Ничего не нашли?

— Нашли-съ, — улынулся офицеръ. — Мои станичники нашли.

— Что такое?

— Позвольте ужъ имъ... Совсѣмъ не казачье дѣло!..

— Ну, позовите ихъ, — заинтересовался генералъ.

Казаки ввалились въ просторную землянку и оставились у дверей, какъ вкопанные. У сѣдого казака оттопырилась только шинель на груди.

— Что вы тамъ нашли?

Казакѣ, переминаясь, смотрѣли другъ на друга и конфузились.

— Чего же вы молчите?

Находка, впрочемъ, отвѣтила сама за себя. Почувявъ тепло, ребенку захотѣлось выбраться изъ-за грубаго сукна пинели. Онъ заоралъ благимъ матомъ и заработалъ ручонками, упираясь ими въ грудь казака.

— Вотъ тебѣ и на! — остоленѣлъ генераль.

Старикъ казакъ вышелъ впередъ, вынулъ изъ-за пазухи дитя и положилъ его прямо на столъ, на карты и планы генерала.

— Вотъ тебѣ и на! — повторялъ про себя генераль, щекоча у ребенка за ухомъ и, очевидно, не зная, что же съ нимъ дѣлать. Попробовалъ въ ротъ ему палецъ — сдвинулъ тотъ деснами, такъ что больно стало. — Вотъ тебѣ и на!

А ребенокъ, заработавъ руками и ногами, опять было уже собиравшійся заорать, да огонекъ свѣчи увидѣлъ и раздумалъ. Уставился на него, вытянулъ губы трубочкой, выпучилъ глаза.

— Ишь... Если ему коняку дать? — задумался генераль.

— Они коняку не пьютъ-съ, — почтительно доложилъ старикъ казакъ.

— А молока нѣтъ...

— Они и сухарь чудесно кушаютъ.

— А ну-ко, ну-ко!

— Казакъ разжевалъ сухарь и положилъ его въ ротъ ребенку.

Тотъ потянулся къ казаку.

— Они еще просятъ.

— Какъ же вы это, ребята, теперь? Болгарамъ развѣ обратно его послать?

— Дозвольте намъ его оставить у себя. Потому какъ онъ намъ на счастье Богомъ посланъ.

— Да какъ же вы его кормить-то станете?

Съ пальца, ваше превосходительство.

— Ну, ежели съ пальца!.. — раздумчиво проговорилъ генераль. — Агу! Агу! А только кто-нибудь долженъ...

Всѣмъ нельзя... У семи нянекъ, т. е. двадцати казаковъ... того, безъ глазу... Ишь шустрый какой!

— Мы ужъ и сами такъ надумали. Пушай одинъ. А всѣ мы будемъ пищу ему доставать.

— Будемъ стараться, это точно.

— Кто же одинъ-то, кто?

— Пушай дите само выбираетъ, ваше превосходительство.

— Да какъ же, чудаки этакіе, оно выбрать?

— А вотъ, кому оно засмѣется, тотъ пусть и будетъ ему кормилкой.

— А ну-ка, — совсѣмъ ужъ заинтересовался генераль, — ну-ка?

— Только, братцы, безъ подвоха, — условливались казаки. — Чтобъ не щекотать его.

— Честно, ребята.

Бородатая, огрубѣвшія среди балканской зимы лица, опушенные всклокоченными бородами, поочередно наклонялись къ ребенку. Изъ-подъ грубыхъ, щетинистыхъ бровей мягко смотрѣли добрые глаза станичниковъ. Но ребенокъ, злясь на то, что они заслоняли отъ него огонекъ свѣчи, только кривлялся и перебиралъ руками. Наконецъ, захвативъ пухлой ручонкой такую же пухлую, словно нитками перевязанную ногу, малютка успокоился; а когда старый казакъ зашелъ со стороны, такъ что дитя и пламя свѣчи увидѣло, находка почувствовала себя какъ нельзя лучше и засмѣялась.

— Мой, братцы! — обрадовался тотъ, забирая къ себѣ за пазуху ребенка.

— Твой, такъ твой. Твое счастье.

— Ну, вотъ тебѣ на зубокъ золотой.

— Много благодаренъ вашему превосходительству.

— Что же ты его, а?..

— Вырастетъ — казакъ будетъ. Ужъ я изъ него такого казака сдѣлаю...

— А имя-то, имя какъ?

Казаки опѣшили. Они объ этомъ и не подумали.

— Я такъ полагаю, — замѣтилъ генераль, — фамилію

дать ему Шипкинъ: на Шипкѣ его нашли,— ну, и пусть будетъ Шипкинъ!

— Потому, ваше-ство, какъ его Богъ послалъ, пускай же онъ будетъ Богданомъ!

— Ну, и чудесно. Ну, прощай, Богданъ Шипкинъ! Прощайте, станичники! Спасибо!..

— Рады стараться, ваше-ство!

И Богданъ Шипкинъ, будущій казакъ, былъ торжественно унесенъ изъ генеральской землянки.

Немировичъ-Данченко.

Гуттенбергъ, изобрѣтатель книгопечатанія.

Въ старыя времена люди не умѣли печатать книгъ: всѣ книги переписывались. Теперь, на печатной машинѣ, въ одинъ день можно отпечатать нѣсколько сотенъ одинаковыхъ книгъ, а прежде одну такую книгу переписывали годъ, два и больше. Книгъ было мало; мало было и грамотныхъ людей: темное и невѣжественное было время. Пробовали иные замѣнить переписку книгъ тисненіемъ: вырѣзывали на деревянной доскѣ страницу письма, смазывали доску краской и оттискивали на бумагѣ. Но этотъ способъ былъ неудобенъ и дорогъ.

И вотъ въ головѣ одного человѣка зародилась свѣтлая мысль: вырѣзывать не доски, которыя годятся только для одной книги, а сдѣлать отдѣльныя буквы, которыя можно складывать, разбирать; ими можно было уже печатать разныя книги. Мысль эта была поистинѣ великая: она создала книгопечатаніе.

Иоаннъ Гуттенбергъ, изобрѣтатель книгопечатанія, родился лѣтъ 500 тому назадъ, въ нѣмецкомъ городѣ Майнцѣ. Онъ былъ сынъ бѣдной, но знатной дворянской семьи. Въ юности онъ много путешествовалъ, много учился, зналъ нѣсколько ремеслъ. Какъ человѣкъ образованный, онъ хорошо понималъ цѣну просвѣщенія: окружающее его невѣжество глубоко печалило его, и мысль о печатаніи книгъ не выходила у него изъ головы.

И это дѣло стало цѣлью всей его жизни. Онъ отдалъ ему свое время, свои силы, свои способности, свои сред-

ства. Надо было не только придумать способ печатанія, но самому исполнить все нужное для работы: вырѣзывать буквы, составить сплавъ для отливки ихъ, сдѣлать краску, сдѣлать модель (образецъ) станка для печатанія. Такъ какъ денегъ у Гуттенберга было мало, а изобрѣтеніе требовало не мало средствъ, то ему приходилось брать себѣ въ товарищи людей денежныхъ. Эти това-

ІОАННЪ ГУТТЕНБЕРГЪ.

риши не разъ обманивали его, пользовались его изобрѣтеніемъ для своихъ выгодъ, отбирали у него типографію. Не мало несчастій, гоненій и обмановъ претерпѣлъ Гуттенбергъ. Три раза онъ устраивалъ типографію и три раза лишился ея. Нѣсколько разъ жизнь его подвергалась опасности; нѣсколько разъ злые люди пытались украсть и присвоить его великую мысль. Ему не вѣрили, его обви-

няли въ колдовствѣ, мѣшали его работѣ, смѣялись надъ нимъ. И холодъ, и голодъ, и всякія лишенія терпѣлъ этотъ великій человекъ, но все-таки добился своего: книгопечатаніе установилось прочно. Великое изобрѣтеніе облетѣло весь міръ. Вездѣ стали устраивать типографіи, печатать книги. Книгъ стало много, онѣ стали дешевле; больше стало грамотныхъ и образованныхъ людей. Этого только и хотѣлъ Гуттенбергъ. Не даромъ, значить, прожилъ онъ свою жизнь.

Люди поняли пользу и выгоду книгопечатанія; содер-

жатели типографій нажили себѣ большія деньги, а великій изобрѣтатель, одинокій и бездомный, умеръ бѣднякомъ, и даже могила его неизвѣстна. Но потомство свято хранить имена великихъ людей, и имя Гуттенберга останется навѣки въ памяти человѣчества.

Жена ямщика.

Жгучъ морозъ трескучій; Грѣхъ какой случился
На дворѣ темно; На пути глухомъ!..
Серебристый иней „Дѣло мое бабѣ,
Запустилъ окно. Цѣлый вѣкъ больна,
Что я буду дѣлать
Одиной-одна!

Тяжело и скучно, „Сынъ еще ребенокъ,
Тишина въ избѣ, Скоро-ль подрастетъ?
Только вѣтеръ воетъ Бѣдный!.. все гостинца
Жалобно въ трубѣ, Отъ отца онъ ждетъ!..
И горитъ лучина,
Издавая трескъ,
На полати, стѣны
Разливая блескъ.

Дремлетъ подлѣ печки, Горемыка-мать:
Прислонясь къ стѣнѣ, „Ты бы легъ, касатикъ,
Мальчуганъ кудрявый Перестань дремать!“
Въ старомъ зипунѣ. — А зачѣмъ же, мама,

Слабо освѣщаетъ Ты сама не спишь,
Блѣдный огонекъ И вечеръ все прятла,
Дѣтскую головку И теперь сидишь?—
И румянецъ щекъ. „Охъ, мой ненаглядный,
Прясть-то нѣтъ ужъ силъ:
Тѣнь его головки Что-то такъ мнѣ грустно,
На стѣнѣ лежитъ; Божій свѣтъ не миль!“

На скамѣ, за прялкой — Полно плакать, мама! —
Мать его сидить. Мальчуганъ сказалъ
Пятая недѣля И къ плечу родимой
Вотъ къ концу идетъ, Головой припаль.—
Мужъ что въ воду кануль,
Вѣсточки не шлетъ. „Я не стану плакать.

„Ну, Господь помилуй, Я тебѣ соломки
Если съ мужикомъ Принесу снопокъ,
„Постелю постельку,

И Господь пошлетъ —
Твой отецъ гостинецъ
Скоро привезетъ;

„Новыя салазки
Сдѣлаетъ опять,
Будетъ въ нихъ сыночка
По двору катать“...

И дитя забылось.
Ночь длинна-длинна...
Мѣрно раздается
Звукъ веретена.

Дымная лучина
Чуть въ свѣтцѣ горитъ,
Только вьюга какъ-то
Жалобнѣй шумитъ.

Мнится, будто стонетъ
Кто-то у крыльца,
Словно провожаютъ
Съ плачемъ мертвеца...

И на память пряхѣ
Молодость пришла,
Вотъ и мать-старушка,
Мнится, ожила.

Сѣла на лежанку
И на дочь глядитъ:
„Сохнешь ты, родная,
Сохнешь, говоритъ.

„Гдѣ тебѣ, голубкѣ,
За мужемъ-то жить,
Трудъ, порой рабочей,
Въ полѣ выносить!

„И въ кого родилась
Ты съ такимъ лицомъ?
Старшій-то сестры —
Кровь, вѣдь, съ молокомъ!

„И разгульны, правда,
Нечего сказать,
Да зато имъ шутка
Молотить и жать.

„А тебя за разумъ
Хвалить вся семья,
Да любить-то... любить
Только мать твоя“.

Вотъ въ сѣняхъ избушки
Кто-то застучалъ.

— Батюшка пріѣхалъ! —
Мальчуганъ сказалъ

И вскочилъ съ постели,
Щеки ярче розъ.

— Батюшка пріѣхалъ,
Калачей привезъ!..

— Вишь морозъ какъ
крѣпко

Дверь-то прихватилъ! —
Грубо гость знакомый
Вдругъ заговорилъ...

И мужикъ плечистый
Сильно дверь рванулъ,
На порогъ съ шапки
Иней отряхнулъ.

Осѣнилъ три раза
Грудь свою крестомъ,
Почесалъ затылокъ
И сказалъ потомъ:

— Здравствуешь, сосѣдка!
Какъ живешь, мой свѣтъ?
Экая погодка,
Въ полѣ слѣду нѣтъ!

„Ну, не съ доброй вѣстью
Я къ тебѣ пришелъ:
Я лошадокъ вашихъ
Изъ Москвы привелъ.“ —

„А мой мужъ? — спросила
Ямщика жена,
И бѣлѣ свѣга
Сдѣлалась она.

— Да, въ Москву прі-
ѣхавъ,

Вдругъ онъ захвораль, И Господь бѣднягѣ По душу послаль". Вѣсть, какъ громъ, упа- ла...	Стало, неча дѣлать, Богъ, зная, наказаль! Ну, прощай, покуда, Мнѣ домой пора; Лошади-то ваши Тутъ вотъ у двора. Да!.. вѣдь эка память, Все сталъ забывать: Вотъ отецъ синишкѣ Крестъ велѣлъ отдать. Самъ онъ черезъ силу Съ шеи его снялъ, Въ грамоткѣ мнѣ отдалъ Въ руки и сказалъ: „Вотъ благословенье Сыну моему; Пусть не забываетъ Мать, скажи ему“. А тебя-то, видно, Крѣпко онъ любилъ,— По смерть твое имя, Бѣдный, онъ твердилъ.
И, едва жива, Перевестъ дыханья Не могла вдова; Опустивъ ручонки, Сынъ дрожалъ, какъ листь... За стѣной избушки Былъ и плачь и свистъ. — Вишь, какая притча! Разсуждалъ мужикъ. Вѣрно я не въ пору Развязаль языкъ. А вѣдь жалко бабу, Что и говорить! Скоро ей придется По міру ходить! — Полно горевать-то, Онъ вдовѣ сказалъ:	Никитинъ.

П о с л о в и ц ы .

Не все то золото, что блестить.
По платью встрѣчаютъ, по уму провожаютъ.
Не мѣсто красить человѣка, а человѣкъ мѣсто.
Добрая слава лежитъ, а худая бѣжить.

Докторъ Дженнеръ.

Съ самыхъ древнихъ временъ извѣстна ужасная болѣзнь — оспа. Много миллионовъ народу убивала она во всѣхъ странахъ; иногда отъ нея вымирали цѣлыя селенія, цѣлые города. Много разныхъ средствъ было испробовано врачами, чтобы излѣчивать людей отъ этой болѣзни, но напрасно: большинство умирало отъ нея; кто выживалъ, страдалъ слабостью, малокровіемъ, иногда глухотой и слѣпотой. И вотъ, 100 лѣтъ тому назадъ,

въ 1796 году, сельскій докторъ, англичанинъ Дженнеръ, открылъ новый способъ лѣченія: онъ сталъ прививать больному коровью оспу.

Дженнеръ былъ сынъ пастора и рано остался круглымъ сиротой. Онъ учился въ приходской школѣ, потомъ былъ отданъ въ ученіе къ деревенскому врачу. Черезъ нѣсколько времени Дженнеръ переѣхалъ въ Лондонъ; тамъ онъ продолжалъ изученіе врачебной науки у одного знаменитаго лондонскаго доктора. Способности у Дженнера были блестящія; онъ изучилъ свой предметъ прекрасно; оставшись въ Лондонѣ, онъ могъ бы имѣть большую практику и хорошій заработокъ.

Однако, молодой врачъ не соблазнился этимъ: онъ вернулся на свою родину въ деревню. Дѣла у него были вдоволь: онъ лѣчилъ больныхъ, которые приходили къ нему издалека; много читалъ, чтобы знать все новое, что дѣлалось въ медицинѣ; кромѣ того, онъ занимался изученіемъ природы, — это обогащало его свѣдѣніями. Какъ врача, его интересовалъ вопросъ объ оспѣ, — болѣзни, отъ которой почти не было спасенія. Онъ много читалъ объ этой болѣзни, наблюдалъ больныхъ оспой и огорчался, что нельзя спасти людей отъ этого ужаснаго бича.

Изучая болѣзни животныхъ, Дженнеръ замѣтилъ, что у коровъ бываетъ тоже оспа, похожая на человѣческую, только слабѣе. Ему приходилось слышать, что коровьей оспой заражались женщины-доильщицы, — у нихъ дѣлалась легкая оспа, настоящая потомъ уже не приставала къ нимъ. Сталъ Дженнеръ думать, нельзя ли коровью оспу прививать людямъ: можетъ-быть, это ихъ спасетъ отъ настоящей. Цѣлые 30 лѣтъ работалъ Дженнеръ надъ этимъ вопросомъ: онъ дѣлалъ опыты, наблюдалъ больныхъ животныхъ, дѣлалъ прививки оспы отъ одного животнаго другому; наконецъ, онъ убѣдился, что его предположеніе вѣрно: коровья оспа предохраняетъ отъ настоящей.

Надо было испробовать открытіе на человѣкѣ. Дженнеръ взялъ гной отъ коровьей оспы и привилъ его къ рукѣ 8-милѣтняго мальчика. У мальчика сдѣлался легкій жаръ, потомъ выступила сыпь, налитись небольшіе

шіе гнойнички; через нѣсколько дней ребенокъ выздоровѣлъ. Оставалось сдѣлать самое главное: надо было убѣдиться, спасетъ ли ребенка эта привитая коровья оспа отъ настоящей. Дженнеръ взялъ гной отъ человѣка, больного настоящей оспой, и впустилъ этотъ гной ребенку. Докторъ былъ убѣжденъ, что его способъ прививки вѣрный, но все-таки онъ страшно волновался. И дни и ночи не отходилъ онъ отъ ребенка, не ѣлъ, не спалъ, былъ самъ точно въ лихорадкѣ. Прошелъ нужный срокъ—ребенокъ остался совершенно здоровъ. Оказалось, что Дженнеръ былъ правъ: коровья оспа спасла ребенка отъ настоящей. Велико было торжество Дженнера: не даромъ, значить, трудился онъ надъ этимъ вопросомъ цѣлые 30 лѣтъ.

Онъ разсказалъ о своемъ открытіи врачамъ, написать о немъ въ журналахъ, но ему не повѣрили, подняли его на смѣхъ. Мысль о такомъ лѣченіи была слишкомъ нова и казалась безумной. Много непріятностей и горя вынесъ бѣдный Дженнеръ. Его называли безумцемъ, надъ нимъ смѣялись въ глаза и за глаза. Шутники стали рисовать въ смѣшномъ видѣ изобрѣтателя оспопрививанія и его больныхъ, у которыхъ, будто бы, послѣ прививки оспы, выросли коровьи рога и копыта. Нашлись даже такіе люди, которые стали увѣрять, что прививать оспу—большой грѣхъ. Тяжело было Дженнеру бороться съ людской злобой и глупостью, но онъ не унывалъ и продолжалъ свои опыты.

И, дѣйствительно, правда взяла верхъ. Увидали, наконецъ, что Дженнеръ былъ правъ; послѣ прививокъ смертность отъ оспы стала сильно уменьшаться. Въ одной Англіи смертность отъ оспы уменьшилась на 45 тысячъ человѣкъ въ годъ. То же было и въ другихъ странахъ, гдѣ стали вводить оспопрививаніе.

Дженнеръ былъ представленъ королю и королевѣ. Жители Лондона поднесли ему дипломъ, усыпанный брилліантами, и избрали его своимъ почетнымъ гражданиномъ. За его великое открытіе ему выдали большую сумму денегъ. Имя Дженнера стало произноситься съ уваженіемъ и благодарностью; клевета и насмѣшки стихли,

и скромный деревенскій докторъ получилъ всемірную извѣстность.

Дженнера звали переѣхать въ Лондонъ, предлагали ему почетныя мѣста, обѣщали огромный заработокъ. Но онъ не захотѣлъ покинуть своего тихаго деревенскаго уголка. Здѣсь, въ кругу семьи, продолжалъ онъ свои обычныя занятія. Онъ попрежнему лѣчилъ больныхъ, помогаль бѣднымъ; попрежнему дѣлалъ опыты и наблюдалъ; исполнялъ также обязанности деревенскаго судьи. Дженнеръ умеръ 74 лѣтъ отъ роду. На могилѣ его стоитъ мраморный памятникъ — статуя. Статуя изображаетъ Дженнера; онъ сидитъ на табуретѣ и прививаетъ оспу ребенку, лежащему у него на колѣняхъ.

С И Г Н А Л Ъ.

Идетъ разъ желѣзнодорожный сторожъ Семень лѣсомъ; солнце уже низко было; тишина мертвая; слышно только, какъ птицы чирикають, да валежники подъ ногами хрустятъ. Прошелъ Семень немного еще; скоро и полотно; и чудится ему, что-то еще слышно, будто гдѣ-то желѣзо о желѣзо позвякиваетъ. Пошелъ Семень скорѣй. Ремонта въ то время на ихъ участкѣ не было. „Что бы это значило?“ думаетъ. Выходитъ онъ на опушку — передъ нимъ желѣзнодорожная насыпь подымается; наверху, на полотнѣ, человекъ сидитъ на корточкахъ, что-то дѣлаетъ; сталъ подыматься Семень потихоньку къ нему: думалъ, гайки кто воровать пришелъ. Смотритъ, и человекъ поднялся; въ рукахъ у него ломъ; поддѣлъ онъ рельсъ ломомъ, какъ двинетъ его въ сторону. Потемнѣло у Семена въ глазахъ; крикнуть хочеть — не можетъ. Бѣжить онъ наверхъ бѣгомъ, а человекъ съ ломомъ и ключомъ съ другой стороны насыпи кубаремъ катится.

Стоитъ Семень надъ отвороченнымъ рельсомъ. Поездъ идетъ не товарный, пассажирскій. И не остановить его ничѣмъ: флага нѣтъ. Рельса на мѣсто не поставишь; голыми руками костылей не забьешь. Бѣжать надо, не-

премѣнно бѣжать въ будку за какимъ-нибудь припасомъ. Господи, помоги!

Бѣжить Семень къ своей будкѣ, задыхается. Бѣжить, вотъ-вотъ упадетъ. Выбѣжалъ изъ лѣсу — до будки сто сажень не больше осталось, слышитъ, на фабрику гудокъ загудѣлъ. Шесть часовъ. А въ двѣ минуты седьмого поѣздъ пройдетъ. Господи, спаси невинныя души! Такъ и видитъ передъ собою Семень: хватить паровозъ лѣвымъ колесомъ о рельсовый обрубъ, дрогнетъ, накренится, пойдетъ шпалы рвать и вдребезги бить, а тутъ кривая, закругленіе, да насыпь, да валиться-то внизъ одиннадцать сажень, а тамъ, въ третьемъ классѣ народу биткомъ — набито, дѣти малыя. Сидятъ они теперь всѣ, ни о чемъ не думаютъ. Господи, вразуми Ты меня!.. Нѣтъ, до будки добѣжать и назадъ во-время вернуться не поспѣешь...

Не добѣжалъ Семень до будки, повернулъ назадъ, побѣжалъ скорѣе прежняго. Бѣжить почти безъ памяти, самъ не знаетъ, что еще будетъ. Добѣжалъ до отвороченнаго рельса: палки кучей лежатъ. Нагнулся онъ, схватилъ одну, самъ не понимаетъ зачѣмъ, дальше побѣжалъ. Чудится ему, что уже поѣздъ идетъ. Слышитъ свистокъ далекій, слышитъ, рельсы мѣрно и потихоньку подрагивать начали. Бѣжать дальше силъ нѣту: остановился онъ отъ страшнаго мѣста саженьяхъ во ста: тутъ ему точно свѣтомъ голову освѣтило. Снялъ онъ шапку, вынулъ изъ нея платокъ бумажный; вынулъ ножъ изъ за голенища, перекрестился, Господи благослови!

Ударилъ себя ножомъ въ лѣвую руку, повыше локтя; брызнула кровь, полила горячей струей; намочилъ онъ въ ней свой платокъ, расправилъ, растянулъ, навязалъ на палку и выставилъ свой красный флагъ.

Стоитъ, флагомъ своимъ размахиваетъ, а поѣздъ ужъ виденъ. Не видитъ его машинистъ, подойдетъ близко, а на ста саженьяхъ не остановить тяжелаго поѣзда!

А кровь все льетъ и льетъ; прижимаетъ Семень рану къ боку, хочетъ зажать ее, но не унимается кровь; видно, глубоко поранилъ онъ руку. Закружилось у него въ головѣ; въ глазахъ черныя мухи залетали; потомъ и

совсѣмъ потемнѣло; въ ушахъ звонъ колокольный. Не видитъ онъ поѣзда и не слышитъ шума, — одна мысль въ головѣ: не устою, упаду, уроню флагъ; пройдетъ поѣздъ черезъ меня... Помоги, Господи!..

И стало черно въ глазахъ его и пусто въ душѣ его, и онъ выронилъ флагъ. Но машинистъ уже увидѣлъ его, закрылъ регуляторъ и далъ контръ-паръ. Поѣздъ остановился.

Выскочили изъ вагоновъ люди, сбились толпою. Видятъ: лежитъ человѣкъ весь въ крови, безъ памяти, а возлѣ него кровавая тряпка на палкѣ.

Гаршинъ.

Тайныя слезы.

Раннимъ утромъ съ улыбкой	И съ печального неба на
ты встала;	землю
Небо ясно и солнце бле-	За слезою катилась
ститъ;	слеза.
Лугъ одѣлся жемчужной ро-	Такъ и въ свѣтѣ съ несчаст-
сою,	нымъ бываетъ:
И пчела надъ цвѣтами	Онъ всю ночь безутѣш-
жужжить.	но рыдалъ,
Ты не знаешь, что темною	Днемъ спокоенъ, и думаютъ
ночью	люди:
Бушевала до утра гро-	Онъ, счастливецъ, и го-
за,	ря не зналъ!

Павлова.

Хорошій человѣкъ.

Между ремесленниками города С. сильно развито пьянство. Они живутъ бѣдно; цѣлую недѣлю работаютъ въ грязной и душной мастерской, а праздники проводятъ въ кабакахъ, пропивая послѣдніе гроши. Такая жизнь губитъ людей. Но трудно винить ихъ, — горька ихъ безпросвѣтная жизнь: нѣтъ у нихъ ни полезной книги, ни разумнаго отдыха, ни хорошаго развлечения. Не винить ихъ надо, а прійти на помощь. Такъ и поступилъ рабочій Бѣловъ, сапожникъ по ремеслу, ученикъ воскресной школы. Горько ему было видѣть печальную жизнь

своихъ товарищей; и онъ сталъ горячо убѣждать ихъ одуматься, опомниться. Со слезами на глазахъ, съ дрожью въ голосѣ уговаривалъ онъ ихъ бросить пьянство и не губить себя. Горячая рѣчь Бѣлова подѣйствовала на рабочихъ,—нѣкоторые бросили пить. Бѣловъ сталъ носить въ мастерскія книги, сталъ читать ихъ по праздникамъ вслухъ. Это новое интересное занятіе удерживало отъ кабака. Послѣ чтенія шла бесѣда. И вотъ въ мастерскихъ, вмѣсто брани и пьяныхъ пѣсенъ, повелась разумная рѣчь. Многіе оглянулись на свою прошлую жизнь и приняли рѣшеніе исправиться. Но слабъ человѣкъ: пришелъ праздникъ, хочется хоть чѣмъ-нибудь развлечься, повидать людей; ноги такъ и заворачиваютъ въ кабаки: куда же больше итти рабочему человѣку?

Зналъ все это Бѣловъ, жалѣлъ товарищей и все думалъ, какъ бы имъ найти хорошее мѣсто отдыха. Прочелъ онъ разъ въ газетахъ, что въ разныхъ городахъ устраиваются общества трезвости. Нѣсколько человѣкъ даютъ обѣщаніе не пить вина и удерживать отъ пьянства товарищей. Они и составляютъ участниковъ или членовъ общества трезвости. Они собираются вмѣстѣ, вносятъ, кто сколько можетъ, денегъ, выписываютъ газету, проводятъ время въ бесѣдѣ, въ чтеніи. Примѣръ—великое дѣло: перестанетъ пить одинъ, за нимъ другой, а тамъ и третій, и такъ далѣе: одному бы, можетъ-быть, не выдержать, а въ компаніи легче.

Бѣловъ задумалъ устроить такое общество для ремесленниковъ своего города. Много было хлопотъ съ этимъ дѣломъ. Сначала надо было уговорить товарищей итти въ члены и дать крѣпкое обѣщаніе бросить вино. Потомъ надо было получить разрѣшеніе отъ губернатора; найти мѣсто, гдѣ бы члены могли собираться. При обществѣ Бѣловъ хотѣлъ завести чайную. Въ ней ремесленники могли бы пить чай за недорогую плату, читать газету, бесѣдовать. Денегъ у Бѣлова не было; но у него было нѣчто другое, гораздо болѣе важное: у него была любовь къ людямъ, крѣпкая вѣра въ хорошее дѣло и сильная воля. Много насмѣшекъ и издѣвательствъ пришлось ему вынести. Смѣялись надъ нимъ и

свой братъ — мастеровой, и хозяева мастерскихъ, и торговцы, и кабатчики. Говорили, что изъ его затѣи не выйдетъ толку. Но Бѣловъ не унывалъ. Многихъ людей онъ обѣгалъ въ городѣ: у однихъ просилъ совѣта, у другихъ помощи — и исполнилъ таки дѣло: разрѣшеніе было дано, помѣщеніе подыскано, деньги собраны.

Общество трезвости открылось. Въ первый же мѣсяцъ въ него записалось 300 человѣкъ. Открылась чайная и то же съ перваго дня была полна народомъ. Хорошее дѣло нашло себѣ поддержку въ городѣ: стали жертвовать на общество деньгами, припасами, книгами. Теперь, кромѣ чайной, въ обществѣ есть библіотека для чтенія, большая зала, гдѣ даются представленія. Играютъ сами члены общества, мастеровые, ихъ жены, дочери; иногда участвуютъ и другіе любители; публика тоже все больше изъ ремесленниковъ. Залъ всегда переполненъ зрителями. Праздничные вечера рабочаго люда проходятъ здѣсь весело и разумно. Въ помѣщеніи общества устраиваются чтенія съ волшебнымъ фонаремъ, хоровыя спѣвки для желающихъ. Тутъ же въ особые часы учатъ женщинъ и дѣвушекъ кройкѣ и шитью.

Число членовъ общества все растетъ; вмѣстѣ съ тѣмъ убываетъ число пьяницъ между рабочими. Многіе съ уваженіемъ произносятъ имя своего товарища, сапожника Бѣлова, положившаго начало такому доброму дѣлу.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Рождество Пресвятой Дѣвы Маріи.	5
Введеніе во храмъ Пресвятой Дѣвы Маріи.	—
Благовѣщеніе Пресвятой Дѣвѣ Маріи.	8
Рождество Господа Иисуса Христа.	—
Срѣтеніе Господа Иисуса Христа.	10
Крещеніе Господа Иисуса Христа.	12
Преображеніе Господа Иисуса Христа.	14
Входъ Господа Иисуса Христа въ Іерусалимъ.	16
Тайная вечеря.	—
Предательство Іуды.	20
Господь Иисусъ Христосъ на судѣ у первосвященника и у Пилата.	—
Распятіе и крестныя страданія Господа Иисуса Христа	22
Смерть и погребеніе Иисуса Христа.	24
Воскресеніе Господа Иисуса Христа.	25
Вознесеніе Господа Иисуса Христа.	—

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

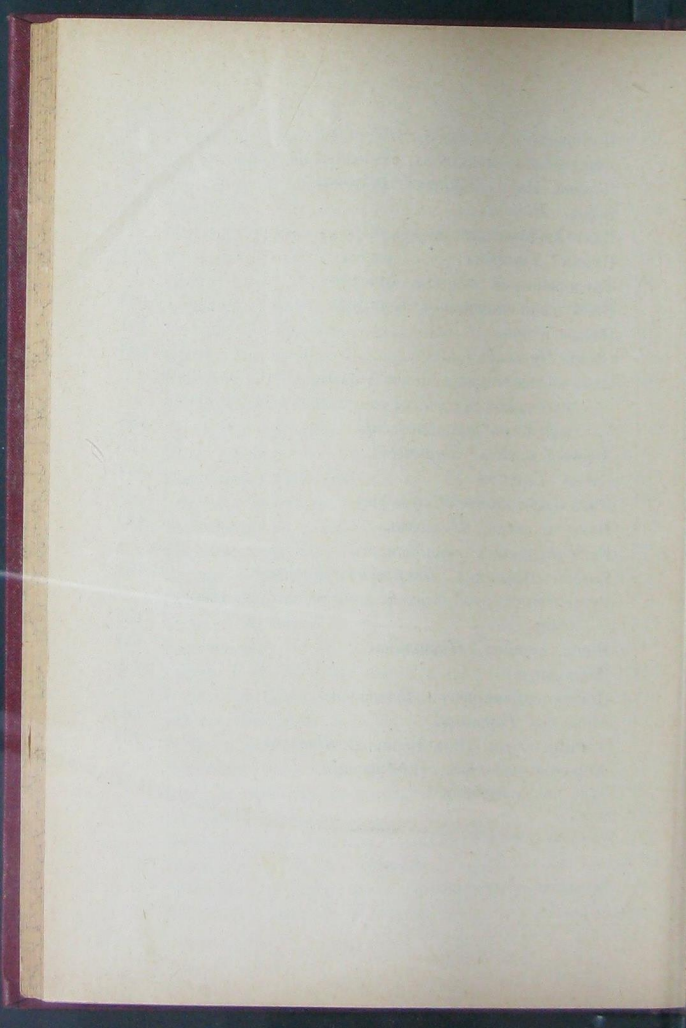
Камень. Изъ „Русскихъ книгъ для чтенія“ <i>Л. Н. Толстого</i>	31
Вѣтеръ и солнце.	—
Дѣвочка и грибы. (Быль). Изъ „Русскихъ книгъ для чтенія“ <i>Л. Н. Толстого</i>	32
Худой волкъ. Изъ „Русскихъ книгъ для чтенія“ <i>Л. Н. Толстого</i>	33
Капля дождевая. (Изъ Морица Гартмана). <i>А. Плещеевъ</i>	—

Ровное наслѣдство. (Басня). Изъ „Русскихъ книгъ для чтенія“ <i>Л. Н. Толстого</i>	Стр. 34
Дѣдушка и внучекъ.	—
Колыбельная пѣсня. <i>Майковъ</i>	35
Самоѣды.	—
Справедливый царь. Изъ „Русскихъ книгъ для чтенія“ <i>Л. Н. Толстого</i>	37
Муха. <i>Дмитріевъ</i>	38
Эскимосы.	—
Разсказъ мужика о томъ, за что онъ старшаго брата своего любить. Изъ „Русскихъ книгъ для чтенія“ <i>Л. Н. Толстого</i>	40
Сѣверное сіяніе. Изъ книги „Разсказы о великихъ и грозныхъ явленіяхъ природы“ <i>Рубакина</i>	41
Визирь Абдуль. Изъ „Русскихъ книгъ для чтенія“ <i>Л. Н. Толстого</i>	44
Утро. <i>Пушкинъ</i>	45
Холодныя страны.	—
Пожаръ. (Быль). Изъ „Русскихъ книгъ для чтенія“ <i>Л. Н. Толстого</i>	46
Дѣдушка. <i>Никитинъ</i>	47
Индѣйцы жаркой страны.	48
Индѣецъ и англичанинъ. Изъ „Русскихъ книгъ для чтенія“ <i>Л. Н. Толстого</i>	49
Семья на работѣ. <i>Некрасовъ</i>	—
Хинное дерево.	50
Добрый обычай.	52
Пословицы.....	—
Двѣ бочки. <i>Брыловъ</i>	53
Негры.	—
Филиппокъ. (Быль). „Изъ Русскихъ книгъ для чтенія“ <i>Л. Н. Толстого</i>	55
Сахарный тростникъ.	57

	Стр.
Великодушный незнакомецъ.	58
Изба. <i>Огаревъ</i>	59
Хлопчатникъ. (Изъ „Русской хрестоматіи“ <i>Барыш- никова</i>).	60
Знаніе — сила.	61
Чижь и голубь. <i>Крыловъ</i>	62
Рисъ. Изъ книжки „Какія есть на землѣ растенія и какая отъ нихъ польза человѣку“	—
Архіерей и разбойникъ. (Быль). Изъ „Русскихъ книгъ для чтенія“ <i>Л. Н. Толстого</i>	64
Пальмы. Изъ книжки „Какія есть на землѣ растенія и какая отъ нихъ польза человѣку“	65
Состраданіе на пожарѣ. <i>Пушкинъ</i>	68
Передъ ветхою избенкой. <i>Плещеевъ</i>	69
Пустыня.	—
Христосъ воскресъ. <i>Гончаровъ</i>	71
Мартышка и очки. <i>Крыловъ</i>	72
Австралійцы.	—
Какъ осудили вора. Изъ сборника „Цвѣтникъ“	74
Хлѣбное дерево. Изъ книжки „Какія есть на землѣ растенія и какая отъ нихъ польза человѣку“ .	76
Дочь. (Быль).	78
Ахъ, кабы на цвѣты да не морозы.	79
Монголы.	—
Дорогая копеечка. (Разсказъ каторжника). <i>Досто- евскій</i>	81
Пословицы.	82
Пѣтухъ и жемчужное зерно. <i>Крыловъ</i>	—
Чай.	—
Егорка Артельный.	84
Кофе.	85
Маша. <i>Тургеневъ</i>	87
Горы.	88

	<i>Стр.</i>
Горныя вершины. (Изъ Гёте). <i>Дермонтовъ</i>	90
Жизнь горцевъ	—
Черный день пахаря. <i>Григоровичъ</i>	93
Лѣсъ	94
Черемуха. (Разсказъ). Изъ „Русскихъ книгъ для чтенія“ <i>Л. Н. Толстого</i>	97
Море	98
Акула. (Разсказъ). Изъ „Русскихъ книгъ для чтенія“ <i>Л. Н. Толстого</i>	102
Приморскіе жители	104
Два богача. <i>Тургеневъ</i>	105
Пословицы	—
Зеркало и обезьяна. <i>Брыловъ</i>	106
Наша родина	—
Милостыня. <i>Гончаровъ</i>	107
Зимняя ночь въ деревнѣ. <i>Никитинъ</i>	108
Картофель	109
Воробей. <i>Тургеневъ</i>	112
Лисица и виноградъ. <i>Брыловъ</i>	—
Виноградъ	113
Птичка. <i>Плещеевъ</i>	115
Пословицы	—
Орудія и оружіе изъ камня	116
Клубы для рабочихъ дѣвушекъ въ Англіи	118
Пѣсня. <i>Кольцовъ</i>	119
Огонь и приготовленіе пищи	—
Человѣкъ подъ землей	121
Какъ и шли-прошли солдаты молодые	122
Одежда и жилище	123
Корнелія, мать братьевъ Гракховъ	125
Прохожіе и собаки. <i>Брыловъ</i>	126
Земледѣліе и прирученіе домашнихъ животныхъ	—
Бабушка и внучекъ. <i>Плещеевъ</i>	128

	Стр.
Пословицы	131
Употребленіе металловъ. Начало торговли	—
Порука. Изъ сборника „Цвѣтникъ“	132
Весна. <i>Майковъ</i>	135
Какъ люди ѣздятъ по землѣ	—
Нищій. <i>Тургеневъ</i>	137
Трудолюбивый медвѣдь. <i>Крыловъ</i>	—
Какъ люди научились ѣздить по водѣ	138
Пѣсня птички	141
Осень. <i>Пушкинъ</i>	143
Какъ летаютъ люди по воздуху. По статьѣ въ книгѣ Рубакина „Разсказы о великихъ и грозныхъ явленіяхъ природы“	144
Дорогая могила. <i>Тургеневъ</i>	146
Слезы. <i>Тютчевъ</i>	147
Анна Бергуніонъ. (Біографія)	—
Мужъ и жена. <i>Никитинъ</i>	149
Какъ научились люди писать	—
Богданъ Шипкинъ. <i>Немировичъ-Данченко</i>	151
Гуттенбергъ, изобрѣтатель книгопечатанія. (Біогра- фія)	155
Жена ямщика. <i>Никитинъ</i>	157
Пословицы	159
Докторъ Дженнеръ. (Біографія)	—
Сигналъ. <i>Гаршинъ</i>	162
Тайныя слезы. (Изъ Кернера). <i>Павлова</i>	164
Хорошій человѣкъ. (Біографія)	—

Алфавитный указатель статей второго отдѣла.

	Стр.
Австралійцы.	72
Акула. (Разсказъ).	102
Анна Бергуніонъ. (Біографія).	147
Архіерей и разбойникъ. (Быль).	64
Ахъ, кабы на цвѣты да не морозы.	79
Бабушка и внучекъ. <i>Плещеевъ</i>	128
Богданъ Шипкинъ. <i>Немировичъ-Данченко</i>	151
Великодушный незнакомецъ.	58
Весна. <i>Майковъ</i>	135
Визирь Абдуль.	44
Виноградъ.	113
Воробей. <i>Тургеневъ</i>	112
Вѣтеръ и солнце.	31
Горныя вершины. <i>Лермонтовъ</i>	90
Горы.	88
Гуттенбергъ, изобрѣтатель книгопечатанія. (Біографія).	155
Два богача. <i>Тургеневъ</i>	105
Двѣ бочки. <i>Крыловъ</i>	53
Добрый обычай.	52
Докторъ Дженнеръ. (Біографія).	159
Дорогая копеечка. <i>Достоевскій</i>	81
Дорогая могила. <i>Тургеневъ</i>	146
Дочь. (Быль).	78
Дѣвочка и грибы. (Быль).	32
Дѣдушка. <i>Никитинъ</i>	47
Дѣдушка и внучекъ.	34

	Стр.
Егорка Артельный.	84
Жена ямщика. <i>Никитинъ.</i>	157
Жизнь горцевъ.	90
Земледѣліе и прирученіе домашнихъ животныхъ.	126
Зеркало и обезьяна. <i>Брыловъ.</i>	106
Зимняя ночь въ деревнѣ. <i>Никитинъ.</i>	108
Знаніе — сила.	61
Изба. <i>Огаревъ.</i>	59
Индѣецъ и англичанинъ.	49
Индѣйцы жаркой страны.	48
Какъ и шли-прошли солдаты молодые.	122
Какъ летаютъ люди по воздуху.	144
Какъ люди ѣздятъ по землѣ.	135
Какъ люди научились ѣздить по водѣ.	138
Какъ научились люди писать	149
Какъ осудили вора.	74
Камень.	31
Капля дождевая. <i>Плещеевъ.</i>	33
Картофель.	109
Клубы для рабочихъ дѣвушекъ въ Англіи.	118
Колыбельная песня. <i>Майковъ.</i>	35
Корнелія, мать братьевъ Граховъ.	125
Кофе.	85
Лисица и виноградъ. <i>Брыловъ.</i>	112
Лѣсъ.	94
Мартышка и очки. <i>Брыловъ.</i>	72
Маша. <i>Тургеневъ.</i>	87
Милостыня. <i>Гончаровъ.</i>	107
Монголы.	79
Море.	98
Мужъ и жена. <i>Никитинъ.</i>	149
Муха. <i>Дмитріевъ.</i>	38
Наша родина.	106

Негры.	53
Нищій. <i>Тургеневъ.</i>	137
Огонь и приготовленіе пищи.	119
Одежда и жилище.	123
Орудія и оружіе изъ камня.	116
Осень. <i>Пушкинъ.</i>	143
Пальмы.	65
Передъ ветхою избенкой. <i>Плещеевъ.</i>	69
Пожаръ. (Быль).	46
Порука.	132
Пословицы. 52, 82, 105, 115, 131, 159	
Приморскіе жители.	104
Прохожіе и собаки. <i>Крыловъ.</i>	126
Птичка. <i>Плещеевъ.</i>	115
Пустыня.	69
Пѣсня. <i>Кольцовъ.</i>	119
Пѣсня птички.	141
Пѣтухъ и жемчужное зерно. <i>Крыловъ.</i>	82
Разсказъ мужика о томъ, за что онъ старшаго брата своего любитъ.	40
Рисъ.	62
Ровное наслѣдство. (Басня).	34
Самоѣды.	35
Сахарный тростникъ	57
Семья на работѣ. <i>Некрасовъ.</i>	49
Сигналъ. <i>Гаршинъ.</i>	162
Слезы. <i>Тютчевъ.</i>	147
Состраданіе на пожарѣ. <i>Пушкинъ.</i>	68
Справедливый царь.	37
Сѣверное сіяніе.	41
Тайныя слезы. <i>Павлова.</i>	164
Трудолюбивый медвѣдь. <i>Крыловъ.</i>	137
Употребленіе метталловъ. Начало торговли.	131

	<i>Стр.</i>
Утро. <i>Пушкинъ.</i>	45
Филиппокъ. (Быль).	55
Хинное дерево.	50
Хлопчатникъ	60
Хлѣбное дерево.	76
Холодныя страны.	45
Хорошій человѣкъ. (Биографія).	164
Христосъ Воскресе. <i>Гончаровъ.</i>	71
Худой волкъ.	33
Чай.	82
Человѣкъ подъ землей.	121
Черемуха (Разсказъ).	97
Черный день пахаря. <i>Григоревичъ.</i>	93
Эскимосы.	38

